

ISSN 2073-5618

документ **П**ереводчик

№ 14 2014

Забайкальский государственный университет

**Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России**

**Научно-художественный журнал
№ 14 – 2014**

П Е Р Е В О Д Ч И К

**Чита
ЗабГУ
2014**

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-III 407
П 8.3.

Научно-художественный журнал «Переводчик»
(Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России)

Главный редактор

О. В. Стельмак к.ф.н., доц. кафедры европейских языков и лингводидактики
ЗабГУ, председатель Забайкальского регионального
отделения Союза переводчиков России.

Редакционный совет:

Л. О. Гуревич президент Союза переводчиков России;

Т. В. Воронченко д.ф.н., проф., директор НИИ филологии и межкультурной
коммуникации ЗабГУ.

М. В. Константинов д. ист. наук, профессор кафедры истории ЗабГУ.

Редакционная коллегия: Т. И. Суханова, О. В. Ушникова, И. А. Боброва,
И. Н. Костина, И. Н. Силицкая.

Научно-художественный журнал «Переводчик» (Печатный орган Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России). Выпуск 14 / гл. ред. О. В. Стельмак. – Чита: Издательство Забайкальского гос. университета, 2014. – 266 с.

Журнал «Переводчик» предназначен для филологов, лингвистов, а также для тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения. Он знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы. Раздел «Дебют» представляет молодых одарённых переводчиков. Американистов и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. д.ф.н., проф. Т. В. Воронченко). Раздел «Лексикография» может оказаться полезным для переводчиков-практиков. Раздел «Земля Даурская» (ред. к.ф.н., доц. Т. И. Суханова) адресован краоведам Забайкалья. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов», «Конкурсы, конкурсы!!!» и др.

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-III 407

© ЗабГУ, 2014

Содержание

Информация

Семинар Международной ассоциации синхронных переводчиков для преподавателей перевода (июнь 2014, Астрахань).....	5
---	---

Новые переводы поэзии и прозы

Поэзия

Майя Квятковская. Слово о поэте и переводчице Владимире Васильеве. Перевод с французского Владимира Васильева.....	7
Фернандо Пессоа. Лирика. Абсурдный час. Перевод с португальского Геннадия Зельдовича.....	15
Роберт У. Сервис. Стихи. Перевод с английского Евгения Фельдмана.....	19
Французская басня XVII–XIX вв. Перевод с французского Майи Квятковской.....	26
Современная татарская поэзия. Рамис Айметов. Лирика. Перевод с татарского Николая Переяслова.....	31
Дарья Белокрылова, Томазо Вальсери. Японские мотивы в современной итальянской поэзии.....	40
Томас Гуд. Лирика. Перевод с английского Евгении Славороссовой.....	48
За каждым словом – свет её души. Поэзия Д-Х. Цынгуйевой. Вступительная статья и перевод лирики с бурятского Бориса Макарова.....	50
Марина Цветаева. Лирика. Вступительное слово и перевод на английский Екатерины Коржовой.....	61
Две лекции по анатомии. Вступительная статья и перевод с итальянского стихотворений Арриго Бойто и Бернандино Дзендрини Андрея Сапёлкина....	64
Из английской поэзии XVIII–XIX веков. Перевод с английского Сергея Александровского.	73
Эдит Несбит. Лирика. Перевод с английского Ольги Стельмак.....	82
Кристина Джорджина Россетти. Стихи. Перевод с английского Валентины Брилёвой.....	86
Уильям Шекспир. К вопросу о названии оптимистической трагедии Вступительное слово и перевод с английского отрывка из трагедии «Джульетта и Ромео» Ашота Сагратяна.....	89
Уильям Шекспир. Лирика. Перевод с английского Роберта Винонена, Евгении Славороссовой и Ольги Стельмак.....	94

Проза

Элинор Портер. Юпитер Энн. Рассказ. Перевод с английского Эльвиры Фарниевой.....	97
М. И. Рот. Немой пророк. Перевод с немецкого Елены Соколовой.....	101

Дугаржап Жапхандаев. Неизвестная цивилизация. Вступительное слово и перевод новелл с бурятского Виктора Балдоржиева.....	116
Современная исландская проза. Рассказы Г. Э. Минервудоттира и Тора Вильхьялмссона. Перевод с исландского Натальи Ковашкиной....	129
«Московитские письма» Локателли. Письмо 1. Вступительная статья и перевод с французского Николая Епишкина.....	137
Россыпи мудрости от Марион Коксвик. Современные норвежские афоризмы. Вступительная статья Элеоноры Панкратовой. Перевод афоризмов с норвежского Элеоноры Панкратовой и Ольги Маркеловой...	151
Дебют	
Мария Шадрина. Перевод английской, китайской и русской поэзии.....	158
Американа	
Анастасия Скопина. Постколониальная критика: Франц Фэнон, Эдвард Саид.....	166
Екатерина Жеребцова. Современная американская литература: с приставкой пост-.....	172
В копилку переводчика	
Николай Воропаев. Компетенции переводчика в современных условиях (на материале китайского языка).....	180
Лексикография	
Краткий исторический словарь французской моды. Составитель Николай Епишкин.....	199
Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова..	211
Земля Даурская	
Лариса Храмова. Глава III. Поговорим о временах (из книги «Храм, построенный из брёвен»). Перевод на английский Татьяны Сухановой.....	224
Ирина Барина. «Чашечку кофе, пожалуйста...». Перевод на немецкий Ирины Бобровой.....	227
Уголок поэтов.	
Иван Белокрылов. Лирика.....	232
Конкурсы, конкурсы, конкурсы...!!!	
XIX межрегиональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2014.....	237
Памятные даты	
Весь мир – театр или 450 лет со дня рождения Уильяма Шекспира.....	253
Приложение	
Стихи Марины Цветаевой.....	255
Сведения об авторах	257

Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of Russia

***Общероссийская общественная организация
«СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)***

член Международной федерации переводчиков (ФИТ)

*Россия, 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1,
Московский ин-т лингвистики, офис СПР
тел./факс +7(495) 616-3610, эл. почта gurutrus@yandex.ru
www.translators-union.ru*

**Семинар Международной ассоциации синхронных
переводчиков (АПС) для преподавателей перевода,
Астрахань (Россия), с 1 по 3 июня 2014**

В рамках данного 3-дневного семинара, проводимого бывшим организатором обучающего курса для переводчиков Европейской Комиссии Диком Флемингом, преподаватели синхронного перевода получат возможность углубиться в изучение как общих, так и конкретных учебных тем.

Аспекты передовых практик в обучении устных переводчиков. На данном 3-дневном семинаре участникам предложат рассмотреть как общие, так и конкретные вопросы, в том числе:

- Основные принципы обучения
- Последовательность педагогического развития/навыков
- Конкретные проблемы в преподавании/изучении синхронного и последовательного перевода (занятия по выявлению и устранению проблем)

Место проведения

Астраханский государственный университет, Каспийская высшая школа перевода.

Расписание

- 1 июня: 09:30 – 18:00
- 2 июня: 09:30 – 18:00
- 3 июня: 09:30 – 17:00

Дик Флеминг раньше занимался организацией обучающих курсов для переводчиков Европейской Комиссии, затем – тренингов для преподавателей, как в своей организации, так и в нескольких университетах.

Во время занятий, посвящённых выявлению и устранению проблем, он отдельно затронет интересующие участников вопросы. Участникам будет предложено отправить по электронной почте описание тех проблем, с которыми они и их студенты столкнулись в преподавании/изучении синхронного и последовательного перевода и для которых они бы хотели найти решение (заявки должны быть отправлены за 4 недели до начала семинара). Могут быть заданы и конкретные лингвистические вопросы, однако на их рассмотрение может не хватить времени в рамках семинара.

Таким образом, мы надеемся, что сможем предоставить участникам ответы на интересующие их конкретные вопросы, также предлагая при этом широкий и информативный обзор вопросов, заданных другими преподавателями.

Участники должны быть практикующими синхронными переводчиками и преподавателями синхронного перевода.

Регистрация

Максимальное число участников: 15

Для регистрации перейдите по ссылке¹:

Стоимость участия в семинаре

- Для лиц, не являющихся членами АПС: 220 €
- Для членов АПС: 180€

Для получения подробной информации, а также при возникновении вопросов, Вы можете написать Стефано Марроне на электронный адрес training@aiic.net

АПС сохраняет за собой право использовать фотографии, сделанные во время семинара, в целях рекламы. Если кто-то не хочет, чтобы его/её фотографии использовались в подобных целях, ему/ей следует написать об этом до начала семинара на электронный адрес, указанный выше.

¹<https://events.r20.constantcontact.com/register/event>

Поэзия

Майя Квятковская

**Слово о поэте и переводчике
Владимире Васильеве**

5 января 2014 года ушел из жизни Владимир Ефимович Васильев, замечательный представитель русской и типично петербургской школы перевода. Яркий, многогранный талант, с особой силой проявивший себя в сатирических жанрах – эпиграмме, эпиграфий, басне, старофранцузском фарсе, при этом он был тончайшим, проникновенным переводчиком мировой лирики. В его творческой жизни нашлось место и французам – Ронсару, Дю Белле, Малербу, Лафонтену, Верлену, Беранже, Гюго, Мюссе, Леконту де Лиллю, Эредиа, Бодлеру, Верлену, Аполлинеру, Кокто и Ануйя; и англичанам – Джону Донну, Уильяму Блейку, Байрону, Киплингу; и американским поэтам – Эдгару По, Генри Лонгфелло, Роберту Фросту, Ленгстону Хьюзу; и поэтам Испании – великому Антонио Мачадо и Мигелю Эрнандесу, и латиноамериканцам – Рубену Дарио, Рикардо Хаймесу Фрейре, Габриэлю Мистралу, и многим другим. Переводил он и с других языков: с немецкого – Гёте, Шиллера и Рильке, с итальянского – Петрарку, Микеланджело, Квзимодо, – перечислять можно без конца.

Владимир Ефимович Васильев прославился и как составитель книжных изданий. В 1998 году ему была присуждена Царскосельская премия за фундаментальную четырехтомную антологию «Всемирная эпиграмма», где он участвовал и как переводчик. В 2009 году вышел составленный и прокомментированный им двуязычный сборник «Французская басня в переводах русских поэтов», охвативший французских баснописцев с XVI по XX вв. В сборник вошли и его собственные переводы.

Владимир Ефимович всегда был добрым, отзывчивым, бескорыстным, глубоко порядочным человеком, фанатиком перевода. Мне кажется, он всегда пребывал в состоянии вдохновения, в состоянии творческой готовности. Его дар не убывал с годами, и он ушёл, полный творческих замыслов. Сама его смерть необычайна: он погиб в Мексике, купаясь в Карибском море, на семьдесят пятом году жизни. Он никогда не был стариком.

Светлая память светлому человеку! И мне хочется завершить это краткое слово его переводом из Антонио Мачадо:

Была на площади башня,
И был на башне балкон,
Была на балконе сеньора,
Сеньора с белым цветком.
Но вот прошёл кабальеро,
Кто знает, зачем прошёл?
Он площадь унёс и башню,
Башню унёс и балкон,
Унёс балкон и сеньору,
Сеньору с белым цветком.

Перевод с французского Владимира Васильева

Альфред де Мюссе (1810 – 1857)

*Экспромт в ответ на вопрос:
«Что такое поэзия?»*

Смеяться, петь о том, что по сердцу пришлось,
Грустить и изливать на золотую ось
Мысль беспокойную, но взвешенную твёрдо;
Любить прекрасное, искать ему аккорда,
На зов души лететь за истиной вослед,
Не вспоминать того, что скрыто мраком лет;
Дарить бессмертие мечте, на миг рождённой,
Найти высокое в надежде затаённой,
В улыбке и в мольбе, где полон каждый слог
Очарованья и тревог,

И слёзы обратить в жемчужины – всё это
Призвание, и жизнь, и торжество поэта.

Шарль Леконт де Лиль (1818 – 1894)

Смерть льва

Пустыни властелин, любил он, одинок,
Купаться в запахах бычачьей крови чёрной,
Взирая на пески и океан просторный
С обрывистой скалы, далёкой от дорог.

Но, в клетку тесную посажен под замок
Для развлечения толпы тупой и вздорной,
Лев прутья грыз рыча, тряс гривой непокорной,
Метался как в аду, пока не занемог.

Увидев, что ему не жить уже на воле,
Он к пище и воде не прикасался боле.
Тогда явилась смерть вступить в свои права.

О сердце бедное, ты пленено, ты сиро,
Ты задыхаешься в железной клетке мира.
Так что же, робкое? Бери пример со льва.

Антуан Венсан Арно (1766 – 1834)

Лист, от ветки отлетевший,
Запылённый, пожелтевший,
Ты куда? – Не знаю сам.
Дуб мой грозы раскололи,
Не тянусь я к небесам,
Нет и отдыха мне боле:
То зефир, то аквилон
По своей капризной воле
Гонят в лес, из леса в поле,

То со склона, то на склон.
Что избегнет этой доли?
Я иду, куда в свой срок
Всё уходит неизбежно:
Лепесток ли розы нежной
Или лавровый листок.

Франсуа Раншен (ок. 1555 – 1628)

Младой пастушке, ах, легко ли
Сберечь и сердце, и телят,
Когда цветы вокруг пестрят?
Младой пастушке, ах, легко ли
Когда и волки рыщут в поле,
И пастушки за ней следят,
Младой пастушке, ах, легко ли
Сберечь и сердце, и телят?

Эпиграммы

Клеман Маро (1496 – 1544)

Об одном сновидении

Приснилось мне полуночной порой,
Что будто ты пришла в мои объятья.
А пробудясь, был одинок опять я.
И к Фебу обратился я с мольбой:
«О, сбудется ли сон волшебный мой,
Феб-Аполлон, скорее мне поведай!

Но, нежной красотой твоей пленен,
«Не сбудется», – изрек ревниво он.
Так сдайся мне, чтоб я своей победой
Мог доказать: обманщик Аполлон!

Магистр искусств и крестьянин

Магистр искусств, голодный и нагой,
У пахаря просил во имя неба:
В моём лице уважь-ка, дорогой,
Свободных семь искусств и дай мне хлеба. —
«Какие семь искусств, — ответил тот, —
Я лишь с одним знаком: с искусством плуга,
Я с малых лет люблю его, как друга,
И он мне пропитание даёт».

Клод Мерме де Сен-Рамбер (ок. 1550 – 1605)

На богатых

У бедных нет ни денег, ни имущества.
Богатыми не стать им под луной.
А у богатых есть то преимущество,
Что бедным может стать из них любой.

Твои, о дружба, рвутся узы!
Друзья похожи на арбузы:
Их пятьдесят переберёшь —
Один окажется хорош!

Бернар де Ла Моннуа (1641 – 1728)

Кредитор и должник

Лука опасно занемог
И выплатить уже не мог
Сто франков кредитору Блезу.
Блез возмутился: «Вышел срок,
Нужны мне деньги до зарезу».
Но услышал такой упрек:
«Помилуй, Блез! Мне жить недолго.

Так дай покой душе моей». –
«Лука! Ты не умрёшь, злодей,
Покуда не вернешь мне долга».

Никола Буало-Депрео (1636 – 1711)

Некой девице

Нам бог Амур желал удачи,
Но отвернулся Гименей:
Ты думала, что я богаче,
А я считал, что ты умней.

К меценату

Четырнадцать строчек нашли у вас приют,
Четырнадцать строчек поклон вам отдают,
Четырнадцать строчек вас услаждают пеньем,
Четырнадцать строчек ждут денег с нетерпением.

Жан Расин (1639 – 1699)

На фаворитку Людовика XIV мадам де Ментенон

При виде сей жеманной шлюхи
На государственной стезе
Со смеху сдохли бы мы все,
Когда б не дошли с голодухи.

Станислав Жан де Буффлер (1738 – 1815)

При дворе как при дворе

Раз мы бедны, то зря подачек ищем.
Лишь богачам здесь подают, как нищим.

Вольтер (1694 – 1778)

На Гомера

Хвала и слава старому Гомеру!
Он, как герои из его поэм,
Полн недостатков и болтлив не в меру.
Но как он превосходен между тем!

На статую Ниобей

Неосторожной Ниобее
Судили боги камнем стать.
Ваятель поступил мудрее:
Он жизнь вдохнул в неё опять.

Алексис Пирон (1689 –1773)

Игра слов

Наш милый патер Блез
Опять в подвал полез –
Не из боязни *грому*,
А из приязни к *рому*.

Жан-Франсуа Гишар (1731 – 1811)

Свою жену, кокетливую даму,
Поэт в стихах Венерою назвал.
То, что она сочла за мадригал,
Венера приняла за эпиграмму.

Мысль Эпикура о смерти

Смерть совершенно не тревожит
Воображение моё:

Пока я есмь – не может быть её,
А есть она – меня уж быть не может.

Жизнь или кошелёк

Когда скупой Гюстав шёл ночью из гостей,
Вдруг на него напал злодей.
«Стой! Жизнь иль кошелёк!» – вцепился он в Гюстава.
«Ах, – простонал скупец, – злой дух беду навлёт!
Но если выбирать я всё ж имею право,
Возьми, разбойник, жизнь, оставь мне кошелёк».

Жан-Пьер Понсе-Дельпеш (1734 – 1817)

Я в гостях у Жюля непристойно
Много ем и мало разговариваю.
Нуден Жюль, и я его спокойно
Объедаю, но не перевариваю.

Анри де Ларивьер (1761 – 1838)

На век Просвещения

– Ты видишь, кум, каким отчизна светом
В наш славный век озарена?
– Да, вижу, кум, но чувствую при этом,
Что свечи держит Сатана.

Аноним

Поль, говорите, жулик, вор, нахал?
Однако вы не правы в смысле неком:
Поль только для того и воровал,
Чтоб стать культурным, честным человеком.

Фернандо Пессоа (1888 – 1935)

Пессоа¹ считается одним из крупнейших португальских поэтов, его вклад в португальскую культуру сравним со вкладом великого Камюэнса. Харольд Блум ставит его в один ряд с Пабло Нерудой, одним из наиболее значительных испаноязычных поэтов XX века.

Жизнь Пессоа была всецело посвящена литературе. Он является создателем огромного числа гетеронимов, альтер эго поэта. Загадочный образ поэта дал почву для многочисленных литературоведческих исследований его жизни и творчества. Из трудов последних десятилетий, посвящённых его личности и наследию, выделяются книги Жоржи де Сены, Эдуарду Лоуренсу, Луиша Филипе Тейшейры. Некоторые критики задаются вопросом, действительно ли через гетеронимы Пессоа проявляется его истинное «я», или они не больше, чем плод воображения поэта.

На основе биографии и произведений поэта написаны романы «Год смерти Рикардо Рейса» Жозе Сарамыго и «Три последних дня Фернандо Пессоа» Антонио Табуки. В 1996 году в Порту основан Университет Фернанду Пессоа.

Лирика

Перевод с португальского Геннадия Зельдовича

Абсурдный час

Вся твоя немота – паруса в атлантической пене,
И улыбка твоя – это море, которое немо,
А немая улыбка – те лестницы долгой ступени,
На которых твержу, что стою у подножья Эдема.

Моё сердце – осколки когда-то разбитой амфоры,
И молчанье твоё соберёт черепки воедино;

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki>

И твой образ во мне – моего же шукарства узоры,
И твой образ – как труп, что на берег метнула пучина...

Распахни же врата – и пускай, дряхлецам на разживу,
Улетучится чад, разлетятся салонные вздохи...
А душа моя – грот, что отверзнут навстречу приливу,
И в мой сон о тебе – вереницей бредут скоморохи.

Это плачет не дождь... Это сам я содеялся Часом...
Тем, что носит обломки в своей дребезгливой котомке...
И в мечтанье моём чья-то вдовушка бегают плясом...
И на небе моём – вековечно чернеют потёмки...

Тяжелы небеса, будто путь, не сулящий возврата.
Только мелкая морось найдётся у этого Часа...
Я в себя погружён, и душа моя этим разъята,
И улыбка твоя – никакая ему не украса.

Те часы, что живу, непроглядной изложены яшмой,
И тоска моя – мрамор в немыслимом прежде разрубе.
И ни горек, ни весел унылый веселый кураж мой,
И ни злы, ни добры доброты моей тёмные глубы.

Мои ликторы робки и к службе имперской не рьяны,
Водрузил я знамёна не там, где священные грады,
Фолианты лежат между тюков моей баррикады,
На поржавленных рельсах плетутся глухие бурьяны.

О, как стар этот Час! Перегнившие шепчутся линии
Про ушедший фрегат, про сверканье полуденной дали,
Про иные часы, коих нынешний Час благочинней,
Про иные часы, что тревогой мечту напитаи.

Здесь руины дворца. Здесь чернеет застойною жижей
Омертвелый фонтан... И почти что несносно для глаза
Это зрелище-осень, с его наготою бесстыжей...
Все вокруг манускрипт, где оборвана лучшая фраза.

Пара проблесков дряблых мелькает на немощных жабрах,
Отравляет озёра записок изорванных ворох...
И душа моя – свет, что давно перетлел в канделябрах,
И мои устремленья – коряжины в хворых озёрах...

Отчего я так болен? В луною наполненном парке
Хороводятся нимфы, уставшие от пустодневий...
И молчанье твоё – колыбельная тонущей барке,
И Лжефебова лира мне слышится в этом напеве...

Где на солнце сияли глазастые перья павлиньи,
Даже тропки смутны. Лишь порою на темном песке их
Померещится след, словно бонна прошла в кринолине,
Да почудится шаг в никуда не ведущих аллеях.

Все на свете закаты в душе моей золотом стыли...
Все на свете луга моим стопам бывали простерты...
И во взгляде твоём – все тобой предвещенные штили...
И во мне оттого – кораблям недостижные порты...

Дружно падали вёсла... Но шепчет зелёная нива,
Что я морем не стал, что ненужные выкопал клады.
Я властительный царь, только в царстве глухого надрыва...
И я теплюсь внутри – лишь теплом отгоревшей лампы.

Столько жара в тебе – у принцесс опалается локон...
А твоя немота – воздымается горной вершиной...
Лишь единый подсолнух глядится из замковых окон,
И печально помыслить, что он далеко не единый...

Перезвон колокольный к иному уносится Долу...
Мы и здесь, и не здесь, будто львы, урождённые в клетке...
Мы остались детьми, только жгут нашу старую школу...
Сгинул Север и Юг – и нам не за что ставить отметки...

Я гляжу на тебя, от горячки очнуться не смея...
Ты моя слепота. Ты для ока пустая морока.

В созерцанье моём перевилились пунцовые змеи...
И твой образ во мне, что глоток цепящего сока...

Мне тебя презирать? Посчитать ли презрение игрою?
Словно веер в жару, мне твой голос молчащий отраден –
Только веер закрытый, – а если прельщусь и открою,
Расколю этот Час, где во чреве полно червоядин.

Перевяло цветов – сколько было и больше, чем было...
И хребтов перегиб – не согбен, а согбенья согбенней...
Я собор немоты созидал из любовного пыла,
Там любая ступень – только первая между ступеней...

Виснет в воздухе смех... И крадётся вблизи соглядатай...
Девы саваны ткут, чтобы вдовы ткачки уснули...
О, твоя немота – немота оживающих статуй,
Аромат хризантемы, предузнанный в знойном июле.

Надо всё поменять, чтоб мосты разобрались на бревна,
Искрошились холмы и землею засыпались реки;
Надо выровнять всё, что на этом пейзаже неровно,
Надо просто завять, будто злая пила в лесосеке.

А сказать напрямик, нам несбыточных надо пейзажей...
Каждый день всё одно... Осмелей и завесу раздёрни...
Я внимаю тебе – моя внимчивость лепится сажей
На твою немоту, что сюда низлетает из горней.

Так же сладостен вечер, как сладостно жить не сиротке...
Вся небесная ширь вполонину улыбки светлится...
Я мечты о тебе терблю, как монахиня чётки...
Я тебя узнаю – и ты чахнешь, как роза в петлице.

Нам обняться с тобой, нам бы сделаться фреской дальней!
Двоекрасочным стягом вноситься все выше и выше!
Безголовая статуя, полная праха крещальня.
И знамёна поверженных с надписью: «Сим победиши!»

Что-то мучит меня, даже рядом с твоей благостыней...
Отчего-то во мне – только одурь и ужас беспутый...
Я себя не пойму... Я с душою своею в размине...
Я заочно любим – по ту сторону собственной сути...

Роберт Уильям Сервис (1874 – 1956)

Канадский поэт и писатель шотландского происхождения. Родился в Англии. После окончания школы, по примеру отца, стал банковским служащим. Увлёкся английской классической поэзией, много читал. В возрасте 21 года переехал в Канаду. Путешествовал по западной части Северной Америки; сменил множество профессий; неустанно писал стихи. В 1903 г. – служащий Канадского торгового банка. В 1904 г. – представитель банка в Уайтхорсе, пограничном городе, пережившем «золотую лихорадку». О нравах той поры написал целый ряд стихотворений, сделавших его знаменитым.

Посвятив себя исключительно творчеству, Сервис быстро добился материальной независимости, совершил путешествие в Париж и на Французскую Ривьеру. В 1912–1913 гг. во время Балканских войн он был корреспондентом газеты «Торонто стар». В 1913 г. поселился в Париже. В 1914 г., в начале первой мировой войны, добровольно пошёл на военную службу, но был комиссован по состоянию здоровья. В 1915–1916 гг. – корреспондент газеты «Торонто стар». Работал санитаром-носильщиком и водителем санитарного автомобиля от американского Красного Креста.

В 1930-х гг. Сервис посетил Советский Союз. Позднее написал сатирическую «Балладу о гробнице Ленина», из-за чего его долгое время не переводили на русский язык и не упоминали о нём в советских энциклопедиях. Во время второй мировой войны жил в Калифорнии.

Роберт Сервис является автором 15 поэтических сборников и 6 романов, составил автобиографию в 2-х томах. Он был невероятно одарённым поэтом; ещё при жизни получил прозвище «Канадский Киплинг».

Перевод с английского Евгения Фельдмана

*Лауреат Бунинской премии 2010 года
в номинации «Поэтический перевод»*

Я чернил моря проливаю не зря,
 ибо Дьявол меня напутствует.
Я строчу, не мешкаю, а он с усмешкою,
 конечно, при этом присутствует.
Да простится мне бурный грех «литературный», —
 а все остальные соблазница
Простятся иль нет, прозаик, поэт,
 говорю я: «Какая мне разница?»

Фи-фи в кровати

Надо мною небосвод,
 Бесконечен и далёк.
Бог, который там живёт,
 Бесконечно одинок.

Поднимаю шум и крик
 И скачу, не чуя ног.
Бог спокоен и велик.
 Хорошо, что я не Бог.

Бедный, добрый господин
 Любит всех — но, всех любя,
Он один, всегда один...
 «Милый Бог, мне жаль тебя!»

Материнство

Квадрат в Треугольник влюбился, как школьник,
 (Первый акт: «Я молю о согласии!»).
Он ей пел вокализы, но терпел лишь капризы
 От своей треугольной пассивности.

Возмечтал он в истоме: будет много в их доме,
Много-много сестричек и братиков,
Возмечтал он о счастье жить на благо династии
Треугольничков и Квадратиков.

Ах, любовь, что поветрие, даже там, в геометрии!
(Акт второй: появление Куба).
«Уходи непобитым, не шути с габаритом!» –
Молвил Куб. Он воздействовал грубо,
Но частенько при хаме и в девице, и в даме
Просыпается сладостный трепет.
«Я твоя, мой желанный, я твоя, шестигранный!» –
Прозвучал лихорадочный лепет.

Горе бедным Квадратам! Умер наш неженатым.
(Здесь – начало третьего акта).
Сочетание Куба с Треугольником – (трубы
Заиграли) – свершилось. (Вот так-то!).
Молодая супруга, обожая супруга,
Вызывает чужие завидки
И в пространстве трёхмерном со своим благоверным
Порождает она – *Пирамидки!*

Моё дельце

Тут нужно дельце провернуть. Что выйдет – поглядим.
В семь капитанские часы подскажут: «С Богом, братцы!»
Быть может, с дельца я вернусь и цел, и невредим,
Вернусь, коль наш солдатский Бог изволит постараться.
В подобном дельце, прям скажу, я прежде не бывал.
Второму шансу не бывать. По боковым дорогам
Уйдём вперёд, как выйдет срок, за оборонный вал.
В семь капитанские часы подскажут: «Братцы, с Богом!»

Черкнуть бы надо письмецо. Лучшей всего – сейчас.
Я – не писака, потому пишу я просто: «Мама,
Я в передрягах побывал, наверно, сотню раз.
И всё-таки в сто первый раз я вызвался упрямо.

При мне – запас ручных гранат; зовусь я – волонтёр.
Сегодня выбрали меня; горжусь; а закавыки
Я раскавычивал, – и жив, как видишь, до сих пор.
А если что... Не надо слёз. Ну, будь здорова. Микки».

Я нынче к свиньям в тыл пойду, я предъявлю им счёт.
Друзей моих погибло – страсть! Я отомщу заразам.
К смертям привык: не холодит и даже не печёт.
Свалить захочут одного, пожалуйста – все и разом.
Как мучится в госпиталях израненный народ!
Уж лучше сразу: пулю в лоб – и всё, упал и помер.
Я прежде жизнью дорожил, теперь – наоборот.
А! Ровно семь. Ну, всем привет!.. *Сейчас покажем номер!*

Санитар

Опять кровищи натекло!
Носилки мою и скребу.
Как видеть, слышать тяжело
Резню, бомбёжки и пальбу!
О, вечный мрак, о, вечный смрад!
Война без края и конца.
Ужель, взглянув на этот ад,
Господь не отвернул лица?

Не знаю я, на ком Вина,
Чей это гимн, чей это флаг,
Но знаю, что идёт война,
Что ближний ближних кличет «враг»,
Но знаю: всюду – злая хворь,
Где нет спасенья для умов:
О, миллион сердечных горь!
О, миллион пустых домов!

Всю ночь солдатик проорал,
А утром – стих. А я смотрю:
Пурпурный пушечный хорал
Пугает раннюю зарю.

Светило дня – кровавый шар.
Под ним – и гром, и гнев, и боль.
«Скорей носилки! Санитар!»
Доколь, Князь Мира, ну доколь?

Мой труд

Позволь мне Труд закончить, Боже,
Пока до смерти не сопьюсь.
Проснусь в тумане, – ну и что же? –
Коль надо, ночью поплетусь
В *bistro*, где я туман развею,
Где я, напившись, протрезвею.

Я только с помощью Абсента
Родил десятки тысяч строк.
Дай жизни, Боже, до момента,
Пока не кончу Эпилог.
Сгнию – пусть мир меня забудет,
Мой Труд – останется и будет.

В нём – не фантазии, не враки,
И юность в глубине строки
Услышит в нём призыв к атаке
И гимн услышат старики,
И не нужна судьба иная,
Ведь Бог – во мне, я это знаю.

Я знаю, что не зря трудился,
Немногим в жизни так везёт.
А что со свиньями водился,
Ну кто об этом донесёт
И кто осмелится на травлю?
Я людям золото оставлю!

Лишь только это день мой греет,
И потому я говорю:
Мой дух ничто не одолеет,

Как эту светлую зарю.
Мой Труд – моё бессмертье. Где же
Сие объять умом невежи?

Угрюмо воды катит Сена.
Тащу объедки у собак.
Но это – видимость и пена.
А что же мой развеет флаг
Над тем, что подло и коряво?
То – Песня, Истина и Слава!

Книжная полка

Когда я в Смерти-океане
Исчезну каплей дождевой,
Все книги, собранные ране,
Заплачут молча надо мной.

Иной, быть может, удивится
И молвит: «Тоже мне, поэт!»
Там нет ни Вордсворта, ни Китса,
И Теннисона – тоже нет.
Шекспира, Браунинга – тоже.
Но есть же что-то... Да. – И что же?

Омар, приятель мой всегдашний,
Поёт о Розе и Вине.
С моею мудростью домашней
Он согласуется вполне.
А вот Уайльдова «*Баллада*» –
Моя извечная услада.

Вот «*Старый мореход*», – зловещий
И мрачный тон у этой вещи.
Вот Бёрнс – лукавая особа.
О, я люблю его особо!
Состав весёлого квартета:
Брет Гарт и Юджин Филд, а это

Сам Хенли; – кто глядит игриво? –
То Честертон, воспевший Пиво.

Герои наших дней скрипучих:
Вот Киплинг – вечный мой кумир,
Вот Мейсфилд – бард валов зыбучих,
Что ввёл меня в матросский мир.
Ещё один любимец вечный –
«Шропширский парень» безупречный.

Итак, одиннадцать бессмертных.
Боюсь, я в Рай не попаду.
Из-за грехов своих несметных
Наверно, буду я в Аду,
Но, *приходя к своим отрадам,*
Я строк своих не ставил рядом!

Покорность судьбе

Не многоножка я, а то б, – окстись-перекрестись! –
Мне б на одни штаны – штанин вовек не напасть.
Дешевле юбочкой тогда прикрыть великий срам,
И быть шотландцем, господа, и ползать по горам.

Родись жирафом я (кошмар: представьте, я – жираф!),
Узлом бы шею завязал (и был бы трижды прав!).
Представьте чудо-воротник (не хочется стошнить?),
А пива сколько влил бы – ик! – чтоб глотку увлажнить!

Родись я рыбкой золотой (представьте, ну а вдруг?)
Я б вечно голеньким, – ой-ой! – свершал за кругом круг.
А так, вне глаз публичных масс я личный туалет
Всё ж не с толпой, с самим собой свершаю тет-а-тет.

Я не зверушка, не инсект, не птица, – ну и что ж?
Во мне лежит иной проект, и тот проект – хорош.
И покоряюсь я судьбе, и не хочу страдать.
Я здесь, я – *Просто Человек!* Какая благодать!

Французская басня XVII – XIX веков

Басня – один из древнейших литературных жанров. Как известно, это стихотворное или прозаическое произведение нравоучительного, сатирического характера, высмеивающее пороки человеческого общества. В конце басни содержится мораль – краткое нравоучительное заключение.

Расцвет французской басни XVII–XIX веков ассоциируется, прежде всего, с именем выдающегося сатирика и вольнодумца Жана де Лафонтена (1621–1695), который, во многом заимствуя сюжеты у Эзопа, создает целую галерею зверей, олицетворяющих человеческие нравы и пороки того времени. Однако басня привлекала внимание и многих других французских писателей, прославивших себя произведениями в иных жанрах.

Известный Санкт-Петербургский поэт-переводчик с французского, Майя Квятковская, в своей книге «Поэты Франции»¹ представляет интересную подборку произведений, в которую включены образцы творчества французских поэтов-баснописцев XVII–XIX веков. Среди них Антуан Фюретьер, Шарль Перро, Гийом Вьенне, Эме Ноде и некоторые другие. Их басни актуально звучат и в наше время, характеры героев хорошо узнаваемы, поскольку человеческие нравы и политические игры – категория вечная.

Антуан Фюретьер (1619–1688). Писатель, лексикограф, член французской Академии. Составитель «Всеобщего словаря», за который завистливые коллеги изгнали его из членов Академии. Автор сборника «Нравоучительные басни».

Шарль Перро (1628–1703). Прославленный автор волшебных сказок, историограф, написавший «Век Людовика XIV», «Сравнительное описание Древних и Новых». Обращался и к жанру басни.

Гийом Вьенне (Этьен Госс), (1777–1868). Поэт. Его злободневные басни отличаются острой политической направленностью. До наших дней не потеряли актуальности.

Эме Ноде (1785–1847). Служил армейским офицером. В 1829 году издал сборник басен, привлечший внимание современников.

¹ Поэты Франции в переводах Майи Квятковской. – Санкт-Петербург, Знак, 2013.

Перевод с французского Майи Квятковской

Антуан Фюретьер (1619 – 1688)

Басня с моралью

Про буйвола

Толпилась сотня горожан
Вокруг целителя, пленяясь чудесами;
Ужимками, кривляньем, словесами
Прельщал их ловкий шарлатан.
О, сколько чепухи нагородил чудило,
Чтоб олухам всучить бальзам, и мазь, и мыло!
Такую проповедь им краснобай прочёл,
Что сотня дураков была готова
Всему поверить, что бы он ни плёл,
Как будто он им нёс Евангельское слово.
Но тут один мужлан вниманье их отвлёл:
Он за кольцо в носу вёл Буйвола с собою
И тотчас праздною толпою
Был взят в кружок;
Зеваки со смеху за животы хватались
И над скотиной издевались:
Мол, этакий бугай – глядите! – укрощён,
И за нос провести себя позволил он!
Но Буйвол отповедь по существу находит:
– Так что же в изумленье вас приводит?
Я не настолько глуп, поверьте, господа,
Хоть за нос проведён, а всё же не обманут,
А вас мошенники всегда
Не за нос водят, так за ухо тянут.
Мораль
Кто мнит, что разумом богат,
Охотно высмеет того, кто простоват,
Ведь умник дураком вертит, как пожелает;
Но если на себя посмотрит он,
Увидит, что другой им управляет –
Затем, что более смышлён.

Шарль Перро (1628 – 1703)

Басня

Петух и Пёс пустились в дальний путь,
Им старый дуб ночлег предоставляет:
Петух на верхний сук взлетает отдохнуть,
А Пёс внизу, в дупле, свернувшись, засыпает.
Но вот Петух зарю руладою встречает,
А Лис, что спозаранку встал,
Уж тут как тут, и слёзно умоляет
Певца спуститься вниз: мол, выше всех похвал
Его вокал,
Что он сдержать не в силах восхищенья
И что ему не терпится обнять
Любезного певца за сладостное пенье.
Но Петуха притворством не пронять;
Он, Лису в тон, отвечает лукаво:
– Ах, как бы мне хотелось, право,
Доставить эту радость вам,
Но не могу спуститься сам –
Будить привратника придется,
Поскольку дверь сама не отопрётся;
Ах, сударь, смею ль вас просить
Лентяя стуком разбудить?
При первом стуке Пёс выскакивает яро,
Лис от него бежит стремглав,
Но тут несчастного настигла кара:
Его прикончил Пёс, на клочья разорвав.

Любой игры неписанный устав:
Кто обманул обманщика, тот прав.

Гийом Вьенне (Этьен Госс, 1777 – 1868)

Басня

Ворона и сова

Вдали от дома своего
Сова, ночное существо,
При ярком свете дня на дубе задремала;
Ворона, видя спящую сову,
Внезапно на неё напала –
Летит совиный пух и кровь багрит листву.
Не чаяла спастись беспомощная птица:
Лучами дня ослеплена,
Избегнуть гибели пытается она,
Но ей ни улететь вслепую, ни отбиться;
В расщелине скалы ей удалось укрыться.
Заслыша плач её, совиный весь народ
Бранит ворону, возмущённый,
Он осудил её предательский налёт –
Противоправный, незаконный.

Настала ночь, а в сумраке ночном
Сова глазастей, чем иные – днём.
Вот, в чаще углядев какую-то ворону,
На спящую сова кидается с разгону,
Ворона – в крик, не видя зги впотьмах:
«Разбой! Убийство! Беззаконье!» –
Спасаясь от врага спросонья,
Теперь она кричит о поправленных правах.
На крик слетается всё общество воронье –
И ну клеймить злодейку в пух и прах.

Мы судим двойственно в земной юдоли,
Завися от того, любезен ли к нам рок,
Или жесток. Мы лжём не оттого ли,
Что беды ближнего идут нам впрок?
Мы не стыдимся злоупотребленья

Могуществом своим, коль жребий наш высок,
Но поворот судьбы меняет наше мнение:
Кто прежде был силен, а ныне стал убог,
Клеймит обидчика за те же прегрешенья.

Эме Ноде (1785 – 1847)

Басня

Кенар и вольнолюбивый Воробей

Сбежав из каторжных оков,
Птенец Канарских островов
Золотокрылый, с хохолком спесивым,
Свои мелодии принёс лугам и нивам.
Но следует сказать, что наш певец
Не покори́л селян своим искусным пеньем,
И, уязвлен пренебреженьем,
Однажды маленький гордец
С Воробушком затеял свару:
– Здесь, вижу я, глухи к изысканному дару,
Чужд мой язык для жителей полей –
Увы, чего и ждать от этих дикарей!
Но стоит неучам твоё слышать пенье,
В котором нет ни вкуса, ни уменья,
Они летят к тебе; а в городе у всех
По праву я снискал заслуженный успех:
В своей темнице всякий день я
За кропотливый брался труд,
Искусством совершенствуя природу.
– Звонки твои стишки, да клеткой отдают:
Ты рабство поминаешь тут,
А я пою одну свободу.

Современная татарская поэзия

Рамис Айметов (род. в 1968 г.)

Рамис Киямович Айметов относится к молодому поколению татарских поэтов и является одним из тех, кто представляет собой новую поэзию Татарстана. Ни в коей мере не отвергая традиционной татарской поэтики, его творчество, вместе с тем, несёт в себе уже и яркие новые интонации, и свежие образы. Струящиеся, как звонкие родники, стихи Айметова сочетают в себе необыкновенную лёгкость слога, стремительный полёт ритмов, оригинальную художественную образность и одновременно с этим – потрясающую философскую глубину, густую смысловую насыщенность, отчётливо понимаемую символичность и максимальную широту охвата человеческих чувств. Для русскоязычных ценителей поэзии знакомство с переводами стихов Рамиса Айметова явится настоящим праздником, открывающим им творчество ранее неизвестного, но необыкновенно талантливого поэта.

Рамис Айметов живёт в Казани, работает директором музея Габдуллы Тукая.

Перевод с татарского Николая Переяслова

Об избранности

Под градом дней, свистящих тучей стрел,
Кто навсегда останется в веках?..
Иной уже и место присмотрел,
Что он займёт потом на облаках.

Не собираясь, точно Колизей,
Лежать в забвенье десять тысяч лет,
Иной готовит сам себе музей,
Лишь из пелёнок выбравшись на свет.

И новый гений гения под зад
Из очереди выбить норовит,

Чтоб собственное имя на фасад
Повесить веку, вбив его в гранит.

Им невозможно пропустить момент,
Когда откроют к вечной славе вход,
Чтоб превратиться сразу в монумент
И не томиться ни века, ни год.

Я в магазин «Дом книги» захожу,
На полках вижу «Избранных» парад.
– Кто их «избрал»? – сам у себя спрошу.
– История? Или редактор-брат?

Стоят в витринах сотни новых книг,
А сердце сводит болью от тоски.
То ль даст мне жизнь – быть нужным, как родник,
То ль занесут меня, шурша, пески...

Последняя песня лета *Элегия*

Звения последней песней на устах,
Уходит лето через дол и сад.
Но, грезя мыслью о родных местах,
Вдруг оглянулось – и глядит назад.

Словно шеренги отшумевших лет,
На сжатом поле, золотом горя,
Желтеют копны сена, а рассвет
Уже приносит слёзы октября.

А впереди, в объятия спеша
Всех заключить и сжечь назад мосты,
Встречает осень... И, едва дыша,
Стоят, озябнув, поздние цветы.

Уходит лето, не допев куплет,
На спор с судьбою не имея прав.

Лишь грустно машут дням ушедшим вслед
Сухие стебли пожелтевших трав.

Остатки ягод тлеют на кустах.
Уходит лето, пряча грустный взгляд.
Но, грезя мыслью о родных местах,
Вдруг оглянулось – и глядит назад.

Путь к себе

Я б ждал его – да некого мне ждать.
Пошёл бы сам – да не к кому идти.
Я не хотел бы мир наш покидать,
Но есть конец у всякого пути.

Мы все уйдём. Всех время приберёт
В урочный час. И, слыша глас его,
Меня, как лодку к берегу, прибьёт
К последней дате срока моего.

Я на друзей обид не берегу
За то, что ждали выгод от меня.
Они – исчезнут... И на берегу
Лишь я останусь на исходе дня.

И буду снова – вечно одинок,
Как и в своей сегодняшней судьбе,
Где я всю жизнь через завалы строк
Иду к Себе, лишь к самому – Себе.

Автопортрет

Я луч Луны, оборванный, как нить,
Я песня, что молчит, не зазвучав.
Я свет звезды, что, не начав светить,
Погасла, как без фитиля свеча.

Я в тёмных водах чуть заметный след
Созвездий, что давно уж не горят.
Я проповедник, что за много лет
Не сочинил и крохотный аят.

Я свет костра, что двести лет назад
Горел в степи, сияя, как маяк,
Для пастухов, с отарами ягнят
Бредущих через непроглядный мрак.

Я цвет весны, что средь январских вьюг
Включила птичий радостный напев.
Я эхо дней, что чуть не сотый круг
Вокруг Земли летит, не ослабев.

Я День, в котором притаилась Ночь.
Я звук внутри нетронутой струны.
Я Тишина, что страшной Бури дочь.
Я Ураган

в утробе Тишины.

Проходит всё

*Если боль не тревожит,
Разве радость найдёшь?..
Поль Верлен*

Ты думал, это — в жизни не пройдёт?
Проходит всё. Хотим мы или нет.
Ведь время — лечит. И кто время пьёт —
Тот потеряет боли даже след.

Проходит всё. И всё уходит прочь.
В душе, казалось, зреет ураган,
Но встали звёзды, опустилась ночь,
И жизнь опять — мила и дорога.

Вершины гор покрыл сплошной туман,
Не хватит взгляда, чтоб их охватить!

Ну, где взять силы, чтобы твой обман
Я и простить мог сразу – и забыть?

Ну что ж ты, сердце, всё горишь огнём,
Меж «да» и «нет» возводишь всё мосты?
Приходит день – мне мало света в нём,
Приходит ночь – мне мало темноты.

Ты думал, это – в жизни не пройдёт?
Проходит всё. Хотим мы или нет.
Ведь время – лечит. И кто время пьёт –
Тот потеряет боли даже след...

Без меня

Уйду и я... Завидев блеск огня
Звезды упавшей, растворюсь – и что же?
Всё будет так же... Только – без меня.
Но это всё мне станет ясно позже.

Намного позже... Только как подать
Мне весть из дали, что совсем – иная?
Лишь под горой родник будет страдать,
Меня с печальным звоном вспоминая.

Пройдя весь путь с востока на закат,
Светило диск свой за горами спрячет.
И на притихший от печали сад
Падёт мой контур, светел и прозрачен.

Мир будет жить, как жил он и при мне –
Не заржавеет золото от горя,
Не рухнут горы и, конечно, не
Исчезнут волны на просторах моря.

Как и при мне, сведут вас вновь с ума
Цветы, качая нежно головами.

Пойдут дожди, завьюжит путь зима...
...И лишь – меня
уже не будет
с вами...

Здесь тоже...

(Письмо от умершего друга)

...Ну что ж – здесь тоже можно жить,
Давая шанс надежде.
И если боль не ворошить,
То будет всё – как прежде.

Как прежде, станет песни петь
Буран зиме-подруге.
И угодит, как рыба в сеть,
Луна в объятья вьюги.

Потом весна в степной простор
Метнёт цветов порошу.
А позже – в осени костёр
Я грусть свою подброшу.

И вновь нагрянут холода,
Дыша рассветной стынью,
И с неба скатится звезда,
Горча во рту полынью.

И будет свет, и будет тьма,
И сад с яблокопадом...
Но этот мир – он как тюрьма,
Где никого нет рядом.

Обречённая бабочка

Вдруг небеса блик света разорвал,
И снова синь сгустилась налитая.
От грома клён чуть наземь не упал...
Ну а она – летает и летает.

Кружит, кружит... Присядет на сучок –
И вновь к цветам спускается в надежде:
Не приютят ли?..

Но в ответ – молчок.
Не просто выжить в этом мире нежным.

Холодный ветер, листья теребя,
Дохнул с высот предвестием бурана.
Ну а она – всё вторит про себя
Одну строку святую из Корана,
Прося Творца, чтоб Он послал рассвет...

...Но тьма всё гуще. И спасенья – нет.

Ностальгическое

...А дома снова розы расцвели,
И день восходит, золотом горя.
И только я среди чужой земли
Брожу в тоске, сгорая, как заря.

Я всё брожу и всё себе твержу,
Что я вернусь назад, но ни гроша
На долгий путь домой не нахожу...
И истлевает в горечи душа.

Я вспоминаю милые снега –
И слёзы сами движутся к глазам.
И вслед за тонким дымом очага
В своей тоске лечу я к небесам.

И с тех высот – смотрю на дом родной,
Давясь слезой и дымом тем седым.
Вернись, душа...

Вернитесь все домой,
Как на маяк, спеша на этот дым...

Невинным утром, чище хрусталя

Невинным утром, чистым, как хрусталь,
Когда Вселенной сладко-сладко спится,
Ко мне в окно влетает через даль
На белых крыльях вдохновенья птица.
 Моим мечтам – доступна вся Земля.
 Невинным утром, чище хрусталя.

Птенец в гнезде, раскрыв свой жёлтый рот,
Летит в мечтах в сады и огороды.
И мир с волнением ждёт его полёт.
Так много глаз у матери-природы!
 Цветут цветы, нам сердце веселя.
 Невинным утром, чище хрусталя.

Заря, купаясь в пенных облаках,
Смущает небо красотой броской.
Горят румяна на её щеках,
Помада рдеет алою полоской.
 Как струны, ветер тронул тополя.
 Невинным утром, чище хрусталя.

Увидеть всё, всё полюбить спеша
И отыскать ответ на все вопросы,
В подобный миг старается душа,
Следя за тем, как в травах блещут росы
 И как алмазно светятся поля.
 Невинным утром, чище хрусталя.

Течёт к земле нерукотворный свет,
Струясь, как пламя, по небесным дырам.
Так и моей мечте преграды нет,
Она летит, кружа, над целым миром.
 Её вместить не может вся Земля!
 Невинным утром, чище хрусталя.

Судьба

Тёмной ночью,
раздирая юбку в клочья,
кто сквозь лес идёт, сметая пот со лба?

Ты – судьба?..

Кто, как в сказке,
в сумасшедшей скачет пляске,
сунув сдуру пальцы в щель столба.

Ты – судьба?..

Кто волною
на скалу идёт войною,
не боясь ни смерти, ни суда?

Ты – судьба?..

Кто с пелёнок
жизнь ведёт, как кукушонок,
говоря, что жизнь на радости скупа?

Ты – судьба?..

Слёз – не надо.
Кто всегда прочней каната?
Кто, как Бог, права, хоть и – слепа?

Ты – судьба.

Японские мотивы в современной итальянской поэзии

Интерес к японской культуре на Западе вообще, и в Италии в частности, не ослабевает с XIX века, когда после долгих веков изоляции Страна восходящего солнца распахнула свои двери перед иностранцами. С этого момента японское искусство начинает все сильнее влиять на европейское. Одна из крупнейших в Европе коллекций японского искусства хранится в Генуе в Museo di Arte Orientale Chiossone, расположенном на вилле Ди Негро (Villetta Di Negro). Музейные экспонаты (японская живопись с XI по XIX век, оружие и доспехи, керамика, фарфор, музыкальные инструменты, театральные маски, костюмы, изделия из бронзы, а также собрание скульптур) были собраны в конце XIX века итальянским живописцем и гравером Эдоардо Кьоссоне. Он прожил в Японии 23 года и завещал свою богатую коллекцию жителям Генуи, куда и отправил её в 1899 году в сотне ящиков.

«Итальянец в Японии» – так называлась посвящённая Кьоссоне выставка, которая была организована Museo di Arte Orientale в Лондоне в 1991 году. Однако гораздо важнее, что благодаря наличию такого музея многие поколения итальянцев, подобно Эдоардо Кьоссоне, на протяжении более чем ста лет могли приобщаться к культуре Японии и ощущать на себе её влияние, не выезжая из Генуи. Под впечатлением от посещения этого музея классик итальянской поэзии XX века Эдоардо Сангвинетти, который родился и жил в Генуе (1930–2010), создал в 1990 году свой знаменитый цикл «Четыре хайку» («Quattro haiku»). Вошедшие наряду с другими стихами в более крупный цикл «Необычности», «Четыре хайку» были опубликованы в 2000 году в сборнике Сангвинетти, выпущенном к вручению премии «Золотой венец» – высшей награды Международного фестиваля «Стружские вечера поэзии» в городе Струге «Македония». (Кстати, четырьмя годами раньше Сангвинетти аналогичной награды Стружского фестиваля был удостоен поэт из Японии Макото Око).

Четыре хайку

1.
о, шестьдесят лун!
тают лепестки хайку
у тебя во рту

2.
аквариум светится
распределяю лягушек
между цистернами

3.
молодое вино
горячая пена, которую
пробую на твоём языке

4.
страница бела,
как твои маленькие ножки,
как первый снег

Quattro haiku

1.
sessanta lune:
i petali di un haiku
nella tua bocca:

2.
l'acquario acceso
distribuisce le rane
tra le cisterne:

3.
e il primo vino:
calda schiuma che
assaggio sulla tua lingua:

4.
pagina bianca
come i tuoi minipiedi
di neve nuova:

Форма японского стиха и его содержание строго регламентированы. Классическая танка – это стихотворение из пяти, а хайку – из трёх нерифмованных строк с фиксированным количеством слогов в каждой из них (5–7–5–7–7 или 5–7–5). Составленные по всем правилам танка и хайку не нуждаются в рифме. Красота этих стихотворных форм – в лаконичности и предельной ясности изложения. Выразить мысль, уложившись в 31, а тем более – в 17 слогов, – непростая задача! Не удивительно, что она привлекла внимание Сангвинетти, известного своей любовью к формальным экспериментам.

Признанный лидер неоавангардистского творческого объединения, названного по году своего образования «Группой четырёх», Сангвинетти начинал с экспериментов по деструктуризации языка. Однако к 1990-м годам стиль его поэтического письма радикально меняется, становясь всё более близким к разговорному. Сангвинетти постепенно отказывается от интеллектуализма и преднамеренной усложненности текстов, обращаясь к простым и конкретным деталям окружающего мира для передачи своих мыслей и чувств. Это сближает поздние стихи Сангвинетти с творческим принципом, характерным для японской поэзии. Созданный им цикл «Четыре хайку» безупречен по форме, но поэт не был бы самим собой, если бы ограничился простой стилизацией.

Мастерство сочинителя хайку – в умении показать связь между внешним и внутренним миром, подчеркнув родство природных стихий и собственных переживаний. В таких стихах принято говорить о любви, надежде, разлуке и ожидании счастья на фоне картин природы. Погода и пейзаж обычно описываются в первых строчках (иногда их заменяет жизненное наблюдение), а в конце речь идет о чувствах. Сангвинетти разрушает эстетико-философский канон хайку на смысловом уровне: вместо природных стихий у него – замкнутый мирок аквариума, символизирующий поверхностные чувства современного человека и его разобщённость с природой.

Стихотворные строчки напоминают лепестки, а не тронутая пером бумага – первый снег. Поэт тоскует по настоящим цветам, по реальному снегу, по теплу подлинной любви, по горячим, как молодое вино, поцелуям, по стремительно уходящему времени, по увядающей жизни. Об этом говорит упоминание о 60 лунах, а на самом деле – о 60 годах (столько исполнилось Сангвинетти в момент создания хайку). В цикле хайку поэту удалось в точности передать мироощущение, свойственное японской эстетике с её культом быстротечности времени и любованием красотой увядания, рождающим печаль.

Краткая форма хайку требует лаконичности изложения, поэтому смысл сказанного всегда следует искать между строк. В японском языке вообще много пауз или пустых пространств (ма), в которых сами японцы ищут бессознательное, скрытое содержание, стараясь определить смысл сказанного через ощущение атмосферы, создаваемой словами. Наибольшее удовольствие от знакомства с хайку состоит в таком вот чтении между строк, в поисках смысла, скрытого в промежутках между словами. Сангвинетти блестяще удаётся заполнить эти пустые пространства молчанием, за которым скрывается много разных мыслей и значений. В то же время в его хайку прослеживаются авторские особенности, общие для всего творчества Сангвинетти. В них нет, например, заглавных букв и знаков препинания, за исключением двоеточий. Такова была идея Сангвинетти: каждое стихотворение – это не самостоятельное законченное произведение, а лист, вырванный из контекста жизни, часть поэтического монолога, который никогда не прекращается.

Интересно, что в «итальянских» стихах поэта, написанных в западной традиции, тоже присутствуют японские мотивы. Например, стихотворение «Люблю, когда молчишь ты» навеивает ассоциации с эстетикой языка молчания тиммоку. Умение общаться без слов в Японии – высокое искусство в традициях дзэн-буддизма, предписывающего постигать истину с помощью интуиции. Молчание – это особый язык, который может выражать бурю чувств, нести скрытую информацию, передавать отношение к собеседнику и другие нюансы невербального общения – смущение, сочувствие, безразличие, одобрение, протест, размышление... Ну или ощущение вины за нанесённую обиду и страх поте-

ри любимого человека, как в стихотворении Сангвинетти «Люблю, когда молчишь ты...» («Mi piace quando taci»).

Люблю, когда молчишь ты

Люблю, когда молчишь ты, почти не существуя,
И голос мой не может к тебе уже пробиться.
Твой рот закрыт как будто печатью поцелуя,
И упорхнули очи (как крылья, их ресницы).

Моей души частица есть в каждой вещи тоже,
А ты – её создание, хоть упорхнуть готова,
На бабочку, на грёзу, на душу ты похожа,
Ну и на грусть, конечно, – на чувство и на слово.

Люблю, когда в молчанье доходишь до предела
И кажешься далёкой, среди обид кружащей,
До сказанного мною пускай тебе нет дела,
Дай в тишине побыть мне, тебе принадлежащей!

Вступить мне с ней в беседу позволь, пока не поздно,
Светящейся, как лампа, простою, как колечко.
Ты ночь напоминаешь тем, что безмолвно-звёздно
Оно, твоё молчанье: не скажешь ни словечка!

Люблю, когда молчишь ты, и всё вокруг так зыбко,
Как если б умерла ты, страдавшая безмерно,
Тогда одно лишь слово твоё мне как улыбка,
И так я рад, так рад я, что всё это неверно!

Аналогичные межкультурные соответствия обнаруживаются и в произведениях других современных итальянских авторов, например, Перлы Каччагуэрры. В Италии её больше знают в качестве переводчицы американской и немецкой поэзии, но она и сама писала замечательные стихи. Поэтесса родилась во Флоренции в 1926 году, а умерла 14 февраля 2012 года в городе Чеза (Тоскана) в своём доме, который она превратила в литературный музей. Разумеется, в нём нашлось достойное место и для япон-

ской поэзии, оказавшей заметное влияние на творчество Качагуэрры. Неслучайно «Пчёлы в венах» («Но аri nelle vene») – одно из самых выразительных её стихотворений, которое можно считать визитной карточкой поэтессы, содержат образно-метафорический ряд, характерный для японской поэтики. Это ряд природных символов, передающих чувства автора: пчёлы несут сладость через страдание, вороны олицетворяют печаль и одиночество, ветер подобен душе, для которой мучительны злые слова любимого. Но, пожалуй, самый японский образ в этом метафорическом ряду – луна, которую пелена боли заволакивает, как облака. Интересно, что в традициях *аварэ* – японского восприятия прекрасного через печаль и сострадание – луна, затянутая облаками, считается более привлекательной, чем чистая и полная. Ведь специфика *аварэ* заключается в чувстве сожаления о предметах, утративших красоту и парадоксальным образом нашедших её в своей противоположности. Точно так же и страдание неразделённой любви делает её более прекрасной и совершенной, чем счастье любви взаимной. А облака, которые прикрывают луну от взглядов, в эстетической символике японской поэзии олицетворяют тоску по возлюбленному.

Ассоциации с японской традицией усиливаются характерной разбивкой на строфы, которую поэтесса не практиковала в других стихах. Трудно поверить, что сделано это было случайно. Качагуэрра специально построила стихотворение таким образом, чтобы оно визуально выглядело как состоящее из трёх хайку (по три строки в каждом) и одного пятистишия танка с небольшим ритмическим отклонением в последней строке (вместо семи слогов в ней содержится всего пять). В трёхстрочных строфах количество слогов соблюдается весьма приблизительно (их там от трёх до восьми). По всей видимости, для воплощения своего творческого замысла поэтессе пришлось нарушить традиционную ритмическую структуру, чтобы создать «японское» стихотворение, которое органично воспринималось бы на итальянском языке. Надо заметить, что и сам жанр, в котором оно написано, тоже чисто японский. Ведь в средние века японок специально обучали искусству стихосложения: обмен любовными стихами был важной частью обряда ухаживания при выборе спутника жизни.

Пчёлы в венах

Твои глаза
Луна заволокла
пеленой белой боли,

в твоём сердце
кричат
злые вороны,

и твои слова
рассекают ветер
жёлтыми хлыстами,

но, когда я смотрю на тебя,
у меня пчёлы гудят в венах
и соловьи
поют в моём горле,
потому что я тебя люблю.

Ho Alpinelle Vene

Nei tuoi occhi
la luna ha seminato
il suo bianco tormento,

nel tuo cuore
strindono
i corvi malvagi

e le tue parole
feriscono il vento
con fruste gialle,

ma se ti guardo
ho api nelle vene
e gli usignoli

mi cantano in gola
perche' ti amo.

Японские мотивы обнаруживаются и в творчестве молодого поэта из Генуи Эдоардо Гарласки – автора недавно вышедшей книги «Голос ночи» («La Voce della Notte»). В программном стихотворении, давшем название всему сборнику, поэт говорит о полной скрытого смысла тишине, воспринимаемой как голос, возвращая нас к японской традиции тиммоку:

И на всём протяжении ночи
тишина – беспристрастный свидетель
моей муки –
терпеливо следит за мной.
Тишина – и есть этот голос.

А другое стихотворение Гарласки «Восприятие осени» («La Percezione dell'Autunno») отсылает нас к японской эстетике аварэ, которая, как уже говорилось выше, заключается в любовании облетающими лепестками, опадающими листьями, умирающей природой.

Восприятие осени

Осень!
Нет тебя больше.
Был ли то слабый всплеск,
отсвет истлевшего лета
или досрочной зимы,
вперёд забегающей,
как чувство времени эгоиста,
как часы, чей маятник
скандирует своё соло,
лишь обрета равновесие
в месиве ржавых шестерёнок,
из которых и состоит его сердце –
первоисточник
его угасающего движения.

Осень.
Нет тебя больше!
Но в глазах ещё отражаются
воспоминания о вылинявших листьях.
Они падали.
Да, они падали,
отдавая прощальную дань
глубокой преданности
собственной природе.
Единственная реальность,
где они могут оказаться,
насладившись танцем в пустоте, –
брачное ложе земли
с терпеливыми корнями.
Не такова ли и жизнь?
Мечется, обезумевшая,
между ударом маятника
и падающим листом
в забытой глубине
времени,
которое вечно
властвует над нею.

Творчество итальянских поэтов¹, в чьих стихах обнаруживаются ассоциации с Японией, заслуживает дальнейшего углубленного исследования.

Томас Гуд (1799 – 1845)

Английский поэт. Родился в семье книготорговца-издателя. Популярность приобрёл благодаря юмористическим и сатирическим стихам, которые иллюстрировал собственными карикатурами. Гуд был человеком с чуткой душой, поэтому в конце жизни обратился к изображению тяжёлой жизни рабочих. Огромный успех принесла ему «Песня о рубашке», ставшая широко извест-

¹ Перевод стихотворений с итал. выполнен Дарьей Белокрыловой (прим. ред.).

ной и в России. В 1844–45 годах издавал «Журнал Гуда», где печатал стихи, осуждающие социальную несправедливость.

Перевод с английского Евгении Славороссовой

Ноябрь

Нет ни ночи, ни дня,
Ни тебя, ни меня,
Ни просвета в тиши,
Ни лица, ни души.
Не найти мостовой,
Неба над головой,
Ни ступеней, ни стен,
Ничего нет взамен
Этой жуткой тоски:
Ни надёжной руки,
Ни путей, ни дорог,
Чтоб спастись от тревог,
Дружбы нет и вражды,
И напрасны труды.
Стынет в ужасе кровь:
Где добро и любовь?
Всё холодный туман
Превращает в обман.
То не солнце, не тень,
И не ночь, и не день,
Не свобода, не плен
И не жизнь, и не тлен,
И не вечный покой –
Это смотрит с тоской
Ноябрь!

Я помню, я помню

Я помню, я помню, я помню
Дом, где родился и рос,
Куда пробиралось солнце
Сквозь заросли диких роз.

Оно приводило с собою
Радости летнего дня,
Больше в битве с судьбою
Не было их у меня.

Я помню, я помню, я помню
Розы, фиалки, сирень,
Где распевала малиновка
Летней порою весь день.
Гомон с утра до вечера,
Счастье беспечной игры,
Помню, кивали доверчиво
Мне золотые шары.

Я помню, я помню, я помню
Легких качелей размах,
Когда я парил, как ласточка,
В утренних небесах.
Душа устремлялась всё выше,
А нынче она тяжела.
Вода тех ручьёв весёлых
Память мне обожгла.

Я помню, я помню, я помню
Сосен стройную стать.
Я думал, их колкие кроны
Могут до неба достать.
И с грустной горечью вижу
В поздний прозрения час,
Что в детстве я к Небу был ближе,
Ближе куда, чем сейчас.

Борис Макаров

За каждым словом – свет её души

Талантливый поэт и прозаик, замечательный педагог, красивый, мужественный человек с добрым сердцем и кристально

чистой душой, верная дочь своего народа, своей родины Доржо-Ханда Цынгуевна Цынгуева скончалась 11 марта 2007 года. Она очень любила первый месяц весны, когда земля ещё только-только начинает просыпаться от долгого глубокого зимнего сна, когда в ноздреватом снежном насте начинают появляться первые проталины, когда ветви степных берёз становятся гибкими, как руки девушек, а небо поднимается всё выше и наливается голубичной голубизной.

Отдав почти три десятилетия нелёгкой, но любимой работе сельского учителя, Доржо-Ханда Цынгуевна очень любила смотреть, как в тёплый весенний день из широко распахнутых дверей школы выбегают звонкоголосые стаи ребятишек и радуются яркому солнцу, первым изумрудным травинкам, первым вереницам возвращающихся на родину, летящих под солнцем птиц. Как настоящий Большой Поэт, она видела каждый штрих своего далёкого детства и в то же время могла видеть ещё только готовящихся к перелёту любимых лебедей. Сила поэтического воображения позволяла ей нарисовать чёткую, яркую картину одного дня ранней весны и подарить её нам, сотням своих читателей:

Озёрный берег.
Ни души...
Но день длиннее стал, –
И зашумели камыши,
Как крылья птичьих стай.
И пусть ещё зима границ
Почти что не сдает.
Я четко вижу стаи птиц,
Начавших перелёт.
Их грозы, ветры, пули бьют,
Но путь один – вперёд.
Нельзя вернуться
и свернуть,
Коль родина зовёт.

– Нельзя вернуться и свернуть, – почти вслух проговаривает учительница-поэтесса, глядя на резвящихся, радующихся весеннему солнышку детей, и вспоминает детство своё, возвращается в

невероятно трудные военные и первые послевоенные годы. Родители Доржо-Ханды, потомственные чабаны Цынгэ Дамдинов и Бальжит Мандалова, с детьми кочевали по берегам степной реки Хотогор в восьмидесяти-ста километрах от села Урдо-Аги Агинского района. Жизнь степняков-овцеводов была суровой.

Зимой юрты лубенели от холода. Маленький очаг, в котором мгновенно сгорали ветки сухого тальника и подолгу тлели мало дающие тепла комочки аргала, в основном, лишь тускло освещал юрту и позволял приготовить скудную пищу. Продрогнув до костей за день на колючем ветре и морозе, охраняя овец от рыскающих по степи голодных волчьих стай, люди, в том числе и дети, подолгу не могли согреться под потёртыми меховыми покрывалами. А чуть согревшись, были вынуждены снова уходить в пронизанную стужей тёмную бездну ночной степи.

Доржо-Ханда была единственной девочкой в семье. Отец и мать очень любили её. Уже одно имя Доржо-Ханда говорит о том, насколько дочка была долгожданной и желанной. В переводе на русский язык оно означает ласковое сочетание слов – звонкоголосый оленёночек, тараторочка-оленёночек (перевод вольный). Однако создать для девочки какие-то особые, щадящие условия они не могли. Доржо-Ханда должна была ухаживать за младшими братьями, помогать отцу и матери в чабанском труде. К тому же Цынгэ Дамдинов часто и подолгу болел вследствие трудностей, перенесённых им на военной службе. Овец, в основном, пасли мать – Бальжит Мандалова, дедушка Дамдин, бабушка Сэйхюма и дети.

Рассказывая о своём детстве, Доржо-Ханда Цынгугевна всегда говорила: «Как бы там ни было трудно, не надо думать, что у меня детство было плохим или не было его вообще. Детство, как и у всех людей, в моем воспоминании – самый светлый, радостный период жизни. Мир, жизнь ребёнок всегда воспринимает как праздник.

...Как хорошо было в степи весной! Цвели саранки и маки. Серебряными волнами переливался ковыль. Звенели птичьи песни... От юрты к юрте с весёлыми возгласами бегали ребятишки, как дети, резвились ягнята.

У каждого из нас в степи было любимое место. У меня, например, была любимая одинокая береза, стоящая на холме над

рекой». И Доржо-Ханда, полузакрыв глаза, начинала читать стихотворение «Степная берёза»:

Только степь.
Ни лесов и ни гор.
Тихо ветер травой шелестит.
На холме у реки Хотогор
Одиноко берёза стоит.
Для меня нет дорожке земли,
Чем суровые эти края.
Возле белой берёзы прошли
Моё детство и юность моя.
То холодные ливни волной,
То нещадное солнце слепит.
Тяжело ей, берёзе, одной
В бесконечной, безбрежной степи.
Но когда я девчонкой была,
Подменяла отца-чабана,
Укрывала меня, как могла,
От дождей и от зноя она.
Я к стволу прижималась щекой,
Привязав в холодочке коня,
И входил в мою душу покой,
Будто мама ласкала меня.
Детство,
Юность.
Как много с тех пор
Отпылало закатами лет.
Но горит у реки Хотогор
Серебристого дерева свет.
...Предположим,
 что скажут сейчас:
– Выбирай, что ты хочешь,
 скорей.
Я отвечу:
– Хочу, чтоб не гас
Свет далёкой берёзы моей.

Свет серебряной берёзы своего детства, своей юности Доржо-Ханда Цынгуевна Цынгуева пронесла в душе через всю жизнь, через всю жизнь пронесла она любовь к родной земле, к своему доброму, мужественному, вольнолюбивому и миролюбивому, ведущему свое начало, согласно легендам, от Праматери лебеди народу:

Мой народ из породы лебяжьей,
С вечным зовом к полёту в крови.
Он талантлив, умён и отважен,
Верен в дружбе и верен в любви.
Нынче время тревожно и сложно,
С ног подчас и батыра собьёт.
...Кто-то лжёт и ворует безбожно,
Кто-то к Богу и свету идёт.
Наши крылья поблекли, устали –
Слишком труден был дальний полёт.
Но летит лебединая стая,
И весеннее солнце встаёт...

«Лебединый полет»

Вспоминая своё детство и юность, Доржо-Ханда Цынгуевна с дочерней нежностью и глубочайшей признательностью говорила:

– Всем, что мне удалось сделать хорошего в литературе, я обязана бабушке, маме, тёте, младшей сестре мамы Дулме Мандаловой, народным певцам, сказителям. Бабушка и мама знали много песен и обладали хорошими голосами. Слушать песни в их исполнении приходили взрослые и дети, по берегам реки Хотогор вместе с нами кочевали двадцать семей скотоводов. В редкие свободные и праздничные дни все мы собирались вместе – водили хороводы, рассказывали друг другу былины и сказки.

С особым вниманием, интересом все степняки слушали песни и стихи, сочинённые Дулмой. Не скрою, я по-хорошему завидовала талантливой тёте и сама пыталась сочинять стихи.

Народные песни...
Народные сказы...
Прислушайся.

Вдумайся.
Сердце открой им.
И путь тебе правильный
В жизни подскажут
Живущие в них
Мудрецы и герои.
Я словно кораллы
Слова подбираю –
Стихи сочиняю.
Как бусы их строчки.
И кажется мне, что я лишь
повторяю
Все то, что услышала
в детстве далёком.

Но для того, чтобы научиться сочинять стихи, которые в будущем войдут в золотой фонд бурятской, забайкальской литературы и будут включены в фундаментальные издания – пятитомник «Писатели Аги. XX век», двухтомник «Слово о матери», коллективные сборники стихов агинских, забайкальских поэтов «С родников начинаются реки большие...», «Приононье поэтическое», «Обгоняя время и жизнь» и другие, надо было стать современным образованным человеком, глубоко, досконально изучить бурятский и русский языки, освоить классическую литературу, прочитать и неоднократно перечитать книги Пушкина и Некрасова, Шевченко и Тургенева, бурятских, русских, украинских, европейских классиков. В 1945 году вернулся с фронта дядя Доржо-Ханды Дашинима Дамдинов. Он сразу обратил внимание на незаурядные способности племянницы, знающей множество стихов, песен и пытающейся сочинять стихи и песни, ещё не умея записать их.

– Тебе надо учиться, Доржо-Ханда, мы ещё будем гордиться тобой. Но для того, чтобы стать настоящим писателем, надо много и упорно работать, – сказал он и никто не возразил ему.

В первый класс Доржо-Ханда пошла в Урдо-Аге. Жила в общежитии. Тосковала по родным и близким, по степным просторам, по серебристой берёзе над голубой рекой Хотогор.

Цепочка юрт на берегу крутом
На фоне золотистого заката.
Одна из них – родительский мой дом,
Который я покинула когда-то.
Давно то место скрыли ковыли,
Исчезли юрты перелётной стаей.
И лишь круги притоптанной земли
До сей поры травой не зарастают.
(из стихотворения «Край детства»)

Память о своей малой родине Доржо-Ханда Цынгуевна пронесла через всю жизнь. И через всю жизнь пронесла любовь к ней. Детству, родине, матери, народу будут посвящены лучшие стихи поэтессы, рассказы, сказки, роман «Серебряный кинжал», очерки и статьи, отмеченные региональными премиями. Но это в далёком будущем...

Отголоски войны, её тяжёлые последствия ещё долго сказывались на нелёгкой жизни людей. Не хватало хлеба. Дети-интернатовцы часто недоедали. Одежда и обувь их пестрела заплатами. Но юные школьники не унывали. Они, как и весь народ, верили в светлое будущее своей великой страны, своего великого народа.

Любви к жизни, к своему народу, мужеству, стойкости, учила Доржо-Ханду, её друзей и подруг их первая учительница Сыбжит Митупова. Уроки своей любимой учительницы Доржо-Ханда Цынгуевна почти тридцать лет передавала своим ученикам, всем нам, читателям её прекрасных, мудрых книг.

Мчатся годы-сороходы,
Что-то дарят и берут.
То осыплют счастьем с ходу,
То до крови обдерут.
Но не будем охать-ухать,
Ныть-вздыхать, что жизнь – не мёд.
Пусть сегодня сыро, глухо –
Завтра солнышко взойдёт.
«Годы»

В те первые послевоенные годы, да и позже, в годы моей юности, жизнь не была легкой, но мы не унывали – пели песни, читали и сами сочиняли стихи, участвовали в самодеятельности, – рассказывала друзьям Доржо-Ханда Цынгуева.

Помню, как однажды мы с подружками, ученицами той же Урдо-Агинской школы Сырыгмой, Хандамой, Намсалмой, Лхамой, Долсон добирались домой на каникулы. В шубёнках, пестрящих заплатами, с вытертым мехом, надетых прямо на платишки, в старенькой обуви, мы присоединились к верблюжьему каравану, идущему в наши родные места. Идти надо было восемьдесят километров.

Дул ледяной ветер. Нёс снег. Снег сёк лица, выдувал последнее тепло из нашей одежды. Даже верблюды останавливались, не шли против ветра, не подчинялись погонщикам.

Чтобы согреться, мы почти всю дорогу бежали, лишь присаживались на сани и пели, пели, пели.

Может быть, именно тогда я осознала силу, нужность и важность песни, важность и нужность работы поэта.

...Писать стихи – нелёгкая работа.
За каждым словом – сто бессонниц –
 в ряд.
Но я надеюсь, что они кого-то
В пути поддержат, в горе ободрят.
И было б высшей для меня наградой,
Представить счастья большего
 нельзя,
Узнать, что им бывают люди рады
И что стихи – надежные друзья....
(из стихотворения «Мне выпала нелегкая дорога...»)

Эта же мысль звучит и в отрывке из стихотворения «Моим читателям»:

Я люблю вас,
Хотя мы ещё незнакомы.
Я дарю вам всё то,
чем сегодня богата.
В мою книгу войдите
И будьте, как дома.

....Так встречали гостей
Мои предки когда-то.
Их заветы я в сердце
Храню бережливо.
Перед ними держу
я ответ свой суровый
Если вам помогла
Быть немного счастливей,
Значит стоило жить
Даже ради единого слова....

Очень много дала Д.-Х. Цынгуйевой учёба в Агинском педагогическом училище, уже в те, теперь далёкие, времена ставшее настоящей «кузницей» педагогических кадров. Слово «кузница» здесь, пожалуй, уместно. Оно связано с понятиями «железо», «огонь», «прочность», «крепость». Из училища выходили педагоги, имеющие подготовку, которая помогала им беспрепятственно поступать в институты, становиться мастерами своего дела.

Учась в педучилище, будущая писательница, основательно укрепила, углубила, расширила знания русского языка, русской и зарубежной классической литературы, познакомилась с лучшими произведениями бурятских литераторов.

После окончания педучилища Доржо-Ханда Цынгуйевна получила направление в Ортуйскую школу, в строительстве которой принимал участие её будущий муж – красивый, скромный парень Шулун, с которым она прожила долгую, счастливую жизнь. Здесь, в Ортуе, Доржо-Ханда Цынгуйевна Цынгуйева стала мастером-педагогом, сюда пришло известие о приёме её в Союз писателей России, ортуйцы стали первыми читателями её книг. Здесь родились её дети и внуки. Здесь создано её стихотворение «Счастливая женщина»:

Ну разве можно жаловаться мне
На жизнь мою, на мелкие невзгоды?
Я с детских лет в любимой стороне –
Живу среди любимого народа.
Отец и мать с младенчества любовь
дарили мне.

Шесть батыров – шесть братьев.
Лишь позову, спешат скорее вновь
Вокруг меня плечо к плечу собраться.
А рядом с ними семеро детей
 моих встают

Весенним юным садом
И на меня пылинке не дают
Упасть.
И не дают
Обидеть даже взглядом.

Друзьям своим числа не знаю я,
Их дружба испытаньям не подвластна.
...И до сих пор ещё любовь моя
К единственному другу не погасла.
Мой род почётен, славен и силён,
Ему с бесчестьем не придётся знаться,
И верю я, в веках грядущих он
Не растворится – будет продолжаться,
И будут наши женщины любить
И знать любовь, доверие и нежность,
И на меня похожими им быть,
встречая день с улыбкой и надеждой.

Этим стихотворением – поэтическим отчётом перед читателями своей книги «Степные берёзы» Доржо-Ханда Цынгуевна планировала завершить сборник. С её намерением согласился и автор данной статьи – её переводчик.

Впереди нас ждала работа над новой книгой. Признаюсь честно, в рукописи книги «Степные берёзы» я не уловил ноток прощания с родиной, с народом, с читателями, с жизнью. А если они и звучали в отдельных стихах, в отдельных строках, я воспринимал их как некий авторский приём быть ближе, доверительнее к тем, кому адресовалась книга. Такие нотки можно найти у многих поэтов.

В свой последний приезд ко мне с мужем Шулуном, Доржо-Ханда Цынгуевна выглядела не совсем здоровой. Она перенесла серьёзную операцию, готовилась к новой. Однако, как всегда, была спокойной, улыбчивой и привезла мне около десяти своих

новых стихотворений – основу, начало будущей книги. Рукопись её мы планировали подготовить ко времени выхода из печати сборника «Степные берёзы». Увы, нашим мечтам и планам было не суждено сбыться. Несколько стихотворений из той, ещё не имевшей названия книги я успел передать в издательство «Поиск», где шла работа над сборником «Степные берёзы» и они были включены в него. Волей судьбы или провидения стихотворением, завершающим сборник, стало стихотворение «Вступающему в жизнь»:

Ты – человек.
И проживи свой век
Не суетясь,
С достоинством и честью.
Не лги, не льсти,
Не упивайся лестью,
Не позволяй душе
 ввергаться
 в грязь
Междоусобиц,
Словоблудий,
И верь –
Придёт твой самый светлый час,
Когда тебе
 с улыбкой
 скажут
 люди:
– Прими поклон
За жизнь твою от нас...

Рассказ о жизни и творчестве талантливой забайкальской писательницы Доржо-Ханде Цынгуевне Цынгуевой можно завершить двумя последними строками этого стихотворения, но уже обращёнными к его автору, прожившему жизнь с достоинством и честью:

– Прими поклон
За жизнь твою от нас...

Марина Цветаева (1892 – 1941)

*Вскрыла жилы: неостановимо,
Невосстановимо хлещет жизнь.*

От переводчика. Впервые я познакомилась с лирикой Марины Цветаевой в младшем школьном возрасте. В силу детской наивности и неопытности я не могла сполна осознать всю глубину и пронзительность её произведений, но уже тогда, на подсознательном уровне, испытывала необъяснимый трепет.

Мне хотелось постоянно читать её стихи: я выросла и, вновь и вновь перечитывая их, восходила на новый виток осмысления. Меня всегда восхищала её преждевременная психологическая зрелость и сознательность, преждевременная выстраданность моральных выводов. Я называю эту зрелость преждевременной, потому что уже в возрасте двадцати лет, будучи молодой, она не была беспечно уверенной в том, что вся жизнь ещё впереди. Именно в этом возрасте, в 1913 году, она создала стихотворения «Идёшь, на меня похожий...» и «Уж сколько их упало в эту бездну...». В этих стихотворениях Цветаева словно предрекала свой уход, который настиг её спустя двадцать восемь лет. Уже в молодости она осознавала целесообразность анализа прожитых лет, неизбежность ответственности и подведения итогов.

Она была нежной и грустной, но вполне могла быть революционером, агитатором-милитаристом, горячим патриотом своей страны.

Она обладала редкой, волшебной способностью смело отвергать псевдомораль, навязанную общественными стереотипами, и оставаться верной собственным ценностным ориентирам и нравственным приоритетам. Она не умела и не хотела жить по общепринятому шаблону, мыслить и чувствовать – по строго определённом лекалу. Она никогда не стеснялась своей индивидуальности, а в некоторых стихотворениях открыто пропагандировала её, словно кричала, обращаясь к поколению потомков – отчего же вы такие глупцы, такие безнадёжные слепцы, отчего же вы никак не научитесь ценить душу, осязать её до самого глубокого озноба, до обнажённости! ... Именно *такой* её вижу я – вижу и искренне люблю с раннего детства.

Лирика

Перевод на английский Екатерины Коржовой

Идешь, на меня похожий...

You go with my heart and torso,
Directing your eyes down.
When living, I drooped them – also!
Oh, stranger, do stop right now!
Please, read – having plucked the henbane
And poppies in one bouquet, –
Marina was not my pen-name,
And age, when I passed away.
Don't think that you stand at mound,
That I'll come in stormy mood...
My self would too much redound
To laughter, when it's tabooed,
My gore was within me seething,
My blond frizzy hair curled...
Strange guest, I was also breathing!
Do stop for the sake of world!
Pick out the wild scape, bending,
And strawberry after it, –
On graves it's a real dainty,
No fruit is so large and sweet.
Don't stand so morosely, never,
Don't muse, having drooped your head.
Recall me without endeavour,
Forget me without regret.
How bright is the sunbeam lighting!
Gold aureole is around... –
For you there won't be frightening
My voice from the under ground.

Уж сколько их упало в эту бездну

A lot of them have fallen to abysm,
 Ill-omened back and forth!
Will come the day, when I shall soar with reason
 From surface of the earth.

What will congeal is song and fighting flambeau,
 Refulgence and despa'r:
Both verdure of my eyes and dulcet timbre,
 And golden wheat of ha'r.

Will thrive the life with daily bread all flattered,
 With vanity of days.
Will thrive the world – as though I've never mattered
 Among the human race!

Inconstant, as a child, in all the faces,
 And wrathful just awhile,
I loved the time when woods in fireplaces
 Burn down to ashen pile.

Violoncello, cavalcades in forest,
 And chimes in village fane...
– I've never mattered, so alive and honest,
 Caressed by snow and rain.

To all of you – 'cause I, who lived extremely,
 Foes, friends – don't car'a straw! –
To all I turn imploring to believe me
 And love me evermore.

Both day and night, in writing and in voicing,
 For truth of yes and no,
For my so often lacking in rejoicing,
 I'm only twenty though,

For my direct and shunless absolution
Of umbrage far and wide,
For all my love's unbounded contribution
And my excessive pride,

For time that was so fleet and unimpeded,
For truth, for game of lie...
Look here now! – you'll love me, if you did it,
For my consent to die.

Андрей Сапёлкин

Две «Лекции по анатомии»

Анатомия и поэзия – понятия, казалось бы, несовместимые. И тем не менее, в середине XIX века, поэзия, исчерпавшая, похоже, свою традиционную образность и пресытившаяся своей привычной атрибутикой, начала обращаться к предметам и явлениям, до того находившимся далеко вне круга её внимания и интереса. Одним из них и стала анатомия. Её появление в качестве предмета поэтического произведения было подготовлено ещё так называемой «кладбищенской поэзией», возникшей в середине XVIII века в рамках английского сентиментализма.

Это направление было затем подхвачено и развито некоторыми представителями романтической поэзии – в частности, Эдгаром По и Теофилом Готье, с их пристрастием к романтике могил и лунного света. Произошла своеобразная тематическая «эволюция в обратном направлении»: от кладбищ в целом к могилам по отдельности, от их анонимных обитателей к реальным покойникам, а от последних – к этапу, предшествующему их перемещению «в последнее пристанище».

Поэзия привела читателей в анатомический театр. Предлагаемые читателю два стихотворения под одинаковым названием – «Лекция по анатомии» – принадлежат двум итальянским поэтам: Бернардино Дзендрини (1839–1879) и Арриго Бойто (1842–1918).

Стихотворение Бойто, написанное в 1863 году, на первый взгляд, представляет собою «смакование» темы смерти, типичное для поэзии представителей миланской скапильятуры – литературного и художественного течения в итальянской культуре, которое приходится на 60-70 годы XIX века и к которому примыкал сам Бойто. Начало стихотворения подчёркнуто реалистично и прозаично. Автор присутствует на публичной лекции по анатомии, в ходе которой вскрывается тело некой девушки. Судя по всему, умершая была нищенкой, не имевшей близких и закончившей свои дни в больнице для бедных. Поскольку хоронить её было некому, тело её было использовано в медицинских целях (поэт указывает на это, говоря, что по ней не будет отслужена заупокойная месса и ей не знать «кладбищенского покоя»).

В отличие от других скапильятов с присущей им эстетизацией смерти, Бойто показывает изнанку последней тем, что весьма натуралистично представляет читателю вскрытие тела умершей. Смерть выставляется напоказ без каких-либо прикрас и во всей своей откровенной неприглядности. При этом происходит противопоставление науки – жизни. Наука равнодушна и холодна, а умерший для неё – лишь объект для изучения, причём в этом изучении присутствует какое-то жадное любопытство, некий азарт познания и открытия. Анатому всё равно, что за душа жила в теле, которое он препарирует, и поэт содрогается, наблюдая за тем, как хладнокровно тот производит вскрытие и деловито комментирует свои действия.

Наблюдая за происходящим, поэт пытается постичь душу умершей, воссоздать её внутренний мир. При этом автор пытается навязать покойной мироощущение, ей явно не свойственное: едва ли нищенка, все жизненные устремления которой были ограничены поиском средств к существованию, могла воспарять в своих фантазиях в те же заоблачные высоты, в которых витает воображение поэта. Проклиная науку и её служителей, поэт просит прощения за них у умершей девушки, которая в его воображении становится предельно опоэтизированной. Неприглядный вид обнаженного тела нищенки, разъятого скальпелем хирурга, и тот возвышенный образ, который рисует себе воображение поэта, настолько контрастируют друг с другом, что серьёзность отношения автора к происходящему невольно вызывает сомнение.

Правомерность этого сомнения подтверждается последней строфой, к которой автор умело подводит читателя: умершая при жизни отнюдь не была той чистой и непорочной девой, какой поэт представил её себе в воображении.

Сочинение Бойто, в целом, носит явно пародийный характер. Традиционные приёмы скапильятской поэзии получают в нём подчёркнуто карикатурное выражение: грубый реализм (по сути – натурализм) при описании места и характера действия перемежается с пафосной риторикой позднеромантического толка, выраженной словами, возвышенность которых неестественна и переходит в выспренность. Ирония, отличающая Бойто, проводит разделительную полосу между ним и его собратьями по творческому цеху. Своей «Лекцией по анатомии» он словно утверждает: смерть ужасна, а её физиологические проявления отвратительны; следовательно, эстетизация смерти – нелепа.

Стихотворение Б. Дзендрини относится к периоду 1860–1865 годов. По содержанию и образам оно очень близко к сочинению Бойто, но подход к теме несколько отличен. Это своеобразный протест против проникновения в поэзию элементов научности, что со временем оформится в такое направление, как «научная поэзия», зачинателем которой является французский поэт Сюлли-Прюдом (1839–1907).

Дзендрини решительно «разводит в стороны» научное и романтическое понимание сердца. Каждая строфа стихотворения завершается рефреном, звучащим, как отчаянное заклинание. Автор словно пытается докричаться до жрецов науки и до читателей, чтобы внушить им: сердце как анатомический орган и сердце как вместилище чувств и эмоций человека, как нечто непостижимое, определяющее человеческую сущность и индивидуальность, – это не одно и то же, что «научность» убивает и красоту, и поэзию, и поэтому ей не место в искусстве.

Перевод с итальянского Андрея Сапёлкина

Арриго Бойто (1842 – 1918)

Лекция по анатомии

Зал тёмно-сумрачный;
Сверху струится
Свет желтоватый
И бледно-мертвенным
Пятном ложится
На стол покатый.

Кто там?.. Чахоточной
Труп, что намедни
Дух испустила.
Сюда доставлена
В свой путь последний –
Ей здесь могила.

Заупокойная
Служба над нею
Не совершится,
И не окутает
Мирной своею
Сенью гробница.

Отложен в сторону
Нож, рану вскрывший
В груди несчастной,
Ещё столь юною
Недавно бывшей
И столь прекрасной!

При виде этого
(О труп холодный!
О кости, ткани!..)
Вся вера рушится

В дух благородный
Научных знаний.

Имя за именем
Сыплет анатом,
Словно горох:
Гарвей с Везалием,
Потт с Гиппократом,
Шпренгель и Кох...

А я всё думаю,
Что это тело
Когда-то жило,
Душа в нём грезила,
Любить хотела,
А сердце – нило.

Мыслю о созданных
Буйством фантазий
Сотнях вселенных!
В каждой – поэзии
Больше, чем в вязи
Строк вдохновенных.

Сердце, которое
Грёзой воздушной
Жило когда-то,
Бывшею таинством,
Нынче бездушно
Вскрыто, разъято.

А для прозектора
Привычны сцены
Такого сорта:
«Вот это – клапаны,
Вот это – вены,
А вот – аорта».

Затем: «Huic sanguinis
Circulationi»¹.

Я ж с дрожью в жилах
Читаю тайное,
Как на ладони,
В чертах застылых.

Уйди, всё знание
С научным клиром!
Верни былое
Очарование!
Почивших с миром
Оставь в покое!

Прости, о, девочка,
Цветок весенний!
Свежее розы,
Белее лилии,
Светлей творений
Воздушной грёзы!..

Покамест грёзами
Я был недужен
О чистой деве,
Зародыш месячный

Был обнаружен
У ней во чреве.

Бернардино Дзендрини (1839 – 1879)

Лекция по анатомии

Днём у профессора,
Как мне сказали,
Про сердце лекция
В учебной зале.
Уж я про сердце-то

¹ Здесь происходит циркуляция крови (лат.)

Всегда болтаю,
Но, как устроено
Оно, не знаю.
Вступаю с трепетом
Под своды залы:
Ведь в сердце вместится
Весь мир немалый;
Оно Вселенную
В себя вмещает,
Звать его органом –
Как-то смущает.

Профессор, мне-то
Видно без света:
Сей сгусток мускулов –
Не сердце это!

Слава кудеснику,
Что в наши груди
Помпу искусную
Вставил, о люди!
Слава желудочкам,
Слава предсердиям
(Пусть же работают
С должным усердием)!
«Слава и клапанам
Тем полулунным!» –
Выкрикну с пылкостью,
Свойственной юным.
«Браво профессору!» –
Крикнул бы тоже,
Будь это на сердце
Вправду похоже.

Профессор, мне-то
Видно без света:
Сей сгусток мускулов –
Не сердце это!

На дальнем острове
Наполеону,
Уже сложившему
С себя корону,
Запал воинственный
Стал не по чину
И в сердце вытеснен
Был чувством к сыну.
Сердцем супружества
Крепятся узы;
Ими скреплённые,
Прочны союзы!
Но это варварство
Мне не по нраву,
Кромсайте мускулы
Себе в забаву!
 Профессор, мне-то
 Видно без света:
 Сей сгусток мускулов –
 Не сердце это!

Где в этих мышечных
Тканях таится
Чувство любовное,
Злоба гнездится?
Где в них запрятаны
Боли, печали –
Чувства, что некогда
Душу терзали?
Где разрывавшие
Сердце на части
Муки, терзания,
Тёмные страсти?
Где устремления
И беспокойства,
Милые глупости –
Юности свойства?

Профессор, мне-то
Видно без света:
Сей сгусток мускулов —
Не сердце это!

Доктор, послушайте,
Мёртвое тело —
То, что вы скальпелем
Вскрыли умело, —
Скромной портнихой
Было когда-то,
В светлую будущность
Верившей свято.
Бросил возлюбленный —
Жизнь прекратилась:
Сердце разбитое
Остановилось.
Бедная девушка
С сердцем разбитым...
Где же осколки-то
В мускуле вскрытом?..

Профессор, мне-то
Видно без света:
Сей сгусток мускулов —
Не сердце это!

Можете с трупами
Здесь оставаться,
Мне бы на солнышко —
И прогуляться.
Из зала вырваться,
Где пахнет склепом,
Где сердце в мускуле
Видят нелепом.
Мне анатомии
Сердца не надо,
Мне в его образе
Жизнь и отрада,

Вижу я в трепете
Мерных биений
Ветром качаемый
Цветик весенний.
Профессор, мне-то
Видно без света:
Сей сгусток мускулов –
Не сердце это!

Из английской поэзии XVIII – XIX веков

Вильям Роско (1753 – 1831)

Вильям Роско – английский ботаник и историк, родился в Ливерпуле. В 1773 году он был одним из основателей Ливерпульского общества поддержки искусств живописи и дизайна. Впервые обратил на себя внимание дидактическим стихотворением "Mount Pleasant"; ревностно боролся за прекращение торговли невольниками, особенно в стихотворении "The wrongs in Africa" (1788).

Перевод с английского Сергея Александровского

Элегия на кончину шотландского поэта Бёрнса

Гряды холмов и кряжи гор,
Уют полян, покой долин,
Цветущий луговой простор...
Шотландия! О, где твой сын –
Стихослагатель-исполин,
Кем рай шотландский был воспет?
Где лиры славной властелин?
Ответа нет. Поэта нет.
Всё так же прядает ручей,
Всё так же высится сосна,
И вдоволь солнечных лучей,

И трель пичуги вновь слышна...
А мнится, будто тишина
И мрак – везде и навсегда:
У лиры лопнула струна,
Ушёл поэт! Пришла беда.

Твои сыны богам равны,
Шотландия! Блистаешь ты
В делах искусства и войны!
А дочерей твоих черты
Нездешней полны красоты...
Но молви: кто прославит вновь
Усиьем творческой мечты
Свободу, родину, любовь?

Шотландия! Забудем, сколь
Шалил певец, пока был млад!
Ведь он, земли шотландской соль,
Немного знал иных отрад...
А жил и пел на звонкий лад!
Ему воистину мила
Превыше всяческих наград
Была соотчицей хвала!

Любил он летнюю лазурь
Небес; любил зелёный дол;
И даже в буйстве летних бурь
Он радость грозную нашёл.
Вдали от городов и сёл,
В лугах, среди цветов и трав,
Его ритмический глагол
Звучал, певуч и величав.

Он потерял отца и мать;
Невзгод настала череда,
И хлеб насущный добывать
Ценой вседневного труда
Его заставила нужда.

Но, плотник, пахарь, дровосек —
Он даже в тяжкие года
Мечтал прославиться навек!

Судьбой не согнут и не смят,
Пахал и плотничал поэт.
Конец трудам — настал закат;
И вновь труды: пришёл рассвет...
Немало было горьких лет!
Но средь забот и средь обуз
Так часто слышал он привет
Шотландских шаловливых Муз!

Юнцы заботу гонят прочь;
Работа им не тяжела,
И сон, едва настанет ночь,
Коснется разом их чела —
И вдруг, раскинувши крыла,
На спящих налетает Страсть...
Кому неведома была
Сия сладчайшая напасть?

А в зрелости — кого не влѣк
Совсем иных соблазнов рой?
Вот Лесть раскинула силок,
И Почести манят порой...
А там изведал наш герой
Любовь — она, Судьбы сильней,
Судьбе приходится сестрой:
Крушит надежды юных дней!

Сулила Дружба и несла
Забвение былых невзгод;
Удачам не было числа,
И Радость приносила плод.
Порой певец, как сумасброд,
Резвился, Славою согрет, —

Но шёл уверенно вперёд,
Вступивши в творческий расцвет!

Он шёл бестрепетно – туда,
Где Блеск и Роскошь правят бал...
Изысканные господа
Ему воздвигли пьедестал!
Он воссиял и возблистал,
От маёты освобождён:
Стихи звенели, как металл,
И громко плыл могучий звон!

Блаженства, мнилось, он достиг,
Заслуженный стяжал почёт...
И вдруг – нещадный, лютый миг,
И только Мрак вокруг, – и вот
Судьбина к пропасти влечёт!
Он, весельчак и сердцеед, –
С каких он рушился высот
В бездонную пучину бед!

И снова – сельский ветхий дом,
Унылый дворик, пара кляч,
Жена, согбенная трудом,
При коем гнётся и силач;
И вновь – нещадный детский плач,
И вновь – заботы без конца:
Вкушай, беспечнейший рифмач,
Судьбу супруга и отца!

Вкушай – да гроб себе готовь
Худой, слабеющей рукой!
В иссохших жилах стыла кровь;
Судьбой истерзанный изгой
Терял досуг, терял покой...
И гений загнанный потух:
Из плоти, нищей и нагой,
На волю вышел славный дух!

Гряды холмов и кряжи гор,
Уют полян, покой долин,
Цветущий луговой простор...
Шотландия! Ушёл твой сын –
Стихослагатель-исполин,
Кем рай шотландский был воспет!
Где лиры славной властелин?
Ответа нет. Поэта нет.

Томас Сандерсон (1759 – 1829)

Томас Сандерсон¹ работал школьным учителем в местечке Грейстоук, позднее давал частные уроки в окрестностях Морпета. Это было единственный раз в его жизни, когда Сандерсон выехал за пределы графства, в котором проживал. Вскоре он вернулся в родительский дом в Себергаме, где и жил отшельником, время от времени встречаясь только с кембрийским поэтом Джошуа Рельфом. После смерти матери Сандерс возобновил работу в качестве школьного учителя. В 1791 году он познакомился с Джонатаном Баучером. Последний похвально отозвался о его стихах. В 1799 году Сандерс написал пасторальную элегию в память Джошуа Рельфа для сборника кембрийских поэтов. В 1800 году он опубликовал сборник «Оригинальные стихотворения», успех которого позволил Сандерсу оставить работу в школе. Он поселился в Кирклинтоне, где и провёл остаток жизни, занимаясь литературным творчеством.

Надгробное слово Роберту Бёрнсу

Над гробом глотку надрывает лесть:
Мол, и хвала усопшему, и честь! –
А Музы, презирая гам и гул,
В почётный молча встали караул.
Прощай, певец! Прощай, великий друг!
Ты скрашивал стихами наш досуг,
И мысли наши к небу возносил,
Даруя нам прилив душевных сил.

¹ <http://yandex.ru/yandsearch?text>

Прощай, певец, прославивший село
Шотландское навек! Твое чело
Венчал бессмертным лавром Аполлон.
Прими, поэт, последний мой поклон!

Сэмюэл Томсон (1766 – 1816)

Сэмюэл Томсон – ольстерский поэт, боготворивший Бёрнса и писавший стихи на шотландском диалекте. Получив гонорар за книгу, в которую вошло нижеприведённое «Послание», Томсон полностью израсходовал его на путешествие в Шотландию, где впервые повидал своего кумира лицом к лицу.

По-видимому, это стихотворение изначально было частным письмом, приложенным к почтовой посылке, ибо за ним следует «Постскриптум», в котором Томсон шутливо говорит: меняю целый фунт нюхательного табака на несколько новых Бёрнсовых строф.

Послание к Роберту Бёрнсу

Певец шотландский! Чем венчать
Создателя таких творений,
Коль Феба самого печать
Легла на твой волшебный гений?

От Музы видя лишь добро,
Ты стал её вернейшим другом!
Возможет ли моё перо
Воздать поэту по заслугам?

Да, Рамзей резво плёл стихи –
Но был небрежен, хоть задорен.
У Бёрнса – меньше шелухи,
А полновесных больше зёрен.

О, ты Горацию сродни!
Тобой воспетых не забудем

Собак разумных – как они
Беседуют, подобно людям!

А вместо лиры взяв свирель,
Проказлив ты в стихах и прыток!
О, как ты славishь пенный эль,
И виски – древний ваш напиток!

Цена притворной вере – грош!
Порой придёшь под своды храма –
И вспомнишь, как тупых святош
Ты заставлял сгорать со срама!

А как строкой стегал с плеча
Ты эскулапа-коновала!
Встречаю в городе врача –
И за три обхожу квартала...

Воспел ты Праздник Всех Святых
В селе беспечном и весёлом:
Резвись, ребята! Передых
Неведом до рассвета сёлам!

Со мной – Вергилий и Гомер,
Гораций, Спенсер, Драйден, Гэй,
И Мильтон – мудрости пример! –
И Томсон, Голдсмит, Шенстон, Грэй...

Но ты – им ровня и собрат!
Я чту поэта-исполина,
И с «Энеидой» ставлю в ряд
«Субботний вечер селянина»!

Берёшь ты всех навеки в плен:
Не скроются под слоем пыли
На книжной полке твой Тэм Глен
И твой беспутный, буйный Вилли!

Безукоризненно творишь!
Не на живую сшиты нитку
Стихи про полевую мышь
И луговую маргаритку.

«Прощайте!» – молвишь ты лесам
Шотландским, и холмам, и долам...
Скорблю с тобою вместе сам –
Сочувственным внимай глаголам!

Я – словно верная жена,
Что лишь и мыслит о супруге...
Эх, выпить бы вдвоём вина
В твоём краю, в твоей округе!

Да, путь не близок и не скор:
Меж нами бурные пучины
И кручи неприступных гор –
Ох, есть причины для кручины!

И всё же, верю, грянет час
(Когда – угадывать не стану):
Сведёт счастливый случай нас –
И вместе выпьем по стакану!

Не знай ни бед, ни передряг,
О Бард, любезный Вышним Силам!
Певец! Желаю вящих благ!
Твори усердно, с прежним пылом!

Когда ж душа покинет плоть –
Лети, как полноправный житель,
Туда, где издавна Господь
Своим певцам отвёл обитель.

(18 апреля 1792. Карнгрэнни, близ Белфаста)

Роберт Саути (1774 – 1843)

Роберт Саути (вместе с Уильямом Вордсвортом и Сэмюэлем Колриджем) был представителем первого этапа развития английского романтизма и «озёрной школы». Значение произведений английских романтиков трудно переоценить. Они впервые сделали в своих работах смелый шаг к описанию внутреннего мира человека, его чувств и состояния души. Саути обучался в вестминстерской школе в Оксфорде. Всю свою молодость провёл под влиянием идей французской буржуазной революции. Поэт много писал исторических сочинений, биографий, баллад, драм. Он также работал над переводами исторических рыцарских романов, занимался литературной критикой. В 1813 году Роберт Саути был назначен поэтом-лауреатом.

Средь мёртвых коротаю дни:
Могильной чужды тьмы,
Вокруг меня всегда они –
Ушедшие умы;
И дружелюбен с давних пор
Наш ежедневный разговор.

Их мысли, чувства, радость, боль
Я знаю – и могу
Понять и оценить, насколько
Пред ними я в долгу.
И плакать, без ненужных слов,
От благодарности готов.

Средь мёртвых мудрецов живу –
Из образов и фраз
Встаёт былое наяву
Всяк день, за разом раз.
И всяк полученный урок
Идёт уму живому впрок.

О, всех на свете смерть берёт,
И смерти не минуть.
Увы, придёт и мой черёд
Загробный править путь...
Но, мыслю, и моя строка
Возможет пережить века.

Эдит Несбит (1858 – 1924)

Эдит Несбит¹ (Эдит Блэнд) – английская писательница и поэтесса. Автор (соавтор) более 60 произведений художественной литературы для детей, некоторые из которых были адаптированы для кино и телевидения. Она также являлась политическим активистом и одним из основателей Фабианского общества, предшественника современной лейбористской партии. В течение 1880-х гг. Несбит активно читала лекции и писала статьи о социализме. Также она писала совместно со своим мужем под псевдонимом Фабиан Бланд, но эта её деятельность постепенно уступила место детской литературе в связи с очевидным успехом писательницы на этом поприще.

Эдит Несбит привнесла в литературу новый подход. Герои её произведений – юные современники автора, абсолютно реалистичные – сталкиваются в обычном мире с магическими объектами и существами, а иногда совершают путешествия в миры фантастические. Этот метод оказал прямое или косвенное влияние на таких писателей, как Памела Линдон Трэверс (автор историй о Мэри Поппинс), Диана Уинн Джонс и Джоан Роулинг. Клайв Стейплз Льюис писал свой цикл «Хроники Нарнии» под влиянием произведений Эдит Несбит. Кроме того, он упоминает её героев в своём романе «Племянник чародея».

Кроме детских произведений Эдит Несбит написала одиннадцать романов, короткие рассказы и четыре сборника «ужасных историй» для взрослых.

Значительное место в творчестве Эдит Несбит занимает, на наш взгляд, поэзия. Стихи поражают своим драматизмом, глуби-

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

ной и неким обостренным восприятием жизни. Одной из центральных тем автора является любовь. В своих поэтических произведениях Несбит показывает сложные перипетии взаимоотношений с близким человеком. Часто звучит тема крушения несбывшихся надежд, прощания с единственным возлюбленным. Отсюда вытекает и другая тема – тревожности, неустроенного бытия и незащищенности от ударов судьбы. Природа, часто морская стихия, помогает раскрыть богатый внутренний мир тонко чувствующей и ранимой души.

Перевод с английского Ольги Стельмак

Далёкие волны все ближе, смелее,
И ветры с безжалостной яростью дуют.
Пророчат несчастье, расслышать не смею,
Что злобные волны вот-вот атакуют.
Стою одиноко в бессильной тоске.
Мой домик построен на зыбком песке.

А вы, чьи дома на скале высоко,
Смеётесь – не встанет волна на пути.
Надёжно жилище, прилив далеко,
Но я не сумела такого найти.
Устало мечтала построить свой дом,
Чтоб скрыться от бурь и опасностей в нём.

Ах, как же тепло было в доме моём,
Когда ветры и волны далёкие спали.
Молилась я ночью, молилась и днём,
Как будто бы скалы мой дом защищали.
И тихо догадка однажды мелькнула,
Что если стихия навеки уснула?

Но движутся волны, все ближе вода.
Которой из них, ожиданьем томя,
Дано поглотить мой приют навсегда?
Мой маленький домик приветил меня.

Здесь радости песнь уже на волоске.
О, Боже, мой домик на зыбком песке...

Прощание

Когда скрывают солнце облака,
Оно всё так же в вышине сияет,
Но тень холмы и доли покрывает,
И меркнет красок ярких чистота.
Так от меня на время твой уход –
Пусть знаю, что любовь твоя верна
И радостью с печалью скреплена, –
Но мир без света только тень несёт.

Но стоит солнцу выглянуть опять,
Леса, поля своей улыбкою обнять,
Как краски мира снова оживают!
Когда ты возвращаешься ко мне –
Весь мир сияет, словно по весне,
И сердце снова песню запекает!

Утомлённый день, утомлённая ночь,
Когда сердца восторг улетает прочь!

Что день? Синева бездонных небес,
Сквозь которую солнце взирает вниз.
Что ночь? – вуаль, как ворон черна,
Сквозь которую бледная смотрит луна.

Утомлённый день, утомлённая ночь!
И восторг сердечный умчался прочь.

Солнце в небе зажгла только любовь,
Чтобы лик её видеть при свете вновь.
И Любовь опустила на землю покров –
Подарила влюблённым уютный кров.

О, добрая ночь! О, прелестный день!
Всё, что было, уже обратилось в тень.
Восторги сердца умчались прочь.
Утомлённый день, утомлённая ночь!

Если бы нам иметь
Крылья, чтоб улететь –
Словно у чайки морской.
Мы б обо всем забыли,
Как бы мы воспарили
Над суетой земной!

Мы бы с тобой поднялись
В синюю неба высь
И в безоблачный мир умчались.
А там отважно,
А там бесстрашно
С солнцем бы повстречались!

Но крылья не отрастут
И в выси не унесут,
Туда, где небес сиянье.
И потому в тесноте
Каморки и в темноте
Мы плачем в минуту прощанья!

Мольба

О ЛЮБОВЬ, простимся сейчас!
Трепет клятвы останется в нас.
Чары глаз наших, рук движенье,
Поцелуя невинного цвет
На губах, как благословенье.
О, будь мудрым, твоё решенье!
Ничего выше в мире нет –
Так давай простимся сейчас!

Песнь III

Мы любили с тобой – я и ты.
Та любовь дала новый цвет.
Наша дружба – дитя мечты,
Дар, которого краше нет.

Увядают любовные розы.
Отцветают они навсегда,
Даже сердца разбитого слёзы
Их не могут вернуть никогда.

Но, когда любовь дружбой станет,
Как для нас в этот час, поверьте,
Дружба розам любви подарит
То, что мы называем – бессмертие.

Кристина Россетти (1830 – 1894)

От переводчика.

Снова и снова Кристина Россетти поражает богатством и таинственностью своего поэтического мира. Прикоснувшись однажды к этому поистине космическому пространству, навсегда попадаешь под его магическую власть. По тонкости чувств, их глубине, силе, по масштабности мысли и обострённости переданного страдания Кристина Россетти, несомненно, – великий трагический поэт XIX века. Истинная поэзия всегда покоряет жизнеутверждающей силой, потому что преодоление страдания несёт надежду и свет, укрепляет души. К. Россетти была наделена таким даром сполна. Что же касается мотивов и сюжетов, преобладающих в её наследии, то ведь каким углом жизнь ранит сердце поэта, те боли и находят отражение в творчестве художника. Психологически Кристина Россетти всегда безупречно точна и искренна.

Большой иноязычный поэт – это труднодоступная, а порой и недостижимая, сверкающая вершина, но постигать её, ид-

ти, падать и вновь продвигаться к сияющей выси — ни с чем несравнимое счастье.

Перевод с английского Валентины Брилёвой

Он и Она

«Надо ли одному из нас помнить,
А другому — забыть?
Хотел бы знать я,
Но разве кто скажет?
Всё может быть».

«Стоит ли одному из нас помнить,
А другому забыть...
Пока обещать смею я,
Что ожидая тебя,
Могу и в сомнении быть».

«Хорошо... лучше»

(Из Первого послания к коринфянам, глава 7, 38).

У моей любви сердце нежное. Она призывала порой:
«Дружба с солнцем несёт свет луне;
Давай в небе встретимся, друг дорогой».
У моей любви сердце нежное.

Величавая, мне (я не спорила с ней)
Говорила «мы», «нас» с надеждой большой,
А моя всё слабела в кругу земных дней.

Назначена встреча вдали, где покой
Владеет любовью: она бурь сильней.
Я вверила сердце своё ей одной.
У моей любви сердце нежное.

Песня

О, розы – цветущей юности,
И лавры – поре золотой;
Но постаревшей до срока
Плюща хватит ветки одной.
О, фиалки – могил молодых,
И лавр – кого слава венчала...
Принесите мне листьев сухих,
Когда-то я их собирала.

Желание

Я хотела б стать маленькой пташкой,
Вверх взлетев, затеряться вдали;
Я хотела б стать песней, как тайной,
Чтоб над ней размышлять могли;
Тенью лилии дни коротать,
Чуть качаясь; словами любви,
Их эхом, над прежним блистать;
Или с мечтой терпеливой
Воспоминанием стать –
Надеждой неповторимой.

«Пользуясь временем»

Жизнь с запоздалой надеждою –
Жизнь обречённых возможностей.
Жизнь с погибшей надеждою –
Жизнь совсем без возможностей.
И всё же надежда – не корень, а только цветок.
Всё же надежда – не плод... Пробьётся росток:
Сажай и пропалывай, не унывай;
И ты будешь в доме хранить урожай.

Уильям Шекспир (1564 – 1616)

Ашот Сагратян

К вопросу о названии оптимистической трагедии

К 450-летию со дня рождения

Листаем наиболее известные произведения мировой классики – «Тристан и Изольда», «Руслан и Людмила», «Антоний и Клеопатра». Налицо верховенство патриархата. Меж тем вся история человеческой цивилизации зиждется на силе любви женщины, оси всего живого на свете.

Шекспир, высоко ценивший хроники и жизнеописания, вряд ли мог пройти мимо истории трагической любви, разгоревшейся ещё в VII веке нашей эры в аравийской пустыне. В XII веке ей воздал должное персидский поэт Низами Гянджеви, создав поэму «Лейли и Меджнун». Это поэтический сказ о неразделённой любви молодого поэта Меджнуна к своей сверстнице Лейли из враждебного племени. Трогательная история эта могла в ознакомительном переводе дойти и до Шекспира, который поселил своих героев в Вероне. Не исключено, что поэма Низами не стала достоянием широкого мирового читателя в силу активного противодействия Запада, веками умело отодвигавшего высокие достижения культуры иных народов на задворки времён, что не мешало ему, однако, беззастенчиво пользоваться духовными богатствами Востока.

Джульетта и Ромео

Перевод с английского Ашота Сагратяна

АКТ III. Сцена 1.

Площадь. Появляются Бенвольо, Меркутьо, его паж.

Бенвольо Болтаться тут, Меркутьо, нам не надо. Нас Капулетти задевают взглядом. Боюсь, беды большой не

избежать. А в зной в крови беснуется пожар.

Меркутьо Парней ты мне напоминаешь скверных, что, не успев зайти в таверну, на стол бросают шпагу и бормочут: «Не приведи, Господь, коль здесь кого замочат!» и, не дождавшись третьей чарки, кому-нибудь под бок суют клинок.

Бенвольо Я таковым с рожденья быть не мог.

Меркутьо Ну не скажи. Ты вспыльчивей, чем порох. А коль заденут, лезешь на рожон, как, впрочем, неуступчив в спорах.

Бенвольо Не жалкий ли рисуешь ты портрет?

Меркутьо О, нет, приятель мой, о, нет! Ты на лихие глупости способен. Тебе напомнить, как избил беднягу за то, что у него такую же увидел флягу, с которой ты по улицам гуляешь?! В твоей башке обиды без конца напоминают мне желток яйца. Дивлюсь, что он ещё не вытек. Хоть ты отменно бит был и не раз. Твой повода для ссоры ищет глаз.

Бенвольо Будь я таким, кого ты описал, не дал бы часа с четвертью до ссоры, в которой разом смолкли б разговоры. Ну, дождались! К нам эти, Капулетти.

Входит Тибальт и другие.

Тибальт Друзья, за мной! Сказать вот этим два словечка я обязан. Всего лишь пару слов, к тому ж одною фразой.

Меркутьо Я б к этой фразе приложил удар. Ну, право слово...

Тибальт К услугам вашим. Дайте только повод.

Меркутьо Ужель его так трудно вам найти?

Тибальт Я знал, что вам с Ромео по пути.

Меркутьо Такие ведаешь за нами ты таланты? Мы из бродячих, что ли, музыкантов?! А коли так, гляди, вот мой смычок. Ты под него и поплясать бы мог.

Бенвольо Не стоит тут шуметь: толпа сбежится. Не лучше ль будет нам уединиться и – без обид – спокойно разойтись?! На нас глазают. К чёрту ваш каприз!

Меркутьо Кому не лень, пусть постоят, коли хотят. На то глаза зевакам и даны. Не сдвинусь с места: нет моей вины.

Входит Ромео.

Тибальт Отстаньте! Он мне нужен. Мой человек явился вдруг к тому же...

Меркутьо Ужель он служит вашим господам?! На отсечение голову я дам: он хоть куда последует за вами. Там и поймёте, если служит – вам ли?!

Тибальт Ромео, я тебя подлея встречал едва ль среди людей!

Ромео Известно всем, ты – злая собачина. Однако есть терпеть тебя причина. И подлости во мне и грана не найдёшь. А кто я есть, не знаешь и на грош.

Порывается уйти.

Тибальт Ты от меня так просто не уйдёшь. Обиды ж, нанесённые тобою, я дерзкою твоею кровью смою. Вернись и шпагу обнажи, подлец!

Ромео Ты мною даже взглядом не задет. А чудеса случаются на свете. Нам ссориться не стоит, Капулетти! Тебе не причинять вреда причина есть. Любви к тебе лишь мне известна взвесь.

Меркутьо В трусливой перебранке смысла нет. Своею кровью даст он мне ответ. К тому ж за наглость эту и стократно (*хватается за шпагу*). Его проучит мой *alla stoccatto*. Тебе я, крысолов, уйти не дам! Урок отменный тотчас преподам.

Тибальт Настырности твоей я не пойму.

Меркутьо Кошачий царь, тебе ли по уму, что жизнь одну из девяти твоих хочу забрать, а восемь остальных я выбью из тебя вот этой шпагой...

Тибальт (*обнажая шпагу*). Не слишком ли кичитесь вы отвагой? К услугам вашим!

Ромео Меркутьо, друг, ваш спор пора замять.

Меркутьо Его я, друг, желаю наказать. Он на клинке моём ещё попляшет...

Бьются.

Ромео Бенвольо, ты не дай им расходиться! Тибальт, Меркутьо! Что за злые лица! Вы знаете про герцога запрет: в Вероне поединкам места нет! А ну-ка, шпаги уберите оба! Недолго так довести себя до гроба (*Из-под руки Ромео Тибальт ранит Мерку-*

тьо и скрывается со своими).

Меркутьо (Ромео). С Тибальтом был ты вежлив, даже мил...

Бенвольо Не горячись, быть может, обойдётся.

Меркутьо Для утешенья уйма слов найдётся. То не царапина и вовсе не пустяк. Паж, за врачом! Оно не обойдётся так.

Паж уходит.

Ромео Что он тебя задеть мог, даже странно. Приободришь! Так ли опасна рана?!

Меркутьо Так кажется тебе на первый взгляд – не шире, что она церковных врат и что колодца нашего не глубже. А мне с минутой каждою всё хуже. Проклятые рассадники вражды!.. Чтоб опустели оба ваши дома! То был не выпад – молния без грома. С чего вдруг разнимать нас вздумал ты?! Ты дал Тибальту шанс – поймать меня. Как дальше жить мне и кого кляня?! Тому ли сызмальства учили нас отцы?! Боюсь, что дуба дам к утру, отдав концы...

Ромео Поверь, Меркутьо, не того хотел я...

Меркутьо Какое до тебя теперь мне дело? Бенвольо, друг, мне срочно нужно лечь. Бессвязнее становится и речь... Не стыдно ль было так со мною вам?! Я, кажется, пойду на корм червям...

Бенвольо уводит Меркутьо

Ромео Меркутьо наш, что герцогу родня, сегодня пострадал из-за меня. Да и Тибальт моей коснулся чести. С тобою породнясь, Джульетта, не жил я мыслями о мести, клянусь твоею красотой. Тем, что меж нами стало, дорожу, как и при всём при этом нахожу, что кодекс чести есть простой. В любви смягчает честь до боли. Теперь отмстить я должен поневоле.

Бенвольо (возвращается в печали). Меркутьо наш вознёсся к небесам...

Ромео День выпал чёрный! Мрак затмил нам очи. Какие беды новый день пророчит?!

Откуда-то вновь возникает Тибальт.

Бенвольо Как ты посмел, безнравственный убийца, нам на глаза бесстыже появиться?!

Ромео Наш друг убит, а он невинным ходит. Возмездья кровь уже по жилам бродит. Что не подлец я, ты обязан знать. Пока душа Меркутьо где-то близко, в попутчики тебя ей, изверг низкий! Тебя ль, меня ль, иль нас обоих разом. Мне сердце выворачивает разум.

Тибальт Достоинств не добравший лет, тебя ему отправлю вслед.

Бьются. Тибальт падает.

Бенволио Ромео, ноги уноси! Сюда бегут. Не трижды же просить. Тибальт готов! Прознает герцог, нам не снести голов.

Ромео О, как судьба со мной играет зло!

Бенволио Праматерь Божья! Лишь бы пронесло!

Ромео уходит. Толпятся веронцы.

Голос из толпы. Меркутьо мёртв. Тибальт сбежал, убийца.

Бенволио Он тут лежит. Уже не шевелится.

Тот же голос. Прошу за мною – именем закона!

Входят герцог Эскол со свитой, Монтекки, Капулетти, с жёнами и слугами.

Герцог (*обращаясь к Бенволио*). Кому в Вероне нипочём законы? Кто был так смел, что преступить их смел?!

Бенволио Я думаю, известны вам они. Меркутьо доблестный Тибальтом был убит. А после был сражён рукой Ромео.

Синьора Капулетти Племянник пострадал мой, государь, поскольку ты один здесь бог и царь, утрату возмести Монтекки кровью. Тибальт, племянник, был моей любовью.

Герцог Скажи, Бенволио, глаз не пряча, кто всё начал?

Бенволио Тибальт сорвался, злобою плевал. Ромео же его увещевал, учтив был с ним до умопомраченья. Тибальт чихал на все нравоученья и шпагу на Меркутьо обнажил. Вспылил и тот, и начал отбиваться. Ромео голос в дружбе много значил. Он бросился их резво разнимать. Из-под руки Ромео тут Тибальт клинка коварнейшим ударом Меркутьо в грудь и угодил. И тот упал ничком. Тибальт сбежал, но объявился скоро. Меж ним с Ромео разго-

	релась ссора...
Синьора Капулетти	Кривит душой. Он родственник Монтекки. Не вижу правды в этом человеке. Тибальт едва ли мог от них отбиться. Вглядитесь только в лживые их лица! Коль Бог да правый суд на свете есть, заплатят пусть Монтекки кровью здесь! За жизнь одну загубленную нашу своих кровей пусть поднесут нам чашу!
Герцог	Вершил Господь рукой Ромео суд. Меркутьо, вон, на кладбище несут.
Монтекки	Меркутьо вашего Ромео знал за брата. За смерть его и выпала расплата.
Герцог	За вашею враждой стоит коварство. Оно ли не плодит самоуправство?! Ромео вышло из Вероны вон. А как с отъездом медлить станет он, пусть знает – мною не прощён! Убийства я не стану поощрять! Мне по душе понятливая знать.

Уильям Шекспир (1564 – 1616)

Лирика

Перевод с английского Роберта Винонена

Сонет 66

Я умер бы сейчас, дабы не знать
 ни Нищеты, достойной лучшей доли,
 ни Чистоты, обманутой опять,
 ни Красоты, развратной поневоле,
 ни Прямоты, лишившейся угла,
 ни Правоты, хромающей у власти,
 ни Доброты, берущей в долг у зла,
 ни Суеты, давно лишенной страсти,
 ни Пустоты, чья вся в наградах грудь,
 ни Простоты, гнушающейся чувством,
 ни Слепоты, всему чертящей путь,
 ни Глухоты, что ведаёт искусством.

Я умер бы, смеясь, когда б не ты,
любовь моя, средь этой маеты.

Сонет 130

Звёзд нет в зрачках у женщины моей,
Рубин красней, чем у любимой губы,
И грудь у ней, конечно же, смуглей,
Чем снег. И непослушен волос грубый.
Не замечал я и дамасских роз,
Что расцветают у иных на лицах,
Да и парфюмам, ежели всерьёз,
Навряд ли пот в сравнение годится.
И речь она ведёт не как свирель,
Не ангельски на землю ставит ногу...
И все-таки от женщины своей
Я прихожу в восторг. И слава богу:
Моя любовь – теперь таких уж нет –
Чиста от поэтических клевет.

Перевод с английского Евгении Славороссовой

Зима

Когда буран, что лют и дик,
Стучит сосульками в окно,
Пастуший посох прячет Дик,
И тащит Том домой бревно,
И кровь бежит едва-едва,
И жутко ухает сова:
«Ух-ух!»
Захватывает дух,
А у Джоан огонь потух.

Когда ледышки в молоке
Стучат, как кружки о поднос,
Вскипает варево в горшке,
И стал у Мэри красным нос,
И кашель заглушил слова,

И жутко ухает сова:
«Ух-ух!»
Захватывает дух,
А у Джоан огонь потух.

Перевод с английского Ольги Стельмак

Не вздыхайте, женщины, напрасно.
Мужчины были плутами всегда:
На берегу их мысли о море ежечасно,
Непостоянство – путеводная звезда.
Так не грустите больше, не грустите,
И в дальний путь их снова отпустите.
Вы будьте жизнерадостны, красивы,
А горькие стенанья превратите
В забавных песенок весёлые мотивы!

Тому, что можно подлостью и низостью назвать,
Любовь способна форму и достоинство придать.
Она слепа, лишь разум служит ей наукой –
Незрячий Купидон тому является порукой.
Любовный ум в суждениях порой несправедлив.
Он окрылен, но, зрения лишившись, тороплив.
Мы о Любви нередко говорим: она – дитя,
Нетрудно обмануть её доверие, шутя.
Как дети, что, играя, клятвы нарушают,
Так и Любовь свои обеты скоро забывает.

(Отрывок из комедии «Сон в летнюю ночь»)

Проза

Элино́р Порте́р (1868 – 1920)

Американская писательница Элино́р Порте́р¹ (в девичестве Элино́р Ходжман) родилась в 1868 г. в городке Литлтон (штат Нью-Хэмпшир) в семье потомков одних из первых британских переселенцев. Образование получила в местной школе, затем училась пению в консерватории в Бостоне и с успехом выступала на светских концертах и в церквях. В 1892 г. она вышла замуж за бизнесмена Джона Лаймана Портера и вместе с ним переехала сначала в Массачусетс, затем в Теннесси и, наконец, в Нью-Йорк.

Начиная с 1892 г. она публикует в американских журналах свои короткие рассказы под псевдонимом Элино́р Стюарт, а в 1907 г. появляется первый роман «Встречные течения». Роман был тепло встречен публикой, и уже в следующем году в свет вышло его продолжение «Перемены». Но настоящими бестселлерами стали новые книги Портер. В 1911 г. читателям была предложена повесть «Мисс Билли» о девочке-сироте, переезжающей жить к незнакомым родственникам. Успех книги окрылил Портер, и вскоре появились новые книги о мисс Билли: «Мисс Билли принимает решение» и «Мисс Билли выходит замуж». А в 1913 г. в свет вышла та повесть, которой писательница обязана своей всемирной и неувядающей славой – «Поллианна». Книга сразу же встретила восторженный приём у читателей всех возрастов, и спрос на неё не могли удовлетворить миллионные тиражи (уже к 1920 г. книга была переиздана 47 раз!). По всей Америке создавались «Клубы Поллианны», и не только для детей; несколько таких клубов были созданы даже в американских тюрьмах. Знаменитая актриса немого кино Мэри Пикфорд заплатила Портер астрономическую по тем временам сумму за права на экранизацию повести. На Бродвее с шумным успехом шла пьеса «Поллианна» (адаптация Кэтирн Кунинг) с Элен Хейз в заглавной роли.

Писательница получила множество писем с просьбами продолжить историю её необычной героини, и в 1915 г. появилась

¹ <http://www.livelib.ru/author/7870>

вторая книга — «Поллианна вырастает», также встреченная издателями и читателями с большим энтузиазмом.

Портер продолжала писать до самой своей смерти, и её новые произведения вызывали немалый интерес публики. Всего за годы своей писательской карьеры Портер создала четыре тома коротких рассказов и четырнадцать романов для детей и взрослых. К числу её самых известных произведений относятся «Просто Дэвид» (1916, книга о мальчике-сироте, также ставшая бестселлером и до сих пор пользующаяся успехом), «Путь к согласию» (1917), «О деньги, деньги!» (1918), «Рассвет» (1919), «Мэри-Мерая» (1920) и др.

Перевод с английского Эльвиры Фарниевой

Юпитер Энн (из сборника «Через годы»)

Только взвесив все имеющиеся «за» и «против», мисс Прю приобрела маленького коня по кличке Юпитер и тут же его переименовала. По мнению мисс Прю, запрягать коня само по себе было неприлично для респектабельной девицы, но запрягать коня-язычника! «Энн» — вот разумное, возвышенное, правильное имя, и этим именем она и назвала коня, невзирая на пол, возраст или же отметку «предыдущие условия владения». Сельские жители согласились с её решением, хотя и не без некоторых изменений: лошадь отныне звалась «мисспрюевский Юпитер Энн».

Мисс Прю желала владеть устойчивым, надёжным конём, таким, который не вздумает бежать, брыкаться или артачиться. Она бы, наверное, и не приобрела животное... но возраст мисс приближался к шестидесяти годам, а дорога к почте, магазину, церкви и прочим местам становилась все длиннее. Вот уже месяц конь был в её распоряжении и всё это время вёл себя именно так, как могла ожидать уважающая себя, застенчивая и немолодая девица. К счастью — или, к сожалению, зависит от вашей точки зрения на предмет — мисс Прю не ведала, что в тёмных уголках лошадиной памяти таятся ароматы беговой дорожки, требовательное понукание жокея и звуки торжествующего клича толпы: «Юпитер! Юпитер!». В списке смертных грехов мисс Прю скачки шли сразу после измены Родине и убийства.

В городе не нашлось бы человека, не осведомленного о жестоком отвращении мисс к этому виду спорта. Всегда и всюду она изливала миру свои жалобы, и ходили даже слухи, что единственный возлюбленный мисс некогда потерял шанс на её руку и сердце из-за страсти к быстрой езде. Мисс Прю не бывала и на окружной ярмарке, поскольку там проводились скачки. По вышеперечисленным причинам она отнюдь не была склонна приобретать коня. Если б только дороги не удлинялись так быстро! Четыре недели – скажем, почти пять – Энн радовала владелицу. И вдруг память Юпитера пробудилась.

Мисс Прю возвращалась с почты. Широкая, ровная дорога шла прямо вперёд, небосвод отливал всеми оттенками золотого и алого. Свежий октябрьский воздух бодрил, и мисс Прю бессознательно подняла подбородок и глубоко вдохнула. Но почти сразу нахмурилась. Сзади донесся стук лошадиных копыт, и она неохотно дёрнула правую вожжу.

Юпитер Энн заметно прибавил скорости и вздёрнул голову. Уши его стали торчком.

– Тпр-р-ру, Энн, тпр-р-ру! – нервно пробормотала мисс. Копыта меж тем били практически рядом, и мисс Прю бросила быстрый взгляд в ту сторону. Она зло дёрнула вожжи. В соседней легкой коляске был Руперт Джойс, юноша, безуспешно пытавшийся завоевать её доверие (и завоевавший, напротив, чересчур много доверия у Мэри Белль, воспитанницы и племянницы мисс).

– Доброго утра, мисс Прю, – раздался мальчишеский голос.

– Доброго утра, – выпалила женщина, и вновь дёрнула вожжи.

Внезапно её осенила ужасная догадка: если скорость соседней коляски увеличится, её собственная – тоже.

– Энн, Энн, тпр-р-ру! – мисс Прю гневно посмотрела на юношу и не менее гневно обратилась к нему:

– Проезжайте, проезжайте! Почему вы ещё здесь?

Юный Джойс покорно тронул кончиком плети серую кобылку... но внезапно случилось нечто поразительное. Юпитер Энн содрогнулся всем крупом, будто сбрасывая с себя годы скучной благопристойности, вытянул морду и перешёл прямо к делу. Мисс Прю побелела, затем побагровела. Руки, державшие вожжи, затряслись.

– Энн, Энн, тпр-р-ру! Нет, нет, не смей! Прошу, Энн! – умоляла она животное. С таким же успехом можно было просить ветер не дуть.

Голова в голову, ноздря в ноздю, две лошади неслись вперёд. Капор мисс Прю съехал набок и лихо сел на ушко. Волосы вырвались на свободу и разметались седыми прядями по плечам. Очки упали с носа и бешено раскачивались на тоненькой цепочке. Перчатки треснули сверху, и в разрывах виднелись белые от напряжения костяшки. Дыхание походило на всхлипы, стенающее и отрывистое «тпру!» слетало с бескровных губ. Сгорающая от стыда, испуганная и растревоженная мисс Прю вцепилась в вожжи мёртвой хваткой и не отводила глаз от дороги.

Всё дальше и дальше по прямой летели Юпитер Энн и маленькая серая кобыла. У порогов и в окнах, стремительно проносящихся мимо домов, появлялись люди с изумлёнными лицами и воздетыми руками. Мисс Прю содрогнулась. О, ужас и стыд! Она – и на скачках, против Руперта Джойса! Она покосилась на юношу, чтобы оценить выражение его лица, и увидела, как серая кобыла обходит её Юпитера Энн на целых полголовы!

В этот миг нечто поистине странное проснулось в её душе – нечто свирепое и неслыханное. Губы её плотно сжались, в глазах появился огонь. Стенания затихли, и мисс инстинктивно отпустила вожжи. Она с готовностью подалась вперёд, сосредоточившись на лидирующей лошади. Внезапно напряжённые мускулы расслабились, и выражение, подозрительно напоминающее ликующую радость, отразилось на лице – Юпитер Энн обогнал соперницу!

Когда показалась широкая подъездная аллея, ведущая к дому мисс Прю, сомнений не оставалось. Юпитер Энн, по-прежнему первый, гордо прогарцевал до конца и остановился, тяжело поводя боками.

Мисс Прю, трепещущая, красная и растрепанная, спустилась на землю. Позади неё Руперт Джойс только въезжал во двор. Он тоже был румян и взволнован, хотя причина этому была другая.

– Я... я хотел... я думал, что увидаю Мэри Белль, – выпалил он легкомысленно, подготавливая смелую защиту от нападения,

которое явно не заставит себя ждать. И внезапно он лишился речи от изумления.

– Мэри Белль? Поищи её в саду, она собирает яблоки, – весело ответила мисс Прю. И улыбнулась – той снисходительной улыбкой, которой победитель награждает побеждённого. Юноша смотрел на неё с недоверием. Затем, осмелев, выдохнул:

– Ну и горазд же ваш конёк бегать, доложу я вам!

Мисс Прю застыла. Она быстро поправила капор и вернула очки на место.

– Энн вела себя плохо – очень, очень плохо, – сурово молвила она. – С вашего позволения, мы не будем это обсуждать. Мне стыдно за неё!

И, вздёрнув нос, она отвернулась.

Но...

... две минуты спустя, в стойле, потрепала Юпитера Энн по шее, чего никогда прежде не делала.

– Мы их побили, Энн, – шептала она. – И, в конце концов, он такой вежливый малый, и, если Мэри Белль его хочет – позволим ей получить свой приз!

Мозес Йозеф Рот (1894 – 1939)

Мозес¹ родился в городе Броды в 1894 году, в еврейской семье, которая была частью большой ортодоксальной общины. Учился во Львовском, а затем в Венском университете, в 1916 году ушёл на фронт, участвовал в Первой мировой войне. После войны, начиная с 1918 года, работал журналистом в газетах Берлина и Франкфурта, к 1920 году стал известным журналистом, работал в газетах до 1933 года. Первое крупное прозаическое произведение «Паутина» публиковалось частями в австрийских газетах и не имело большого успеха. Толчком к роману послужили убийство Ратенау и покушение на редактора М. Хардена. В книге Рот описал круги крайне правых и ветеранов войны, готовящихся к захвату власти и установлению режима террора. С необычной прозорливостью он назвал имена Гитлера, Гинденбурга и Людендорфа.

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

В 1924 году Рот издал «Отель Савой» и «Восстание» отдельными изданиями. В 1926 году совершил длительную поездку по СССР. В 1932 году был закончен самый длинный и самый известный роман Рота «Марш Радецкого» с сильными элементами ностальгии по Австро-Венгрии времён Франца-Иосифа.

После прихода нацистов к власти в 1933 году Рот немедленно эмигрировал во Францию. В письме Стефану Цвейгу сразу после нацистского переворота Рот снова проявил правильное понимание ситуации: «Приближается война. Не обольщайте себя. Ад пришёл к власти».

Во Франции Рот написал ещё несколько книг, в частности, «Легенду о святом пропойце» (1939), где, по-видимому, отразилось увлечение автора алкоголем и трудные жизненные обстоятельства. Серьёзно интересовался католицизмом, но надёжных данных о крещении нет. В мае 1939 года, узнав о самоубийстве своего друга, Эрнста Толлера, Йозеф Рот рухнул на землю и вскоре скончался.

Из написанного Ротом наиболее известен роман-хроника Габсбургской империи «Марш Радецкого» (1932). Он (как, впрочем, и другие произведения Рота) был экранизирован (1965, 1995). Влиятельный критик Марсель Райх-Раницкий включил его в число двадцати лучших романов, написанных на немецком языке.

Перевод с немецкого Елены Соколовой

Немой пророк

Фридрих Карган заболел. Он одиноко лежал в своей комнате, охваченный лихорадкой и впервые в жизни обласканный одиночеством. До сих пор он знал лишь его жестокую верность и суровую немоту. Теперь он признал его нежную дружбу и услышал тихую мелодию его голоса. Ни друга, ни возлюбленной, ни товарища. Только мысли приходили, как дети, зачинаемые, рождавшиеся и выраставшие одновременно. В первый раз в жизни он познал болезнь, благотворную силу её мягких рук, чудесное обманчивое чувство, что можешь встать, но не хочется подниматься, способность лежать и вместе с тем парить, силу, которая исходит от отрешенности, как милосердие от несчастья, немой диа-

лог с небом, заполнявшим комнату на верхнем этаже серым светом, единственным гостем из внешнего мира. Когда другие болеют, думал он, приходит друг, спрашивает, можно ли закурить, протягивает больному руку, которую намерен вымыть после визита – из гигиенических соображений. Возлюбленная начнёт проявлять свои материнские инстинкты, убедив себя в том, что ещё может любить и принесёт кокетливую жертву в преодолении отворачивания от прикосновения нежных рук к неприятным предметам. Товарищи появятся с шумным оптимизмом и с показной шутливостью принесут к кровати кучу новостей, будут слишком громко и с оглядкой смеяться и придут к осознанию своего здоровья как благотворители, когда те при виде нищего бессознательно суют руку в карман, чтобы убедиться в наличии денег. Только я одинок. Берзеев остался в России. У него есть родина. Может быть, через сто или двести лет ни у одного человека на свете не будет места, которое он считал бы своей родиной или пристанищем. Земля повсюду будет выглядеть одинаково, как море, и, как моряк чувствует себя как дома везде, где шумит вода, так и каждый человек будет всюду дома, где растёт трава, где есть скалы или песок. Я слишком поздно родился или, наоборот, слишком рано. Я представляю собой один из экспериментов, которые, то тут, то там, создает природа, прежде чем она решится на создание нового рода. Когда моя температура спадёт, я встану и уеду. Я дословно исполню свою судьбу быть посторонним. Я немного продлю сладкую отрешённость болезни, и этот переход превратит мое одиночество в счастье, как это уже почти сделала болезнь.

Лихорадка отступила. Он встал. Поскольку он не знал детства и матери и поскольку он вырос, не слыша названий болезней и причин, которые их вызывали, ему даже не было любопытно, что же с ним случилось. Но нужно было назвать какую-нибудь болезнь, чтобы ему дали отпуск. Он заставил себя узнать название состояния, в котором он находился, взял отпуск на полгода. Я совершаю сейчас так называемую подлость, сказал он сам себе. По моральным устоям этого глупого мира уже было мошенничеством работать во благо дела, в котором убеждён далеко не в такой степени, как большинство руководящих этим делом. Но ещё большим мошенничеством было отказаться от этого вида работы

и получать за это деньги. Как буржуазное общество, так и его противники – революционеры для персонажа, которого я изображаю здесь, имеют одно и то же меткое название. Такое поведение они называют циничным. Цинизм никогда не разрешается одинокам. Только патриоты партии и управляющие будущим могут им пользоваться. Одиночке не остаётся ничего, кроме как признать так называемый цвет. Я – циник.

Таким образом, он обеспечил себя деньгами и – уже в который раз в жизни – паспортом с фальшивым именем. Революция окольными дипломатическими путями стала легитимной. Фальшивый паспорт больше не доставлял радости Фридриху. Псевдоним революционера узнавала даже реакционная полиция, так же как и инкогнито какого-нибудь балканского князя. Только газеты, оплачиваемые боязливými фабрикантами, иногда считали, что сообщают новость правительству своей родины, когда писали, что прибыл под фальшивым именем такой-то и такой-то посланец революции. На самом деле, любое правительство стремилось скрыть от газеты опасных людей. Прошли те времена, когда Фридрих считал, что ведёт персональную борьбу против мирового порядка и его хранителей при помощи рискованной хитрости и излишнего притворства. Теперь у него было неписаное, но признанное в международном масштабе право на нелегальность.

И он ездил по большим городам цивилизованного мира. Он видел музеи, в которых были собраны сокровища прошлого, как в журналах предметы мебели, которые нельзя применять. Он видел через входную дверь театры, на сценах которых был подчёркнуто представлен и разрезан на акты кусочек жизни, изображаемый загримированными в розовое людьми. Он читал газеты, в которых распространялись известия о событиях, как интересный покров над равнодушными предметами. Он сидел в кафе и ресторанах, где люди собирались, как товары на витрине. Он посещал нищие закусочные, в которых ищет удовлетворения часть общества, называемая «народ», и он наслаждался сильным и суровым блеском, сопровождающим бедность. Как будто он никогда не принадлежал к ним, он, как чужой, посещал помещения, в которых они собирались, чтобы слушать и чувствовать политические слова о том, что они, якобы, являются фактором в суете мира. И как если бы он сам никогда перед ними не выступал, он дивился

их наивному восторгу, который приветствовал пустое звучание фразы, как благоговение набожного человека перед глухими ударами дешёвого колокола. Будто не было революции и войны! Ничего! Все стёрто! Молодые люди в широких развевающихся брюках с подбитыми ватой плечами, кокетливыми и гибкими бёдрами, целое поколение бесполох авиаторов бродило по всем слоям общества. Футбол в одинаковой мере укреплял мускулы молодого рабочего, как и мускулы молодого сына банкира, и придавал лицам обоих одно и то же присутствие духа и чистый разум. Пролетарий тренировался для революции, буржуа — для удовольствия. Развевались знамёна, маршировали люди, и точно так же, как в каждом большом городе менялись определенные номера варьете, был в нём похоронен и неизвестный солдат. В небольших населенных пунктах памятники павшим встречались Фридриху, так же как негры, танцующие степ.

Теперь он видел собственными глазами «жизнь», далекий, таинственный и чудесный отблеск которой отошёл от желаний его прежних лет. Было такое чувство, будто он принимал пурпурную игру красок, отбрасываемую световой рекламой на противоположную стену, за отблеск большого жуткого пожара. Теперь он видел источник своих прекрасных заблуждений. И он насмехался над собой с удовлетворением, которое ощущает умный человек, когда обнаруживает ошибки. И он расхаживал, раскрывая один источник за другим, и ликовал, ибо оставался правым в противовес самому себе.

Со временем все источники были открыты, даже быстрее, чем он думал. Таким образом, он познакомился с потерянностью в чужих городах, с бесцельными блужданиями в вечерних сумерках, когда зажигаются серебряные фонари и колют тело заброшенного болью тысяч игл. Он шёл по залитым дождём улицам, по блестящему асфальту широких площадей, напоминавших каменные озера, с высоко поднятым воротником, застёгнутым наглухо, и взглядом, устремлённым вперёд, ведущим его сквозь чужбину. Он рано вставал, выходил на утреннюю улицу, заполненную спешащими людьми. Женщины, на которых он не смотрел, блистали навстречу ему своей красотой, детский смех слышался из садов, от неторопливо идущих стариков, казалось, идущих ещё медленнее среди спешащей толпы, исходило удвоенное

достоинство и примиренческая кротость. Наконец, были дни, когда простые, нерушимые прелести становились очевидными и когда его желание начать жизнь с нуля почти пересиливалось утешением, что он может снова начать, не прилагая усилий.

Он снова был в Париже, когда пришла весна. Каждую ночь он бродил по гладким и тихим улицам, встречал перегруженные повозки, едущие к рынку, равномерную рысь тяжёлых, косматых лошадей, по-деревенски набожный звон их колокольчиков, светлую зелень аккуратно уложенных кочанов капусты и их холодную белизну среди широких листьев, ярко рыжий цвет тонкохвостой моркови, кровавый, влажный и тяжёлый блеск нарубленной большими кусками говядины. Каждую ночь он шёл в подвальчик, где танцевал народ: матросы, уличные женщины, белые и цветные из колоний. Аккордеон разливал в светлом зале весёлые марши, это был инструмент неистовой меланхолии. Он любил все это, ибо это напоминало ему о товарищах по революции, это была музыка утрат и беспечности. Она напоминала о мирных вечерах в восточных селах и в то же время о нависшей жаре африканских пустынь, поскольку она одновременно содержит в себе как пение мороза, так и вечную тишину лета. Широкие зеркала на каждой стене отражали расточительный ряд лампочек на потолке зала, превращали один зал в двадцать, во сто крат увеличивали число танцовщиц. Он больше не видел лестницу и дверь, ведущие вверх на улицу. Зеркальные стены окончательно изолировали зал, как камень и мрамор, превращая подвальчик в единственный бесконечный подземный рай. Он сидел за столом и пил шнапс. Как-то раз, когда ему показалось, что не нужно опасаться быть откровенным, поскольку это последняя ночь на свете и утро больше не наступит, он попросил принести листок бумаги и написал без конкретного обращения:

«Я долгое время не думал о Вас. Вот уже несколько дней Вы не выходите у меня из головы. Я знаю, что Вы больше не думаете обо мне. Сейчас, как всегда, Вы ведёте жизнь, далёкую от моей, как одна планета от другой. Но здесь Вы найдёте мой адрес. Чтобы быть искренним, я признаюсь: то, что заставило меня написать Вам, не было непреодолимой необходимостью. Возможно, это всего лишь непреодолимая надежда...».

Он вышел на улицу. Занимался рассвет, как обычно, ничто не предвещало конец света. Синее небо светилось над домами, кто-то открыл окно. Настойчиво и возмущенно урчал мотор автомобиля. В свете просыпающегося утра Фридрих сунул письмо в почтовый ящик.

Время больше не было безразмерным. Почта работала безотказно. Письмо дошло до Хильды с опозданием на три дня. Однажды вечером, когда Фридрих вернулся в отель, его кто-то ждал.

Он сидел, молча, в пальто, мокром от дождя и исходящем паром, шляпа в руке. Она рассказывала о муже и детях, о горьких годах своей жизни, об отце. Кстати, она привезла его с собой. Он хотел разыскать курорт. Отец должен был успокоить её ревнивого мужа. Сейчас им жилось хорошо. Её мужу как раз сослужила хорошую службу его умеренность. Другие, спекулянты с врожденным инстинктом к совершению сделок затонули в бурях, которые сами же вызвали, как воины погибают в приключениях, причиной которых были сами. Господин фон Дершатта, однако, принадлежал к тем умеренным бюрократам делового мира, которые много выигрывают, даже если у них ни на что не хватает решимости. Она говорила на жаргоне, который был родным языком генеральных директоров, о «положении», разрешавшем одно и ещё не позволявшем или уже больше не позволявшем другое. Несколько незнакомцев вошло в зал, где они сидели. Она перестала рассказывать. Но наступившее молчание было в состоянии выразить все признания и дополнить все полупризнания, которые она подавила в начале и о которых умолчала. Это молчание больше не мешало ей в присутствии других. Будто оба они были так молоды, как когда-то в кафе, случайность внешней ситуации сделала её беспомощной. На улице шёл дождь. Здесь сидели незнакомые люди. Если сейчас она войдёт в мою комнату, подумал он, все будет решено. Она этого ждёт. Он не промолвил ни слова.

– Может быть, мы поднимемся к Вам?

После долгого молчания это выглядело так, будто она готовилась к этому вопросу.

Они поднялись пешком вверх по лестнице. Присутствие чужих людей в лифте, свидетелей их смятения, помешало бы им. Они шли молча. Большое расстояние разделяло их, словно

там, наверху, им предстояло перенести старую вражду. Она села, не снимая пальто. Небольшие поля шляпы затеняли её глаза. Пальто было наглухо застегнуто до подбородка, и весь её облик казался вооружившимся, мужественным. Решение, с которым она села в поезд, ещё было живо в ней. Фридрих подошёл к окну. (Движение, совершаемое каждым вторым мужчиной, когда он находится в смущении перед женщиной в своей комнате). «Почему ты молчишь?» В этом вопросе был слышен страх. Он слышал опасение и первое «ты», которое прозвучало между ними. Это было как первая молния ранней весной. Он обернулся, подумал, теперь она расплачется, увидел два влажных глаза, которые смотрели прямо на него, без страха, поскольку были полны слёз.

Он хотел спросить: «Почему Вы приехали?» – Он поправил себя и подумал, какое слово было бы менее обидным: «почему» или «зачем», и, наконец, решился на безобидное «как» в сочетании с «ты». В итоге он спросил: «Как ты приехала сюда?»

Быстро скомбинированное присутствие духа, с которым она захватила отца, чтобы усыпить бдительность Дершатты, испугало его. Его напугала способность к комбинированию, как у романиста. Только чтобы молчание не затянулось, он промолвил: «Значит, ты здесь со своим отцом!»

– Скажи, что ты думаешь? – снова начала она. – Скажи, что ты не ждал меня, и что это было всего лишь настроение, то письмо. Ты, наверное, выпил.

– Да, – ответил он. – Это было своего рода глубокое настроение. Я никогда не ждал тебя. Это не упрек, то, что я теперь скажу: ты могла бы прийти десять лет назад. С тех пор так много прошло.

– Расскажи, – промолвила она.

– Это не получится так сразу. Я не знаю, с чего начать. Я не знаю, что было бы важным. Сейчас мне кажется, что факты далеко не так важны, как то, что я не имею права рассказывать. И безутешность, охватывающая меня сейчас, или слова, которые люди слышат от меня время от времени, иногда открывающие мне людей, а порой и всё человечество, гораздо серьезнее, чем, например, битвы, в которой я участвовал. Но, может быть, тебе будет достаточно имени, под которым я жил последние десять лет.

И, словно это имя, которое она слышала и читала, не зная, кто под ним скрывается, было окончательным подтверждением её слепоты и вины, она заплакала. «Теперь мне нужно уйти, – подумал Фридрих, – и поцеловать её». Он увидел, как она в отчаянии сняла шляпу, пригладила волосы, и он подошёл с радостью, что может хоть что-нибудь сделать, и взял шляпу у неё из рук.

Она покачала головой и сказала: «Мне нужно идти».

– Я отпущу её, – подумал он.

Но когда она подняла руки, чтобы надеть шляпу, ему показалось, что она в отчаянии и оттого ещё красивее. Она была молода. Годы прошли мимо неё, как нежные летние ветры. Она родила детей и была молода. Он снова увидел её в беззвучно едущей машине и в магазине, примеряющей перчатки, рядом с ним в углу в кафе и на улице под дождём. В движении, с которым она подняла руки, была заложена вся её прелесть. Оно одновременно напомнило о мольбе, раздевании, отпоре и готовности отдаться, все виды её красоты. Руки снова опустились. Её правая рука начала натягивать левую перчатку с аккуратной осторожностью.

– Останься, – неожиданно промолвил он. И, словно этого было слишком мало или слишком резко, он ещё тише добавил – Не уходи. «Не хватает ещё, чтобы я повернул ключ – и ситуация будет совершенной». Он видел, как Хильда посмотрела на дверь и медленно и аккуратно сняла перчатку. Теперь это была обнажённая рука, нечто иное, чем голая. Ему показалось, он видел её впервые. Вслед за этим он сделал единственный быстрый шаг к двери и запер её.

Пожилой господин Меркер хотел на следующий день поехать на свой курорт. Фридрих увидел его вечером. Праздничный блеск ламп в ресторане делал седину господина Меркера ещё почтеннее, а красоту его дочери ещё блистательней. Он напоминал старинные портреты, лица, которые время сформировало больше, чем природа и искусство, и которые, являясь зеркалом безвозвратно исчезнувших эпох, получают слабый отблеск печального рукоположения. Господин Меркер никогда не был умён, но возраст заменял ему разум, и, поскольку он относился к людям, пережившим своё время, он пробуждал во Фридрихе вежливое почтение, которое должны оказывать забытому мону-

менту. Старик, казалось, не сомневался в том, что встреча его дочери с Фридрихом была чистой случайностью. Но, даже если бы он сомневался в этом, он не делал попытки угадать связи, которые по доброй воле не раскрывали ему. Его уважение к жизни дочери было слишком велико. Для него, как для мужчин его поколения, было само собой разумеющимся предполагать у жён и дочерей естественное чувство чести, репутации и умения держаться. Он ещё принадлежал к последнему роду жителей центральной Европы. Он знал о несчастливом браке своей дочери, но ему не приходило в голову упрекать себя в том, что это он заставил Дершатту жениться на Хильде. Он долгие годы не знал своей дочери. Возможно, теперь возраст раскрыл ему глаза, но он остался молчаливым не только потому, что стыдился задать вопрос, а потому, что ему ещё было стыдно позволить заметить то, что он обладал способностью угадывать.

— Я очень хорошо помню Вас, — заявил он Фридриху. — Вы один раз были у нас. С тех пор многое произошло. Иногда мне кажется, что мы всё уже знали заранее. Я собственными глазами мог видеть, как гибнет государство, как люди становятся более равнодушными, но и более злобными, да, более злобными, — он промолвил это со снисходительностью потустороннего.

— Мы шутили, мы смеялись над этим, — продолжил он. — Я даже могу себя кое в чём упрекнуть. Поверьте мне, что даже шутки хватает, чтобы загубить старое государство. Все народы насмеялись. И все же в моё время, когда человек ещё был важнее своей национальности, была возможность из старой монархии сделать родину для всех. Она могла бы стать маленьким образцом большого будущего мира и одновременно последним воспоминанием о великом времени Европы, в котором север и юг были соединены. Только география не устраивала профессоров. Мир, установленный профессорами и ими же управляемый, Вильсон, Мазарук — что за имена! Всё позади, — закончил господин Меркер лёгким движением руки, которым, казалось, хотел окончательно прогнать остатки своих воспоминаний.

Даже сама его грусть была ещё проникнута безмятежностью. Этот печальный некролог родине не мешал ему наслаждаться чёрным кофе и тонкой сигаретой с кроткой задумчивостью. Он выглядел так, словно вдвойне радовался жизни, ибо она

ещё продолжалась вне его времени, и словно он наслаждался каждым днём, каждым вечером, каждым обедом, который дарило ему небо, с радостью, с какой воспринимают незаслуженные каникулы. Закат монархии словно положил конец только активному периоду его жизни. Он прекратил существование только как современник, но продолжал жить как созерцатель нового времени, которое ему совершенно не нравилось, но которое, однако, его совершенно не касалось.

Он попрощался с Фридрихом, дочь проводила его. Весь час, когда Фридрих ждал её, он ходил туда-сюда перед отелем, как пятнадцать лет назад: ничего не случилось между днём, когда я впервые увидел её в машине, и сегодня. Неужели я ещё верю в чудо любви? Видимо, будет чудом, если то, что произошло между ними, вдруг погаснет.

Позднее он сказал ей: «Однажды во время побега из Сибири, я думал о том, чтобы забрать тебя с собой в далёкую и мирную страну. Ведь есть ещё чужие и мирные страны. Мы уедем туда».

— Они нам не нужны, чтобы быть счастливыми.

Они ходили по широким, светлым улицам, пересекали многолюдные площади, избегали опасностей, не обращая на них внимания, только с обострённым инстинктом оставаться в живых и жить. Они сумели бы сами спастись во время катастрофы и среди тысяч погибших оказались бы спасёнными.

Он не избежал ни одной из глупостей, которыми так богата мужская влюбленность. Даже ревность ко времени, которое Хильда жила без него, порой охватывала его — в конце концов, он задал самый глупый и мужской из всех вопросов, которые когда-либо были записаны в любовном справочнике: «Почему ты не дождалась меня?» И получил неизбежный ответ, какой дала бы ему в подобном случае любая другая женщина и который ни в коей мере не был логичным, а, скорее, был продолжением вопроса: «Я любила только тебя...»

Из необычной формы существования их любовь начала превращаться в обычную. И он познал все бранные и вечные радости и счастье, отказался от больших целей в пользу малых и так сильно преувеличивал достигнутое, что любой поиск становился бессмысленным. Они ездили по белым городам, стояли в

больших портах и наблюдали, как корабли приближаются к чужому берегу, встречали поезда, спешащие в неизвестность, и никогда не видели судно или поезд, не видя в них себя уезжающими вдаль, в будущее, в неясное. Со страхом они считали дни, когда ещё могли оставаться вместе. Если первая неделя ещё была нераздельной во времени, то вторая распадалась на дни, третья на часы, четвертая на мгновения.

– Я последую за тобой куда угодно, – говорила Хильда, – даже в Сибирь.

– Что мне там делать? Я не намерен больше попадать в опасные ситуации.

– Что же ты будешь делать дальше?

– Ничего.

Она разочарованно замолчала. Это было впервые, когда они вдруг натолкнулись на пункт, где должны были прекратить разговор. Такие мгновения приходили всё чаще, и они постоянно забывали о них. Оба переносили объяснения на более удобную возможность, но возможностей совсем не оказывалось. С уст каждого срывались слова без отклика, падая, как камни, в бездонную глубину.

Однажды она промолвила – вероятно, чтобы умиротворить его: «И всё же я восхищаюсь тобой».

А он не смог удержаться и спросил: «Кем ещё ты уже не восхищалась? Художником, войной, ранеными. Теперь ты восхищаешься революционером».

– Люди становятся умнее.

– И глупее тоже становятся.

И начался постепенный быстрый обмен пустыми словами без смысла, как борьба с пустой ореховой скорлупой.

– Ей нужен кто-то для восхищения, – подумал Фридрих.

– Она, в конце концов, возвела меня в герои. Она исповедуется мне каждую минуту, когда я начинаю отречься от себя. Я уже не прежний, я только играю его роль из рыцарских побуждений.

Тем не менее, между ними было условлено, что она покинет свой дом.

– Не забудь, – заявила она, когда он садился в поезд, – я поеду за тобой куда угодно несмотря ни на что.

Поезд уже катился, Фридрих не мог ответить.
Через неделю она должна была выехать вслед за ним.

После того, как он покинул Хильду, он обнаружил известие от своего друга Берзеева. «Мне не жаль, – писал он, – что я не поехал вслед за тобой за границу. Жаль только, что я, вероятно, больше не увижу тебя. Сентиментальность явно склонного к анархизму человека, которой мне сейчас можно не стыдиться, после того как меня публично лишили звания революционера. Чтобы утешить тебя, я хочу сказать, что я вынужден отправиться в ссылку, и делаю это охотно. Если бы Савелли имел представление о том, что он идёт навстречу тайной моей тоске, он, наверняка, в наказание приговорил бы меня к вечной курьерской службе между Москвой и Берлином. Я имею в виду службу носителя культуры, посланца электрификации пролетариата, его превращение в трудолюбивого представителя среднего сословия. Для человека нашего рода Сибирь – единственно достойное место пребывания».

О подобной тоске по краю света мог бы по праву говорить и Фридрих. Это, наверное, ни в коем случае не влияет на свободное решение, менять направление своей жизни или нет. Блаженство, однажды пострадать за великую идею и за человечество, ещё долго определяет наши решения после того, как сомнение сделало нас проницательными, знающими и безнадежными. Мы прошли сквозь огонь и остались отмеченными на всю оставшуюся жизнь.

Может быть, и женщина тоже запоздало пришла к Фридриху. Может быть, старый друг значил для него гораздо больше, чем она, – старый друг и та же самая горечь, которая, как когда-то их одинаковый идеализм, подпитывала сегодня эту дружбу. Ведь ходили же они оба когда-то с гордой скорбью молчаливых пророков, неправильно рисуя в своем невидимом сочинении симптомы нечеловеческого и технически совершенного будущего, признаками которого были самолёт и футбол, а не серп и молот.

Наверно, поэтому Фридрих подчинился приказу прибыть в Москву. Он стоял в кабинете комиссара Савелли. Он располагался в так часто описываемом, можно сказать, самом страшном

здании Москвы. Светлая и холодная комната. На светло-жёлтых стенах не хватало обычных портретов Маркса и Ленина. Три просторных удобных кожаных кресла, два перед широким письменным столом, одно за ним. Его занял Савелли, окно за спиной, лицом к двери. На блестящем листе стекла на поверхности письменного стола не было ничего, кроме единственного пустого жёлтого обрывка бумаги. Стекло отражало тусклое небо, видневшееся в окне. Толстый мягкий красный ковёр отчасти приводил в изумление в этой холодной комнате, в которой Савелли жил вот уже два года.

– Садитесь, – сказал он Фридриху.

– Неужели это будет так долго?

– Мне не хотелось бы сидеть, в то время как Вы стоите.

– Мне бы не хотелось, чтобы нам обоим было удобно.

Савелли встал.

– Если Вы хотите, – начал он, – вы можете иметь компанию.

Р. завтра уезжает. Он едет в Коми, в шестидесяти пяти километрах от Соловецка. Это, как Вы знаете, милые острова 65 градусов северной широты, 36 градусов восточнее Гринвича. Берега скалистые и романтически изломанные. Мы насчитываем там 8500 романтиков. Не пренебрегайте там монастырём, который был построен в пятнадцатом веке. У него золочёные купола. Только кресты мы сняли. Это, возможно, опечалит Р..

– Р. для меня не компания, – возразил Фридрих. – Вы ошибаетесь, Савелли. В очень важное время Р. был Вашим другом, а не моим. Вы же знаете, что я хочу к Берзееву.

– Я не разбираюсь в дружбах. Р. служил так же, как Вы и я. Неожиданно все они отказались служить.

– У них есть и заслуги.

– Мы не сами пишем свою собственную историю. У меня никогда не было никакой заслуги. Я всего лишь инструмент.

– Это Вы мне уже говорили.

– Да, двадцать лет назад. Тогда был ещё рядом Ваш старый знакомый. Хотите увидеть его?

Савелли подошел к двери и что-то тихо сказал постовому. Дверь осталась полуоткрытой. Через несколько минут в её проеме показался Каптурак.

Словно прибыв сюда лишь с этой целью, он начал: «Партагенер в конце концов умер. А я, как видите, живу». Он начал расхаживать по комнате, будто хотел это доказать. Шапка на голове, руки за спиной. «Это неправда, как Вы видите, что товарищ Савелли неблагодарен. Вы помните? Я мог бы когда-то получить за него 50 тысяч рублей».

– А сколько Вы получаете здесь?

– Всевозможный опыт, опыт. Еда на железной дороге приносит немного. Иногда я сопровождаю старых знакомых в спальном вагоне. Помните, как мы однажды шли пешком? Сегодня я это уже не смогу. Посмотрите сюда! – Каптурак снял шапку и показал свою густую белоснежную шевелюру.

Он сопровождал Фридриха в Б. Фридрих больше не ездил на средней палубе, не ездил больше и в решетчатом вагоне. Каптурак был заботливым и медлительным провожатым. Савелли доказал определённое понимание немецкой однозначности тех событий, которые зависели от его произвола.

В то время как описываются эти события, Фридрих живёт вместе с Берзеевым в П. Это все-таки более крупный город. Он насчитывает около пяти тысяч жителей. Между прочим, среди них, в качестве утешения, живёт человек по имени Баранович, поляк, который в своей юности добровольно остался в Сибири. События в мире только как далёкое эхо проникают сквозь стены его дома. Он живёт с двумя большими собаками Егором и Баринном, довольный всем чудак, и с некоторых пор даёт приют красивой и тихой Але, жене своего друга Тунды. Рейнджеры и охотники на медведей заезжают к Барановичу. Один раз в год появляется еврей Горин с последними изделиями техники. Фридрих и Берзеев подружились с Барановичем. Человек, на которого можно положиться.

В зимние ночи поёт мороз. Возможно, его мелодия напоминает пленным о таинственно гудящих голосах телеграфных проводов, о технических арфах цивилизованных стран. Сумерки долгие и всё ещё занимают половину жалких дней. О чём могут разговаривать между собой друзья? Мы надеемся, что они готовят побег.

Ибо, по нашему мнению, разочарованным людям свойственно заглушать их тоску по родине и уединению и мужественно

выстоять в шумной пустоте современности. Для безнадёжных и сентиментальных бунтарей и решительных созерцателей мир приготовил ещё несколько радостей: тухлый запах воды и рыбы в извилистых переулках старых портовых городов, райский блеск зеркал в подвальчиках, нагримированных женщин и пьяных матросов, тоскливое веселье аккордеона, мирского органа народного восхищения, прекрасное бурление широких улиц и площадей, рек и озёр из асфальта, зелёные и красные сигналы вокзалов, стеклянные залы тоски; и, наконец, суровую и гордую грусть одиночек, блуждающих по краю радости, сумасбродства и боли.

Дугаржап Жапхандаев (1921 – 1999)

Дугаржап Жапхандаев¹ – поэт, писатель, журналист – родился 5 мая 1921 года в местечке Загдачей у отрогов Алхана в семье кузнеца Хайдапова Жапхандая. Ушёл из жизни 30 октября 1999 года. Ещё до войны начал пробовать себя в литературном творчестве. Лучшие его произведения вошли в сборник «Звонкие мелодии» (Улан-Удэ, 1967). В «Энциклопедии Забайкалья» о нём сказано: «Поэзии Д. Жапхандаева свойственны гражданственность, стихи воспевают человека труда, красоту родной природы. Этой теме посвящена книга «Алханай – шамбала моей души» (Чита, 1999), изданная после смерти автора в переводе Виктора Балдоржиева» книга «Между Алханаем и Ямото».

Вот что писал о нём забайкальский поэт и переводчик Борис Макаров: «Жил на земле прекрасный, мудрый человек – Дугаржап Жапхандаев. Мало говорил и много работал. Всю свою долгую жизнь писал стихи, рассказы, повести и очень редко видел их напечатанными хотя бы в периодике. Уважал людей, и люди уважали его. Не умел, не мог, не хотел одного – «выбиваться в люди». А без этого желания даже самый талантливый писатель России не мог рассчитывать увидеть свои произведения собранными в отдельную книгу...».

А вот строки из повести Д. Жапхандаева «Алханай – шамбала моей души»: «...Мне ещё неизвестно, что когда-нибудь душа

¹ ZabKrai.ru

моя вернётся обратно и обретёт покой в бескорыстном мире детей гибнущей природы и ушедшего века...».

Дугаржап Жапхандаев – участник Великой Отечественной войны, награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За боевые заслуги», благодарностью от Верховного Главнокомандующего. Он всю жизнь ратовал за развитие бурятского языка. Работал заведующим отделом газеты на родном языке «Ленинэй туг», в течение десятка лет был одним из лучших переводчиков на бурятский язык дубляжа газеты «Агинская правда». Один из первых членов Союза журналистов СССР в округе.

Зоя Баранова

Неизвестная цивилизация

От переводчика.

В этой книге вы найдёте исчезнувший мир наших предков – отголоски далёких мелодий, забытые обряды и традиции, цивилизацию бурят первой половины двадцатого века. Да, они были действительно детьми природы, они родились и ушли вместе с веком. Это был уникальный мир бескорыстия и подлинной человеческой совести, по которому будем тосковать все мы, люди, шагнувшие в третье тысячелетие. Что нас ждёт впереди? Мы уже не определяем сами свою национальную суть, оторвались от природы, обычаев и традиций, утрачиваем язык. Не зная своего, никогда не узнать чужого...

Около двадцати лет я был знаком с Дугаржапом Жапхандаевым, человеком величайшей скромности и удивительного бескорыстия. Именно в силу этих человеческих качеств при жизни он не издал ни одной книги, он органически не был способен ко лжи и лицемерию. Сегодняшнее издание книги Д. Жапхандаева не случайность, а закономерность, предопределённая свыше.

Он – автор и герой этой книги. Обычно писатели создают в своих произведениях мир литературных героев. Дугаржап Жапхандаев запечатлел в словах и подарил нам мир реальных людей, мир наших предков, Шамбалу своей души, но, читая эту книгу, каждому из нас придётся открывать свою Шамбалу, свою неизвестную цивилизацию.

Перевод с бурятского Виктора Балдоржиева

Помню...

Я родился и жил в бескорыстном мире детей природы и века.

Помню... Алханай... Мне три или четыре года, дверь юрты закрывают, но сейчас она распахнута. В юрте никого нет. Обрадованный, спрыгиваю с кровати, спешу к двери, на волю, перелезаю через порог и бегу по влажной траве. Неожиданно слышу голос мамы:

– Куда побежал! Там ручей, опасно.

Мама догоняет меня, высоко поднимает на руки и прижимает к себе. Как далеко видно с высоты! В голубом тумане купаются горы и тайга, видны юрты, коровы и овцы, недалеко кузница папы. Когда я убегая, папа тоже берёт меня на руки и несёт обратно...

В юрте мама даёт мне блестящий замок и много позванивающих ключей в связке, на которые я давно зарился.

– На, играй и сиди дома! – говорит она, потом пододвигает ко мне деревянную чашку с молоком и длинный ломтик хлеба. Ключи к замку не подходят, увлекшись игрой, я молчу. Приходит папа.

– Дома его уже не удержать, недавно он бегал в кустарниках за конём, еле нашли. Не одевать же на него снова колокольчик, – ворчит мама.

Папа молчаливо поддакивает и не спеша пьёт чай. Наигравшись, я снова заскучал. Принимаюсь за еду. Жую хлеб и берусь за чашку. Молоко бежит по подбородку и стекает на грудь. Мама подбегает ко мне и вытирает пальцем белые струйки.

– И когда ты избавишься от этого, – приговаривает она, держа за квадратный кожаный слюнявчик, накрепко пришитый к моей рубашке...

Помню... Алханай... Загдачей... Я взрослею с каждым днём. Однажды моя сестра Жалма-абгай отпросилась у мамы пойти вместе с подружкой на старое стойбище Онхошо. Я затаился в ожидании, но девочки незаметно вышли из юрты и заспешили. О,

как я умею притворяться! С рёвом и плачем, спотыкаясь и падая, я побежал за ними, пока мама не крикнула девочкам:

– Возьмите его за руку, ладно, пусть идёт с вами!

Долго мы брели, утопая в травах и цветах. Наконец добрались до Онхошо. Как здесь хорошо! Старый развалившийся балаган из бересты, огромные кучи навоза, чёрные квадраты спрессованного аргала. А какие запахи! Всюду валяются сине-белые скотские лодыжки, увесистые бабки, россыпи мелких белых камней. Лодыжки, конечно, стали быками, белые камушки – овцами, а торчащие бабки – пастухами. Девочки играют, а я смотрю, заворожённый. Как мы далеко ушли от дома! Ошеломлённый, оглядываюсь и, сорвавшись с места, начинаю носиться по старому стойбищу, поднимая вихри пыли...

Помню... Тёплая летняя ночь. Что это у самого горизонта, огромное и чёрное, подпирает мерцающее звёздами небо? Барундэр или медная гора Мадага? Любая из них опасна! Там могут быть и волки, и черти. Страшно! Папа несёт меня в темноте на закорках, крепко зажмурив глаза, прижимаюсь одним ухом к спине папы. Тепло. Земля гудит. «Ууй! Кто это догоняет нас?» – вздрагиваю я и оглядываюсь. Никого нет. Где-то далеко, чуть ли не у подножия Саган-Шулута, лает собака. Там, наверняка, бродят волки! А может быть, на чье-нибудь стойбище прокрались воры или разбойники? Слышат ли сейчас собачий лай мои друзья Жамьян-Дэби, Цыден-Еши или Жигмит-Сынгэ? В жуткой ночи медленно испаряются утробные и страшные звуки, звон медных литавр. Это лама отгонял злых духов... Мы идём в темноте мимо огромных сосен и берёз, сквозь дрему мне кажется, что я покачиваюсь на качелях в нашей стайке.

– Дугарка, просыпайся! Домой пришли, – говорит папа и быстро спускает меня, сонного, на землю. Мама, позванивая связкой ключей, открывает низенькую дверь нашей юрты. В юрте темно. Сноп лунного сияния падает из верхнего окна на низенький топчан. Ложусь в этот светлый и тёплый квадрат, засыпаю...

Просыпаюсь от трубного рокота раковины, на улице мычит корова. Выглядываю из-под мехового одеяла. В юрте тепло. Дымок из очага вьётся и поднимается к открытому своду. Почему

мама так рано выгнала корову из загона? Папы и Жалмы-абгай в юрте нет. Быстро встаю, одеваюсь. Натянул носки, сапоги, надел рубашку, ремень рядом. А вот и шапка. Теперь готов. Вперёд, на улицу! Куда бежать? К Жамьян-Дэби нельзя – у Намсараевых собака отпущена, мама всегда напоминает, чтобы я опасался. Эта собака и на взрослых кидается! Намсараевы – наши богатые и добрые соседи, Жамьян-Дэби – их сын, мой ровесник и друг.

Чашка густого чая и кусок хлеба – вот и весь мой завтрак. Арсу я ждать не буду, никуда она от меня не уйдёт. А вот сходить к дедушке и добежать до кузницы надо. Ого, сколько голубей сидит на крыше сарая Намсараевых! И никто не пугает. Наш дедушка иногда стреляет их. Почему они не садятся на нашу стайку?

Дедушка – хороший охотник. Иногда зайцы свисают с двух боков его саврасого коня. У дедушки всегда есть мясо дичи. Он и бабушка никогда не закалывают на мясо животину. А может быть, у них и вовсе нет скота...

На осеннее стойбище

Цепляясь за вершины алханайских гор, по небу плывут хмурые облака. В ограде нашего летника стоят телеги. Папа и мама грузят на них пожитки. Я давно собрал свои игрушки, путаюсь под ногами взрослых, нетерпеливо жду, когда тронутся быки. Папа не спеша и аккуратно укладывает вещи. Не торопится... Наконец-то взрослые туго затягивают крепкими гужами груз, смазывают оси колёс и начинают запрягать быков. Папа выводит первую телегу и неторопливо шагает впереди. Мне надо вскарабкаться на самую высокую телегу. О, как здесь высоко! Я смотрю на небо, на плывущую внизу порыжевшую траву, и от счастья у меня кружится голова! Мы кочуем на осеннее стойбище...

Проезжаем через каменистый ручей, мимо соседних стойбищ Шадаповых и Шулуштуновых, Бычьей изгороди. На склоне горы покоится огромный валун, возле него сиротливо растёт старый вяз. Телеги наши возле валуна кажутся маленькими. Почему-то становится страшно. На ровной площадке белеют молитвенные камни. Останавливаемся и молимся, просим у духов удачи.

Мама рассказывает, что здесь когда-то жила богатая семья бурят. Водились у них золотишко, деньги и скот. Весной на стойбище напали разбойники и убили всю семью топорами и гирями. Но ни золота, ни денег разбойники не нашли. Ошеломлённый, я смотрю на страшное место.

Лениво поскрипывают наши телеги. У следующего подножия тоже возвышаются молитвенные камни. Каждый прохожий добавляет свои и молится... Папа находит в стороне несколько белых камней и кладёт на кучу. Потом он встаёт на колени и, сложив ладони, кладёт поклоны, что-то шепчет. Наверное, просит благословения у духов.

Медленно едем по склону горы, дорога крутая и кремнистая. Показался летник Намсараевых, там тишина, они давно переехали на осеннее стойбище. На летнике Бато-нагасы, брата мамы, тоже никого.

Едем по левой стороне Загдачея, сплошь заросшей тёмным кустарником, над которым изредка белеют стволы берёз. У подножия пологой сопки мерцает белым зеркалом озеро, на берегу – сложены молитвенные камни. Снова останавливаемся. Молимся, просим удачи, разбрасываем приношения. Теперь местные духи не обидят нас.

Вокруг – тайга, проплешины полян и пастбищ. Справа – гора Мадага, ближе – сарай, юрта, стайки и изгороди Намсараевых. Недалеко от них – наше осеннее стойбище. Проезжаем мимо родника Махидун, стойбищ Доржиевых, Дамбаевых. Из трубы юрты Намсараевых вьётся дымок и, не долетев до вершины Мадаги, тает. Лениво лает собака. Наверняка, привязана. Ни одного человека не видно.

Вот мы и доехали до нашего стойбища. Какие рыжие и жёлтые краски разбросала осень по тайге и полянам! Надо посмотреть ручей. В чистой воде плывут и покачиваются зелёные водоросли, тонкая ветошь, багряные и жёлтые листья берёз. В изгороди нашего стойбища стоят стога сена. Надо бы вскарабкаться на стог и поиграть, но ворота высокой изгороди крепко привязаны. Добегаю до низенькой папиной кузницы, дверь там забита гвоздями. Что делать? Я отвык за лето от стойбища, даже от соседей Намсараевых. Надо бы сходить к ним в гости, но боюсь. Хорошо бы пойти в гости с мамой...

Весна

С каждым днём становится теплее и теплее. Солнце всё выше и ярче. И вдруг утром я услышал ликующий шум вырвавшейся на волю воды. Это побежал наш ручей. Обрадованный, я помчался туда... Жёлто-рыжая вода, похожая на чай, кружилась и пенилась, унося прошлогодние листья и комки ноздреватого снега. Я побежал поделиться радостью с Жамбьян-Дэби, но во дворе Намсараевых разгуливала отвязанная большая чёрная собака. Тогда я отправился к дедушке.

Дедушки дома не было. Бабушка, которую мы все звали Яман, что означает – коза, увидев меня, что-то вспомнила и тихо спросила:

- Дугаржап, твоя нагаса-эжи гостила у вас?
- Гостила, – ответил я.
- Ты знаешь как её зовут?
- Нет... Нагаса-эжи – и всё...
- Цыдыпова Дулма она. А я – Ерынтэева Дулма. Понял?

Бабушка смотрит на меня подслеповатыми слезящимися глазами, но она всё понимает и видит. Неужели она плачет или снова слезятся её глаза? Мне становится жаль её. «Слепая старуха!» – иногда ругается дедушка. А я, дурак, повторяю за старым дураком: «Ааттаруха!» Больше никогда, никогда не буду так делать!

Придя к нам, бабушка, маленькая и незаметная, садится у дверцы печурки, пьёт аккуратными глотками чай и неторопливо рассказывает новости... Сколько я себя помню, она всегда любила и защищала меня. Мама наругает меня, а то и побьёт. Куда я побегу? К ней, к бабушке! Она ласкает и успокаивает меня. Если дедушка дома, он сидит, водрузив на нос очки, и, раскрыв большую книгу, читает. На нас не глядит...

Смотрю на бабушку, и нежная, теплая, как весна, волна обволакивает моё сердце.

Молебны. Чудесный ливень

Дядя Намсарай что-то выбивает на плоском жёлтом камне молотком и зубилом.

– Не подходи! – предупреждает меня Жамьян-Дэби. – Осколки могут попасть в глаз. Папа выбивает слова молитвы, а инструменты ему сделал твой папа...

А Бато-нагаса снова приходит к нам с какой-то бумагой. Читает: «Цыбенков Хайдап – середняк... Хайдапов Жапхандай... налоги...» Жапхандай – мой папа, а Хайдап – дедушка.

У нас новая божница, у дедушки – старая, он не часто молится богу. Бабушка шепчет молитвы всё время. И меня учит. Бабушке и мне не до бумаг и разговоров, дяде Намсараю, наверное, – тоже...

Внезапно у Бычьей изгороди выросли три белые юрты. Говорят, что на наши лечебные источники приехал лама Жигмит-Сынгэ и устраивает всенародные чтения молитв. Бабушка взяла меня за руку и повела к этим юртам.

Видимо, в первой юрте собралось много народа, во второй – тоже, на улице был слышен громкий гул. От нагретой кошмы веет жаром. Люди говорят, что будет засуха... В третьей юрте несколько старух и пожилых женщин сидели на войлоке и монотонно читали молитвы. На красном столике из-под божницы стоит большая ваза. Мы сели и тоже начали читать. Гул усиливается, мне хочется спать, скучно. Вот как проходят молебны в юрте! А на вершинах-обо намного лучше и красивее... Скоро мы поедем на такой праздник!

В знойный день папа с мамой запрягли в телегу коня, надели лучшие тэрлики-халаты, крытые блестящей под солнцем чесучей. На мне новый тэрличок из голубой далембы. Тронулись в сторону горы Кусочи по зелёным травам и ярким цветам, мимо берёзовых рощиц, на всенародный праздничный молебен – оботахилган. У подножия горы Хара-Хада нас нагнала нарядная и весёлая кавалькада всадников на лоснящихся под солнцем конях. Зазвенели узды и стремяна. Красивая женщина в атласном синем тэрлике, не слезая с коня, разговорилась с мамой. С трудом я узнал в ней Цыренжап-абгай, мою тётю. Как сегодня изменились люди! Никто не ругается и не злится. Все довольные и весёлые, в красивых одеждах, на конях и телегах спешат к подножию горы Кусочи.

Въезжаем в лес, наш конь нещадно хлещет хвостом, над ним тучами кружат пауты и оводы. Остановились на ровном при-

горке. Папа распряг коня и привязал к берёзе. Сквозь густые листья вижу снующих туда-сюда людей и коней, запахло дымом костров. По каменистой тропинке мы вместе со всеми начали подниматься на вершину.

Наверху дует прохладный ветерок, далеко-далеко видна зелёная и голубая окрестность: горы, тайга, сверкающие извилины речушек. Люди всё поднимаются и поднимаются, привязывают к деревьям разноцветные лоскутки материй, несут хворост и подкладывают в костры по четырём сторонам обо – большой кучи камней, возжигают благовония. На длинных древках развеваются голубые полосы материй, на камнях – приношения. Ламы подвывают к шестам бубны и барабаны, блестят большие медные тарелки.

Молебен начался. Ламы громко зачастили молитвы, зазвенели литавры, забухали бубны, люди разом упали на четвереньки и стали молиться... Монотонно, как во сне, потянулось время, у меня закружилась голова. Подул порывистый ветерок, и вдруг часто-часто закапали крупные капли дождя. Я быстро забрался под зелёный мамин плащ-субу. Небо задвигалось и оглушительно треснуло, обрушился ливень. А ламы всё продолжают читать. Смотрю – весь мокрый папа гордо держит над ламой чёрный зонтик, над другими ламами тоже зонты и плащи. Бухают барабаны и бубны, звенят литавры, гулко и громко читают молитвы ламы, грохочет гром и сверкают молнии.

– Началось! – облегчённо и радостно выдохнул кто-то в толпе. – На обо-тахилгане всегда идёт дождь.

Я тоже рад и молча соглашаюсь с ним...

Но гроза прошла, снова выглянуло солнце. Ламы продолжают читать молитвы. Один за одним люди потянулись обходить обо. Я понял, что молебен заканчивается. Вскоре вокруг обо кружило множество людей, потом среди них замелькали всадники, заскрипели и затарахтели телеги. Ароматный дым потянулся к небу, мы понесли свои приношения на камни обо. Потом ламы в красно-жёлтых одеждах пошли вниз, к подножию горы, людской поток потянулся за ними и медленно влился в Бычью изгородь.

Людской муравейник зашумел, раздались крики, смех, промелькнуло несколько русских людей из окрестных деревень. На досках, расставленных в круг, разложено кусками мясо. Стали

усаживаться, мама подтолкнула меня в толпу. Началось обильное насыщение.

– Дугаржап, это тебе от меня. Держи!

Смотрю – дедушка Найдан протягивает мне кусок мяса. Я принял подношение и, как и положено по обычаю, поклонился подающему. Вокруг все угощают друг друга...

Потом разноцветная толпа ринулась смотреть состязания борцов, конные скачки... Ночью мы возвращаемся домой. Я сонно покачиваюсь в телеге, в ушах моих звенит и гудит, а перед глазами предстают яркие картины прошедшего дня.

Волки

Днём говорили, что появились волки, а ночью раздались крики и вопли людей. Мы молча прислушивались. Наши никогда и никому ничего не говорят, даже если знают, что и где случилось. Но я понял: к овцам Намсарая забрались волки. Почему никто не стреляет? У дяди Намсарая должен быть карабин. У дедушки есть берданка и кремнёвка...

Утром к нам пришла жена дяди Намсарая. Её вытянутое лицо вытянулось ещё больше. Волки задрали у них несколько овец.

– Вам хорошо, – говорила она, – вы между стоянками живёте. А они спускаются с Саган-Шулута и – прямо к нам... Придётся овец в стайку закрывать на ночь.

Но ночью волки забрались и в крепкую стайку Намсарая. У них много скота и овец. Почему волки нападают на стада и отары богатых? Почему у бандитов много ружей, а у простых людей – мало?

В юрте тепло. Я сонно выглянул из-под одеяла. Дверь открыта. Выбегаю на улицу. Тепло светит солнце, от нижней речки поднимается голубоватый туман. То ли в тайге токуют, прищелкивая, расфуфыренные тетерева, то ли чисто и чеканно журчит наш ручей... Вдруг послышался тонкий и режущий звук. Что это?

Папина кузница закрыта. Я приоткрыл дверь и тут же отшатнулся: в сумраке кузницы сидел тучный лама в красно-жёлтой одежде. Он испугался. Что он там делает? Я обошёл кузницу и прильнул к щели. Папа пилой по железу усердно отпиливал ствол карабина. Теперь карабин будет коротеньким. Вот бы

мне такую игрушку! Лама приоткрыл дверь и, высунув большую круглую голову, осторожно оглядел окрестность, и снова исчез в кузнице. Отрезок ствола со стуком упал на землю. Лама быстро сунул обрез за пазуху.

– Ламы ходят с ружьями? – через несколько дней спросил я у папы.

– Не знаю... А что случилось? – удивился он.

– Ничего... У них, кажется, бывают обрезанные карабины, – беспечно ответил я.

– Наверное, бывают, – задумчиво сказал папа. – Они же днём и ночью ходят по людям, читают молитвы и лечат. А сейчас много волков, ночью опасно ходить, встречаются и двуногие волки, у них много оружия. Не будет же лама таскать карабин за плечом...

Представив шагающего ламу с ружьём за плечом, я звонко рассмеялся. Конечно, обрез легко спрятать за пазуху, удобно положить его и под кошму в телеге. Вдруг ночью конь ламы испугается и захрапит. Вот тут-то лама и вытащит обрез, тогда волкам несдобровать. И двуногим, и всем остальным... А кусок обрезанного ствола можно было бы подарить и мне...

Разрешив загадку с волками и обрезами, я успокоился. Но как много ещё загадок! Например, мы делаем мячи из вылинявшей шерсти коров, но вчера вечером только начали скатывать шерсть с коровы Намсараевых, как с треском полыхнули мелкие синие искры. Что это такое? А жена дяди Намсарая говорит, что корова затяжелела и скоро отелится...

Музыка

Теперь я слушаю музыку. Иногда люди играют на флейте-лимбе, чаще они поют песни. На праздниках – весёлые, а на работе – грустные. Но однажды вечером я услышал удивительные звуки. Они тонко и протяжно жаловались, неожиданно радовались чему-то, плакали и смеялись. Музыка звучала совсем рядом, за стайкой. Взволнованный, я побежал туда.

Худощавый человек с острым и отрешённым лицом, в коричневом тэрлике, сидел на траве и извлекал звуки из белой коробки с длинной шеей, на которой были натянуты волосы от кон-

ской гривы. Он водил по этим волосам палочкой, похожей на маленький лук. Вокруг человека сидели люди и слушали, затаив дыхание. Когда музыкант закончил, один из людей подался вперед и спросил:

– Цырен-ахэ, сколько стоит ваша скрипка-хур?

– Давай три рубля и забирай мою скрипку. Я сделаю ещё! – рассмеялся человек.

Они встали и пошли, о чём-то договариваясь. Музыка испарилась... Я побежал к маме и рассказал обо всём.

– Аа, это Жамбалов Цырен, – рассмеялась она мечтательно, – он волшебник и делает скрипки...

В кузнице приятно пахло смолой, папа строгал доску на верстаке.

– Папа, сделайте мне маленькую скрипку! – попросил я. Папа продолжал строгать, он думал. Потом отставил рубанок в сторону и сказал:

– Скоро я начну расковыривать коней, выберу самые крепкие волосы из хвостов и грив. Будет у тебя скрипка!

Я мечтаю о скрипке, слушаю голоса людей, скрип колёс, шум ветра и дождя... Сколько в мире звуков! Они никогда не кончаются, они поют и плачут, радуются и печалются. Мир – это музыка... И вот папа вручил мне маленькую скрипку-хур в ящичке. Только почему он положил в футляр кору лиственницы с высушенной смолой? Я выбросил кору и, вытащив скрипку, стал играть. Долго я водил смычком по волосяным струнам. Но чарующие звуки стали медленно тускнеть, а потом и вовсе превратились в визг. Что случилось? Я разочаровался и забросил скрипку.

Через много дней папа сказал мне, что смычок скрипки надо смазывать смолой. И снова скрипка очаровывала меня волшебными звуками. Вот только нагаса-эжи недовольно проскрипела:

– Это от дьявола. Грех!

Что ни делаешь – всё грех. Но нагаса-эжи знает жизнь лучше меня. Душа моя опечалилась. Как жить дальше, что надо делать для того, чтобы любить музыку и быть безгрешным?

Разговор мужчин

– Позови-ка своего папу и Дамдина, – вдруг говорит мне

слабым голосом дедушка.

Поняв, что у мужчин будет серьёзный разговор, мама быстро куда-то уходит. Дедушка зовёт мужчин, своих сыновей. Он любит разговаривать с ними, а сейчас лежит похудевший, лицо у него осунулось, чёрные глаза провалились и нос заострился. Он слегка шевелит скулами. Пришли и сели около него мужчины. Дедушка глубоко вздохнул и заговорил:

– Не бойтесь смерти и чёрта. Я всю жизнь, с малых лет, охотился в тайге. Семьдесят с лишним лет! И ни разу не видел чёрта. Ни следов его, ни клочка шерсти. Я ночевал и на местах захоронений людей, бывал и в запрещённых шаманами местах, видел страшных и опасных зверей. Но чёрта не видел. Вера в бога – святое дело. Но это зависит от ума и совести человека. Берегите друг друга и своих детей, будьте дружными, не делайте зла. Доживите до старости с чистой совестью и с чистыми руками. Ничего лучше этого я не знаю. Никогда и никого не предавайте, и не обманывайте. Вот вам моя последняя заповедь...

Мужчины слушают молча. Но почему так печальны их лица? Мне страшно!

Я рассказал о разговоре бабушке Жигзыме.

– Мало ли что они могут говорить, – рассмеялась она. – Дедушка твой ещё крепок.

Но я знаю – дедушка болеет, он не встаёт с кровати. Никто мне не говорит, что это за болезнь. Теперь мне строго-настрого запрещают бегать к дедушке.

– Не мешай ему, не тревожь! – кричит на меня мама.

Однажды утром в юрте поднялась суматоха, и я понял, что дедушка умер. Что такое умер? Неужели я его больше никогда, никогда не увижу? Меня отослали к соседям. Завернув дедушку в чистую белую материю, взрослые отнесли его к подножию горы Соктуй...

Потом я зашёл в дедушкину юрту. На кровати его не было даже матраца, не пахло табаком, не видно было трубки и монгольской книги. Пусто и уныло.

Но я знаю, что дедушка отправился куда-то далеко-далеко. Он когда-нибудь вернётся обратно, и мы вдоволь наговоримся с ним... Я хочу говорить с ним как мужчина.

Современная исландская проза

Гвудрун Эва Минервудоттир (род. в 1976 г.)

Современный исландский прозаик. В 2011 году роман автора «Всё с поцелуем пробудится» был удостоен Исландской литературной премии. Рассказ «Любовь моя, я не мог найти выходную дверь» взят из сборника «Пока он смотрит на тебя, ты – дева Мария».

Перевод с исландского Натальи Ковашкиной

Любовь моя, я не могу найти выходную дверь

Однажды в мою дверь с силой постучали. Открывать я не собиралась – подумала, что это мой сосед, в который уже раз собирался высказать мне, чтобы я не кормила его кота. Он грозился, что позвонит в полицию, если его кот просунет через мой порог хотя бы один ус. Но я так и продолжала впускать кота, когда тот мяукал у меня под дверью. Если бы сосед позвонил в полицию, над ним бы там просто посмеялись. Уж это-то я знаю.

Но в дверь опять застучали – на этот раз ещё решительнее. И я открыла. На ступеньках стоял вовсе не сосед, а какой-то незнакомый человек, весь скрючившийся в тщетной попытке вдохнуть в себя воздух. С посиневшими губами – он кашлял и ловил ртом воздух, а на лице его застыла гримаса ужаса. Не медля, в одних носках, я выскочила к нему на крыльцо и изо всей силы треснула его по спине. Когда он, наконец, отдышался, я вынесла ему стакан воды. Он сделал маленький глоточек, вернул мне стакан и мило улыбнулся:

– Это ничего. Я ел сушёную рыбу и слегка поперхнулся. Мне уже лучше, спасибо.

– Не за что, – ответила я.

Он выглядел так, будто его звали Джонатан: светлые вьющиеся волосы до плеч, карие глаза и ровные белые зубы, освещавшие все вокруг, когда он улыбался.

– Я тебя искал. Ведь это ты?

Я была уверена, что была совсем не той, которую он искал, но кивнула головой – иначе бы он разочаровался и ушёл. Я знаю, что обманывать ещё хуже, чем кормить чужих котов, но, сказать по правде, меня никто никогда не навещает, а он был такой светлый и красивый, и мне хотелось поговорить с ним чуточку подольше.

– Ты так и непустишь меня внутрь? Я ведь так долго тебя искал.

– Ну, хорошо... Ты хочешь войти?

– Да, я хочу войти! Большое спасибо.

В прихожей он стряхнул с себя обувь, прямым проследовал на кухню и открыл холодильник:

– ВЕЛИКОЛЕПНО! У тебя здесь и лосось, и ЯБЛОКИ, и сливки, и какой-то сыр, такой изысканный, что я даже не мог говорить его название. И ДЖЕМ!

Он вприпрыжку носился по квартире, расположенной кругом – все комнаты были смежными и открывались одна в другую – и я всё время слышала, как он вопил:

– Да это РАЙ! Эта квартира гораздо больше моей! И откуда у тебя ВСЕ ЭТИ ЦВЕТЫ?! Ирса, дорогая моя, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

А я была на кухне, кипятила воду и, нарезаая дольками яблоки, укладывала их на сыр и на блюдо вокруг сыра. Он подошёл ко мне сзади и обнял за талию. Счастливый, прижался к моей спине. Затем зарылся лицом в мои волосы и вздохнул.

Я поставила на стол хлеб, сыр и джем.

– Ты пьёшь чай с лесной ягодой? – спросила я.

– Чай с лесной ягодой... – произнёс он со слезами на глазах и вдохнул поднимавшийся из чашки аромат: – М-м-м...

Он потянулся к хлебу и положил кусочек к себе на тарелку. Потом потянулся рукой через стол и коснулся моей шеи. Он расстегнул верхнюю пуговицу на моей блузке, потом расстегнул блузку до самого низа и, когда добрался до последней пуговицы, уже полулежал на столе. Он так дотрагивался до моих грудей, как никто никогда раньше до них не дотрагивался: неторопливо и как-то обстоятельно, будто он совершал что-то исключительно важное. Затем он сдвинул в сторону то, что было на столе, и скользнул по столешнице, чтобы лучше до меня дотянуться –

чтобы можно было положить голову мне на грудь, и чтобы можно было поцеловать мой живот и плечи.

Моя блузка соскользнула на пол. Я повела его в спальню, и в этом безрассудном свете, каким в подобные летние дни наполнены в Рейкьявике все комнаты, мы предались любви. Мы вспотели, и наша кожа стала на вкус как море. И мы сами были подобны морской волне: то легко прикасаясь, то ударяясь друг о друга, мы взмывали на колени и снова опадали на постель. Одежда сползло вниз, одежда разбросана по всей комнате и – запах морского отлива. А наши ласки – как настоящих любовников, а не как двух незнакомых людей, каковыми мы, в общем-то, были.

– Наконец-то, – повторял он. – Наконец-то, наконец-то, наконец-то!

Я ничего не говорила. А что я, собственно, должна была сказать? Я надеялась, что он пробудет здесь подольше, но ведь не обязательно высказывать вслух всё, что у тебя на уме.

Позже, когда солнце передвинулось в другую комнату, и наша дремота почти улетучилась, он поднялся с кровати и оделся. Я притворилась, что сплю – мне не хотелось разрушать это совершенно новое и хрупкое в нас. Теперь я знала, что пока ему будет угодно, мое имя будет Ирса.

Он обошёл всю квартиру кругом, а потом вернулся ко мне и присел на край кровати:

– Ирса, любовь моя! Я не мог найти выходной двери.

– Я знаю, – ответила я, – она бывает только временами, но не всегда. Иногда дверь есть, но когда её откроешь, то видно не крыльцо и улицу, и дом напротив, а море и бесконечные, насколько хватает глаз, волны. А то бывает, что прямо у ног подстерегает зияющая пастью бездна. Дверь тогда открывается прямо из отвесной скалы, и галдящее птичье полчище так и ждёт, чтобы проскользнуть внутрь. Тогда дверь лучше весь день держать закрытой.

– ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! – закричал он, однако я видела, что он поверил каждому моему слову. Мне подумалось, что если бы он действительно хотел уйти, он бы нашёл дверь.

– Тогда мне придётся остаться здесь, – сказал он.

– Да, – ответила я.

Он вздохнул, снова разделся и разулся, юркнул ко мне в кровать, подтянул с пола пыльное одеяло и укрыл им нас обоих.

– Может, это бог даёт мне урок бесстрашия, – сказал он. – Или же я задохнулся там, на улице, и попал в рай? В таком случае мне не нужно беспокоиться о жизни снаружи. Или точнее сказать: внизу.

– Тебе ни о чём не нужно беспокоиться.

– Будет странно всё время жить здесь.

– Тебе ни о чём не нужно беспокоиться, – повторила я.

– Да, это точно, – ответил он, – я чувствую, что так оно и есть. Беспокойствам здесь не место. Они бы выглядели здесь так же дико, как вороника в аду. Я думаю, что когда и если выходная дверь появится снова и когда и если я уйду отсюда, то обнаружится, что, пока я был здесь, время стояло на месте. Да, я это чувствую – время стоит на месте. Мне не нужно ни о чём беспокоиться.

Он свернулся колечком и заснул, а меня вдруг стали одолевать смутные сомнения.

На следующий день мой сосед без конца носился вокруг дома и звал своего кота. Он всё звал и звал, а потом постучался в мою дверь. Он стучал и стучал, но я не открыла.

Однако, как он, мой друг, все же любит поспать.

(Источник: Guðrún Eva Mínervudóttir. 1998. Á meðan hann horfir á þig ertu María mey, bls. 28–32. Bjartur, Reykjavík).

Тор Вильхьяулмссон (1925 – 2011)

Современный исландский прозаик, модернист, лауреат многих премий, в том числе Исландской литературной премии и Премии Северного совета. Его перу помимо прочего принадлежит четыре сборника рассказов. Рассказ «Приключения молодого человека в кровати и старика, что ходил, опираясь на две трости» взят из сборника «Тени от облаков» (1977).

Приключения молодого человека в кровати и старика, что ходил, опираясь на две трости

Молодой человек лежал в своей постели. Он был бледен от привычки спать днём. На нём был белый ночной колпак, доставшийся ему от одного из его предков. И вот молодой человек позвал:

– Слуга! Слуга!

Тогда в комнату вошёл старик. Он шёл, опираясь на две трости, и был такой старый, что еле передвигал ноги, спотыкаясь и постанывая.

– Будьте любезны прихватить с собой бумагу и карандаш, – сказал молодой человек и, чтобы привлечь внимание старика, помахал своей изящной рукой.

– Бумагу и карандаш! – повторил он погромче. Он знал, что старик стал туговат на ухо.

– Ау, – ответил старик с северо-исландским выговором своей юности.

Тогда молодой человек продиктовал ему: «В душе нашей живёт жажда к прекрасным вещам, точка.

Заглавие: Рассказ о маленькой белой мышке.

Однажды была совсем крохотная мышка. Она была белая цветом. Она была очень маленькая».

Но старик ничего не записывал, потому что ничего не слышал.

– Вы меня, может, не совсем хорошо слышите, – сказал молодой человек, когда ему это стало ясно. – У меня, собственно, голос не очень сильный, однако это можно поправить.

Он подал старику роскошную слуховую трубу, которая как раз принадлежала одному из предков молодого человека, и предок этот пользовался ею на собраниях по взысканию налогов, а так вообще был человек скорее странноватый и расположенный к чтению.

И тогда старик написал: «Она была очень маленькая. Маленькая белая мышка сидела в маленькой стеклянной клетке. Она поднялась на задние лапки и стучала по стеклу своими крохотными коготками: «Можно мне войти? – спрашивала она своим робким кабинетным голосом. – Можно мне войти?»

То есть, она думала, что она была снаружи. И не знала, что она была внутри. Она думала, что она находилась в диких природных дебрях.

В жестоком мире дикой природы».

Когда настал вечер, молодой человек поднялся со своего ложа и снял с головы белый ночной колпак, на котором был завязан элегантный бантик. «На этом мы закончим, дорогой мой», – сказал он.

Он сказал: «Дальше у нас не пойдёт. У меня нет времени на эту тоску». Он этим вечером как раз должен был идти на бал. Тогда книга, собственно, и была окончена.

Он велел старику всё собрать и имел в виду листки бумаги, разбросанные по всей комнате, как перья сражавшихся до победы петухов.

Затем он облачился в свои выходные одежды, которые старик же достал из шкафов и комодов, почистил и повесил на спинку кресла в прилегающей к спальне комнате, а брюки старик положил на кушетку, устелённую старинным мексиканским шерстяным ковром – весьма разноцветным.

Пока старик ползал там и сям по комнате, собирая мелко исписанные листы, то в этом своём ползучем путешествии не мог опираться на свои две трости, и ему пришлось передвигаться на локтях, с трудом подтаскиваясь вперёд и зажав листы между подбородком и грудью.

Этим он и был занят, когда молодой человек его окликнул. Теперь он сидел на стуле с такой высокой спинкой, что из-за неё не видно было его чёрных, отсвечивающих, словно покрытый льдом пустырь, волос. Молодой человек тогда позвал своим приятно-нежным и высоко-музыкальным голосом: «Поди-ка сюда, дружок».

Чего он хотел?

Ах, да, ему было нужно, чтобы старик продел в манжеты его рубашки запонки.

Это были исключительно изысканные запонки, доставшиеся молодому человеку по наследству от одного из его итальянских предков. Запонки были такие изысканные, что, чтобы их не попортить, молодому человеку приходилось постоянно следить за

тем, чтобы держать руки на весу. И оттого днём, возвращаясь уже засветло с балов и банкетов, он бывал очень уставшим.

Когда молодой человек отбыл на вышеупомянутый бал, старик отправился довести рукопись до цены (они же изрядно везде задолжали). Он обмотал себя своим большим грубым шарфом, перекрестив его на груди и завязав узлом на спине, и двинулся в путь, упираясь в свои две трости посиневшими руками (теперь был мороз). А был это один из типичнейших отцов страны нашей, что населяли её вот уже целое тысячелетие и были все как один, из поколения в поколение, трудяги-рыбаки и бедные нагорные крестьяне. Старик, однако, был просто старый слуга. Когда же он был молодым человеком, то, как и все другие, верно устроенные душой и телом мужчины в этой стране, ходил в море.

Теперь он был очень старый и потому так долго добирался до издателя, жившего на другом конце города.

Когда старик, наконец, туда добрался, издатель ушёл вниз, в подвал, чтобы получше раскопчегарить котёл – пока он сидел в своей гостиной и слушал Шопена, на улице порядком похолодало. Супруга спустилась к издателю в подвал и сказала ему там, в просторной, отделанной красным деревом (как и подобает важной персоне в нашей стране) бойлерной комнате:

– И что ты думаешь, ведь он опять пришёл – этот старик.

– Ай, – сказал издатель.

– И что ему сказать? – спросила супруга и покачала на носке ноги домашней туфлей.

– Скажи, что я только что ушёл, – сказал он. – Или подожди-ка, – окликнул он уходящую супругу. – Пригласи его в гостиную и предложи бедняге сигару и стаканчик хереса.

Она так и сделала.

Старик присел в гостиной, и дети принялись играть, расхаживая по дому и опираясь на две его трости. Затем затеяли игру в знаменосцев: привязали к трости розовую косынку одной из прислуг и повторяли: «Вперёд, угнетённый народ тысячи стран, ха ха ха ха!».

А старику подали такую огромную сигару, что он, собравшись закурить, чуть было не уткнулся ею в рояль.

– Нет-нет, Йоун, дорогой, – сказала издательева супруга и нашла тут выход открыть окно (тогда на дворе уже опять устано-

вилась мягкая и тёплая погода) и выставить в него сигару. Она по сути своей была женщина очень любезная, дай ей бог, и в душе своей не забыла, что родом была из бедных хуторян и что однажды приезжал туда просить её руки один человек – новоиспечённый мастеровой-токарь. Потому и побежала она на чердак, чтобы оттуда факелом, к великому счастью забытому там в праздничной суматохе прошлого нового года, подкурить старику сигару.

Недолго пришлось дожидаться, пока книга вышла из печати.

Но тогда старик уже так ослаб в ногах (и чем дальше – тем хуже), что не мог больше ходить. Тогда позвонили его родному по отцу брату, что был зажиточным хозяином на хуторе, и сказали:

– Тебе нужно забрать бедолагу, он уже такой старикашка, что никто не может больше его у себя держать.

– Ну, хорошо, – ответил брат и приехал на своем джипе.

А что прикажете делать с сигарой? Старик всё ещё с ней не покончил, хоть и курил каждый вечер по целому часу. В это время прошёл снег, и земля вся кругом была белой, как чистый лист бумаги. Брат одолжил сани и привязал их сзади к джипу, но всё равно было коротко – сигара торчала далеко сзади и тащилась за санями по снегу.

Пока они с этим бились, по городу прошли слухи, что теперь несколько связистов собираются починять оборвавшуюся прошлым летом телеграфную линию. Как раз началась страшная непогода, и для пущей надежности связисты отправлялись на двух авто. Они любезно взялись перевезти сигару на своих машинах, а так как был сильный снегопад, они заняли у какого-то женского клуба шатёр для продажи кофе и раскинули его над сигарой. Недостатка в желающих помочь теперь не было, так как дело шло к Рождеству. Погода тут опять так испортилась, что все телеграфные линии на их пути оборвались, и потому не было никакой опасности, что высокая процессия запутается в проводах (разве что невзначай заденет подошвы апостолов).

Когда они добрались до места, где в живописной долине горного склона жил брат, и въехали во двор, вечер снова стал спокойный, и луна бледно светила на плотную снежную гладь. Тени от ограды из колючей проволоки тянулись по снегу – такие

уязвимые, как скрипичные струны. Тогда выбежали дети в ночных рубашках и бросились к прибывшему из столицы старику, и расцеловали его так, что все вымокли от его бороды.

Они попросили его рассказать им сказку.

Дети были очень рады. Они были так рады, что иногда, когда старик просыпался по ночам и лежал без сна и бледный свет струился внутрь через окошко — там, где оконная перекладина чернела крестом в небесном сиянии, — он думал об этом и потихоньку от всех плакал в темноте.

А когда молодой человек, наконец, вернулся со светских собраний и балов, которые продлили, когда стало известно об издании книги, то остался ни с чем, потому что старика уже не было.

Кто же теперь застелет ему постель? А у него ещё и запонка сломалась — кто же теперь вдохнёт в него мужество? Утешит в горестях будней и будет писать для него, когда он проснётся со своими чудесными печальными идеями и будет таким уставшим и обессиленным? Кто опустится на своё старое колено и отогреет тёплым дыханием своего земного тела крыло этой певчей птицы — поэзии, если оно вдруг примёрзнет к ледяному насту непоэтической действительности?

Кто же теперь? Кто же?

(Источник: Thor Vilhjálmsson. 1977. Skuggar af skyjum, bls. 146-151. Ísafold, Reykjavík).

Николай Епишкин

«Московитские письма» Локателли

«Московитские письма» Локателли (“Lettres moscovites”) — книга редкая по произведенному ею скандалу и раздражению правящих кругов России XVIII в. Она редка и тем, что вызвала издание антидота — книги-противоядия с обстоятельными и весьма резкими опровержениями автора — итальянского графа Локателли, в прошлом полковника французской службы, написавшего её по-французски. Такого антидота удостоился, насколько нам известно, в XVIII веке ещё французский астроном аббат Шапп,

приезжавший в Россию для астрономических наблюдений в Сибири. Это раздражение проявляется и поныне, стоит хотя бы только обратиться к первой статье на эту тему Н. Блудилиной «Так называемые «Московитские письма», или достойный ответ «Клеветникам России» в восемнадцатом столетии» в «Нашем современнике»¹.

Гораздо сдержаннее, как и подобает энциклопедическому изданию, говорит наш знаменитый «Брокгауз»². «Локателли (граф Франциск) – итальянский авантюрист. Род. в 1691 г., был во фр. военной службе, в 1734 г. бежал из Парижа в Россию, в Казани явился к губернатору и объявил о своём намерении поступить на русскую службу. Заподозренный в шпионстве, он был отправлен в СПб. и затем выслан за границу. В 1736 г. он издал в Париже: “*Les lettres moscovites*”, направленные против России и русского правительства. Чтобы реабилитировать последнее в общественном мнении Европы, в 1738 г. был, по инициативе Кантемира издан немецкий перевод книги Локателли с резкими обличениями автора. Переписка Кантемира с Остерманом по этому поводу помещена в «Библиографических записках».³

В немецком переводе всего 138 страниц без нумерации и 816 нумерованных страниц, что в несколько раз превышает атакуемую книгу. В начале книги находится карикатура, на которой весьма неприглядного вида персонаж бичуется сатиром. Перевод по-русски звучит так: «Так называемые Московитские письма, или Направленные против славной русской нации и составленные некоторым прибывшим с чужбины итальянцем немыслимые клеветы и тысячекратная ложь», в которой жертва французских матримониальных притязаний и российской, по меньшей мере, глупости итальянский граф живописуется такими, например, красками и эпитетами: «Среди тех, кто по неразумию или злобе поносил другие народы или нации в самой легкомысленной, дерзкой, коварной манере, самым бесстыдным и бессовестным, каких свет не видал, следует признать сочинителя так называемых «Московитских писем» <...> Всему свету стало ясно, что это – безнравственнейший и безумнейший пасквиль, который когда-

¹ <http://dlib.eastview.com/browse/doc/6485321>

² Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. Т.1–41 а (кн. 1–82), СПб., 1890–1904. Полутом 34, с. 916.

³ «Библиографические записки», № 18, 1859, С. 548–550.

либо появлялся на свет; сам же сочинитель его оказался весь в тех нечистотах, в каких он хотел измазать других. Фактически, он сам разоблачил себя, показал, что он не кто иной, как зловредный пасквильант, архилжец и клеветник, взломщик, вор, предатель – одним словом, архивисельник».

Итак, благосклонный читатель, ты склонился над первым его, архилжеца и архивисельника, письмом.

Франциск Локателли

Московитские письма

Перевод с французского Николая Епишкина

ПИСЬМО I.

Все те, кто претендуют на чью-либо дружбу, впредь могут поступать так, как вы, если узнают о том, как вы вели себя со мною. У вас были все основания считать меня пропавшим для вас, пропавшим навсегда, что не помешало вам сделать все то, что было сделано, как только появилась возможность ежедневно обмениваться свидетельствами наших чувств друг к другу. Вот что называется хранить дружбу до гроба, так как вы должны были считать меня среди мёртвых, не имея никаких известий обо мне, и в этом был резон, мешавший мне сообщить вам о себе. Я более чем уверен во впечатлении, которое оказало на вас первое Письмо, и что вы не сомневаетесь в воздействии вашего письма на меня. Мы друг друга слишком хорошо знаем, чтобы распространяться на эту тему.

Вы мне сказали, что не могли удержаться от того, чтобы считать меня воскресшим, и вы правы. Я не мёртв, потому что *mors miseros fugit*¹, но это не означает, что меня следует считать призраком, поскольку я действительно вернулся с того света, где пробыл довольно долго, настолько другого света, что я до сих пор не знаю того, что происходит в этом.

Каждый день я узнаю новые и удивительные вещи примерно с таким же удовольствием, как глухой, к которому неожидан-

¹ Смерть избегает несчастных (лат.)

но вернулся слух. Мне кажется, что потому вам так хочется узнать подробности моего приключения, что вы ожидаете в нём что-либо исключительное и чудесное. Мне следует признаться, что и в этом вы ошибаетесь. Если бы это произошло с кем-либо другим, я сам бы с трудом этому поверил. *Triste petis munis*¹: это было бы в первый раз в вашей жизни попросить меня и получить отказ в чём-либо, если бы я отказался удовлетворить ваше любопытство.

Вот почему я не колебался ни мгновения удовлетворить его, тем более, говорят, что возобновленная дружба требует более попечения, чем та, которая никогда не прерывалась. О нашей же можно сказать с полным основанием, что она возобновлена, поскольку вернулась с другого света. Что меня особенно пугает, так эта точность подробностей, о которой вы меня просите, поскольку я довольно добросовестен с вами, чтобы ограничиться письмом. Если бы не несчастное кораблекрушение, случившееся в то время, когда мне казалось, что я нахожусь вдалеке от опасностей подобного рода, я, может быть, был в состоянии удовлетворить ваши желания.

Некоторые записи, которые я сделал совершенно особым способом, много бы послужили для моей истории, но они совершенно не читаемы, правда, у меня остался маленький Дневник, который, по необходимости, их заменит. Если бы кто другой, кроме вас, сделал подобную просьбу, у меня было бы много законных оснований извиниться за отказ: вопрос не в том, чтобы рассказать некое приключение, речь идёт о целой стране, о том, что касается её нравов и управления, изображения её такой, какой вы и многие другие её считают. С начала нашего столетия, есть, правда, больше сведений о ней, чего не было в прошлом, в ней была попытка произвести великие перемены, что вызвало много разговоров. Вы увидите, в какой степени удались эти реформы, имели ли предпринятые усилия и пролитые потоки крови ожидаемый успех.

Мне всегда говорили, что следует путешествовать, чтобы узнать нравы народов, но я на собственном тяжком опыте убедился, что о них следует знать до отъезда. Вы будете убеждаться в этой истине, узнавая о моих приключениях из моих писем.

¹ Горько просить об услуге (лат.)

Предыдущим письмом я вас известил, что по злой участи, которая вынудила покинуть страну, о которой буду сожалеть всю мою жизнь, поистине отчаявшись, я думал только о том, чтобы скрыться в таком месте, где никто меня не знает, но моя печальная участь, не нанеся мне первый удар, чтобы там остаться, заставила меня выбрать такую часть света, где она могла наверняка излить на меня свою бешеную злость, поскольку я не думаю, что есть хоть одна страна, где бы я мог подвергнуться подобным приключениям.

Вы сами об этом рассудите. Только приготовьтесь слушать, что я вам расскажу. Будет и смешное, и шутовское, которое вас позабавит, но вы найдете и моём рассказе и серьёзное, и трагическое, что вас встревожит, и вы убедитесь: я с полным основанием могу утверждать, что вернулся с того света.

Прибыв в Данциг, где прожил некоторое время, я решился скрыться от всего света и выдал себя за некоего итальянского купца Роккафорте.¹ По всей видимости, мне пришла фантазия избрать такое имя, чтобы подбодрить себя и с твердостью переносить мои злоключения. Устав от беспокойного и утомительного путешествия по земле, я решил попробовать, смогу ли оставить на ней часть моих печалей, и в начале мая 1733 года поднялся на борт небольшого корабля, отправлявшегося в Санкт-Петербург, куда я решился отправиться.

На следующий день мы отплыли из порта с довольно попутным ветром, но на другой день мы очутились там, откуда отправлялись, гораздо скорее, чем при отплытии. Мы подняли паруса, но непостоянство погоды и сильный ветер, дувший две недели, привели к тому, что нас болтало по морю и мы оказывались то у побережья Померании, то у датских, то у шведских берегов, то у Ливонии, где зрелище острова Даго нам могло дорого стоить, где малое искусство нашего кормчего чуть не стоило нам жизни. Дело начинало становиться серьёзным из-за недостатка провизии, так как обычно тратилось на плавание от Данцига до Петербурга 8-10 дней, а мы уже две недели были в море. Мы несколько раз оказывались вблизи от острова Готланд, но из-за сильной непогоды вынуждены были от него быстро удалиться. Наконец мы удачно подошли к восточному побережью, где среди

¹ Цитадель, крепость – *rocca forte* твердая скала, крепость. (итал.). (Прим. пер.).

скал нашли подходящее место, чтобы бросить якорь. Я большим удовольствием ступил на землю, и первое, что предстало моему взору, были знаки, по которым я узнал, что море отступило от этих мест. На следующий день я имел основание совершенно убедиться, что оно обнажило добрую половину лье побережья. К нашей радости, мы нашли дом, где было все для того, чтобы заправиться съестными припасами. Во время нашего пребывания на якорной стоянке, продолжавшейся три или четыре дня, я развлекался длительными прогулками по очень приятной местности побережья для проживания какого-либо несчастного. Вы будете смеяться другому замечанию, сделанному на этом острове: то, что на нём нет одного рода птиц, которые встречаются везде, по крайней мере, в Европе и в этой пройденной мною части Азии, а именно воробьёв. Если вы спросите у меня причину этого, я простодушно признаюсь в своём неведении, потому что там много других родов птиц. Я находил это одиночество так восхитительным, что охотно бы провёл на острове ещё несколько дней; но надо было отправляться и ещё две недели быть игрушкой ветров, пока мы не бросили якорь в ревельском порту.

Происшествиями, которые случались со мною на пути, судьба хотела подготовить к тому, чего мне должно было ожидать при моём прибытии, но я был не в состоянии рассуждать. Я думал только о том, как бы мне с моим отчаянием и заботами попасть в такое место, где они никому не будут видны и известны. Сделав несколько покупок в Ревеле, мы снова вышли в море, и чтобы вам больше не наскучить, скажу, что после полуторамесячного тяжёлого плавания 20 июня прибыли в Петербург. *Ergo erat in fatis Scythiam quoque visere nostris!*¹

Но прежде, чем это восклицание поведёт меня далее, мне следует торжественно заявить, что перед тем, как вам говорить о московитском народе, о котором *difficile est Satyram non scribere*², я полностью и в целом исключаю августейшую самодержицу, которая им правит, имея по отношению к ней самую глубокую почтительность. Мне известны Её восхитительные качества, и в особенности, религиозность и благочестие. Мне также известны чудесное употребление ею справедливости и милосердия, но что в

¹ Следовательно, так было суждено увидеть Скифию и нам тоже! (лат.)

² Нельзя не писать сатиру (лат.)

ней самое восхитительное, так это добросердечие, которое не всегда встретишь на троне. Она им обладает в высшей степени совершенства, так далеко, насколько ей это возможно, но всегда меньше, чем этого ей хотелось, так что во многих встречах с нею можно было приписать речь Ифигении: *Non ego crudelis, juvenes ignoscite, dixit: Sacra suo facio barbariora loco*¹.

– Варварский этот обряд горше мне варварских мест. (Овидий, «Как-то в кругу томитян..»²)

Наконец, чтобы всё сказать вкратце, от неё нечего желать более, но ей многого недостаёт, чтобы желать ей самой, так как она заслуживала бы править другими народами, которые умели знать и чувствовать благо иметь такую повелительницу, а также иметь при дворе таких подданных, которые помогали бы ей нести груз столь обширного правления.

В том, что касается знаменитой Принцессы, единственному остатку царствующего Дома, только те, которые её не видели или не слышали речи о ней, не сумели бы отличить от остальных. Качества её души и тела являют собрание всего того, что есть чудесного. И если бы я захотел вам дать отчёт обо всём, что я видел о первых и слышал о последних, мне не удастся так быстро вам угодить в том, что меня касается. Пусть вам будет достаточно знать, что всё в ней совершенство: *quâ femina nasci nulla potest*³.

Воздав *quae sunt Caesaris Caesarî*⁴, я продолжаю мой путь, я очень медленно плыву по Неве до переброшенного через неё прекрасного Понтонного моста. Я бы хотел сразу же сойти на берег, но стража, которая поднялась на судно в Кронштадте, запретила сходить и выносить, что бы то ни было. Три дня хозяину судна невозможно было от них избавиться. Итак, я вынужден оставаться на борту, что в нелестном свете представило мне торговый регламент.

Не имея возможности сойти на берег, пришлось забавляться тем, что представляли окрестные виды. Первое, что меня поразило, это был мост, связывающий две части города. На нём было мало народу, из чего я предположил, что город мало населен, и в этом не ошибся. Строения по берегам реки, симметрично распо-

¹ Я не жестока, о нет! Простите мне юноши, – молвит (лат.)

² Фрагмент элегии. Перевод Я. Голосковера. (Прим. пер.).

³ С которой ни одна рожденная женщина не может (сравниться) (лат.)

⁴ Кесарю кесарево (лат.)

ложенные, представляют довольно красивый вид, но остальное нисколько не соответствует этой части города, которая может сойти за красивую. Теперь позвольте мне выполнить ваши желания. Я уверен, что в точности требуемых вами деталей они не идут до материальных: это слишком грубая вещь для вас; я должен мягко относиться к вам, и мне есть о чём вам рассказать, не прибегая к ним, так как у меня задача отдать отчёт о неволе, продолжавшейся полных два года, в этом отчёте найдутся довольно интересные обстоятельства, заслуживающие того, чтобы не говорить о них кратко. Первым человеком, которого я узнал в Петербурге, был купец, очень порядочный человек, по фамилии Мариотти, которому я многим обязан. Он помогал мне во всём, что от него зависело, и я уверен, что он сделал бы и больше, если это было в его власти. Я посещал Католическую церковь, и у священников, служивших в ней, собиралось довольно много народа. Там я стремился ловко выведать всё, что необходимо знать, когда приезжаешь в страну, в которой собираешься устроиться жить. Я собирал сведения везде, не пропуская никакой возможности, из которой я мог извлечь какое-нибудь сведение, так что вскоре мне не составило труда понять, что эта страна мне совершенно не подходит, но я зашёл слишком далеко, чтобы отступить. Надо было увидеть, что предпринять, чтобы устроиться на службу; об этом я расспрашивал господина Мариотти, и он показал столько трудностей, что они привели меня в странное и затруднительное положение.

В то время как я был занят размышлениями о том, что предпринять, я случайно увидел человека, который мог меня знать, и со мной произошло приключение, одно из самых необычных, заставившее принять другое решение. Я решил уехать в Персию, где, как я знал, одну из высших военных должностей занимал принц Гессе-Хомбургский: я слышал, что о нём говорят в лестной для меня манере, что при знакомстве с ним он не откажет в чести его покровительства. Я поверхностно прохожу этот случай, поскольку о нём найдете точные подробности в жалобе, представленной в Кабинет Императрицы. Но нужно, чтобы я отдал здесь отчёт о самом важном доводе, который определил моё решение о путешествии в Персию и который не мог быть упомянут в этой записке, как вы об этом рассудите сами. Поскольку я

находился в постоянном движении, чтобы приобрести новых знакомых, я собирал новости, как те, о которых сообщалось в газетах, так и те, которые публиковались людьми, встречаемыми мной. Среди них был один человек, который был очень точно осведомлен о проектах, замыслах и приготовлениях Двора в Петербурге, превосходно знавший сильные и слабые стороны этой державы, производящей ныне много шума в Европе, чему не могу видеть причин. Из того, что я узнал, я увидел, что война в Польше скоро разразится, из чего я рассудил, что если я стану служить в армии, то буду, может быть, воевать с оружием в руках против Государя, которого я почитаю, и народа, который я всегда буду любить и которому обязан всем тем немногим, что знаю в военном деле. Вы знаете, что в моей душе много французского, чтобы быть убеждённым, и это несомненно, что я предпочел бы навсегда отказаться от шпаги, чем использовать её против интересов короля Станислава и против войск, сражающихся за законные права. Декларация французского короля, сделанная всем виденным мною послам, не позволяла мне сомневаться, что он хотел употребить все свои силы для такого справедливого дела, в котором затронута честь французского имени.

Оставляю вам судить, хотел ли я оказаться среди московитских войск против войск французских, только вообразить такое ужасно. Вот настоящая причина, приведшая к решению отправиться в Персию, и вы прекрасно чувствуете, что она не могла попасть в жалобу, о которой я упоминал выше. Как только я на это решился, я попросил моего друга Мариотти найти какой-либо случай туда отправиться. И чтобы не испытывать недостачи в самом необходимом и иметь деньги, я продал многое из старой одежды. Затем я подумал о паспорте, который с трудом получается и который стоит дорого, особенно в случае, когда речь идёт о выезде из страны, но так как это был не мой случай, я обошёлся четырьмя или пятью рублями, — быть обязанным платить за паспорт весьма стыдная штука! И что может сделать человек, у которого денег только-только на дорогу? Придётся не уезжать, остаться и быть рабом, что и происходит со многими. Только с большим трудом иностранец, несколько поживший среди них, получает отпуск. Как только они узнают, что человек решился на отъезд, они становятся подозрительными, недоверчивыми и рев-

нивыми до крайности. Никто из тех, кому стали ведомы их дела, не должен надеяться на выезд из страны. Они думают, что стоит опасаться, что такой человек раскроет их секреты. Признайтесь, что такое поведение явно свидетельствует о слабости правительства.

Все, что высказываю вам в этом отношении, слишком хорошо обоснованно, и я могу привести много примеров, подтверждающих эту истину. Я ограничусь только одним примером некоего Савы, который выдаёт себя за итальянца. Он оказал императрице такого рода услуги, которые не дают этой государыне возможности их признать публично. Так как его история уже стала известной, я не буду вдаваться в долгие подробности. Скажу только, что этот человек после долгой службы государству не сумел получить разрешение уехать и окончить остаток своих дней в Венеции рядом со своей супругой. Разве эта черта московской политики вас не удивляет? Что до меня, я нахожу её настолько поразительной, насколько человек, о коем речь, достоин гораздо лучшей участи. Но я возвращаюсь к тому, что касается меня.

Получив паспорт, я ждал только благоприятного случая для отъезда, и вскоре случай представился и показался мне таким, каким я мог только желать. Я ухватился за него с тем бóльшим удовольствием, что не сомневался, что он даст совершить моё путешествие с удовольствием и даже в полной безопасности. Было трудно предвидеть, что подобная встреча должна когда-нибудь стать источником тяжкой неволи и всех моих несчастий. Без сомнения вам известно, что Петр I основал Академию наук, которая существует и ныне, хотя в таком расстроенном состоянии, что главные члены, составляющие её, попросили увольнения. Возможно, что вы также слышали разговоры об одной экспедиции, предпринятой на северо-восток Азии, в страну, где москвиты уже имеют колонии, эту страну называют Камчаткой. И вот это предприятие доставило мне случай, о котором я вам рассказываю. Туда было направлено трое профессоров Академии, один астроном, один историк и один ботаник со многими сопровождающими их лицами, которые все вместе составили нечто вроде каравана. Они должны были отправиться в путь через Казанское царство, и это также была моя дорога, чтобы отправиться в Пер-

сию. Как только я узнал, что эти господа намерены отправиться в путь, я сделал всё, чтобы попасть в их компанию. Прежде всего, мне хотелось узнать к кому я должен для этого обратиться. Мне назвали господина Делилля, профессора астрономии. Он покинул Францию и приехал в Петербург при Петре Великом, попросившем о нём у короля Франции. Он брат покойного господина Делиля, знаменитого географа Его Христианнейшего Величества. Поскольку у меня будет случай вам рассказать о нём и о его супруге, я не премину дать вам знать о нём и о ней; но знайте, тем не менее, что их достоинства бесконечно выше того, что я смогу вам о них рассказать. Добросердечие, благородство, прямодушие и все другие добрые качества, делающие любезными людей, все это в них превосходно соединилось. Наконец можно сказать, что они делают честь Франции. Это такое редкое явление – сохранение стольких прекрасных качеств среди народа, их почти не имеющего.

Когда я смог увидаться с господином Делилем, чтобы обсудить с ним шаги, которые нужно было мне предпринять, он принял меня с беспримерной вежливостью и приветливостью. Он сообщил мне, что не едет в камчатскую экспедицию, но его брат господин де ла Круайер будет счастлив иметь меня в качестве спутника. Я впоследствии поговорил о моём деле с господином де ла Круайером и двумя другими профессорами, которые, нисколько не противясь, дали мне своё согласие. Через несколько дней г. де ла Круайер пригласил меня к себе, чтобы отправиться на следующий день, но поскольку некоторые распоряжения по экспедиции не были выполнены, пришлось ещё долго ждать. Во время этого промежутка времени господин и госпожа Делиль непременно хотели иметь меня среди своих гостей и ко мне относились как одному из своих лучших друзей. Пребывание у Делилей доставило мне знакомство с господином Дювернуа, весьма знающим профессором анатомии и превосходным человеком. Я ему весьма признателен за оказанные мне услуги; и поскольку он принимал участие в моей истории, я не посчитал возможным не рассказать вам о нём. Поскольку все разговоры в доме Делилей крутились вокруг камчатской экспедиции, у меня самого возникло желание принять в ней участие; в этом поступке проявилась моя решимость остаться неизвестным. Я открылся Делилю в сво-

ем намерении, которое обсуждалось несколько дней, но, по зрелом рассмотрении вопроса, видя, что в нём не было ни порядка, ни способов осуществления, я перестал о нём думать. И действительно, экспедиция была так плохо подготовлена, что когда пришёл день отъезда, понадобилось его отложить на полмесяца, чтобы урегулировать некоторые вопросы, о которых нужно было подумать гораздо раньше. Таков обычай в стране, ничто в ней не делается *сегодня*, все переносится на *завтра*, и я слишком часто переживал это на своём печальном опыте, все эти *сегодня* и *завтра* продолжались целыми месяцами.

Наконец после многих переносов по самым смешным поводам был решён вопрос о необходимости отправления, но из-за некоторых сомнений двоих из этих господ, я выехал раньше с одним слугой, которого мне любезно предоставил господин де ла Круайер. Мы условились о месте, где мы все должны встретиться, чтобы затем отправиться в путешествие вместе. Перед моим отъездом г. Делиль с супругой, не до конца удовлетворенные любезным приемом, сделанным моей персоне, нагроулили таким количеством провизии, что её хватило бы до самой Персии, если бы мне было позволено туда отправиться, как я это планировал.

15 августа по старому стилю был день моего отъезда. Я погрузился на судёнышко, сделанное по местному образцу, и поплыл вверх по Неве до знаменитого Ладожского канала. Этот канал проходит по сильно болотистой и протяженной местности, но я сильно сомневаюсь, что выгоды, получаемые от канала, соответствуют огромным суммам, затраченным на него. Впрочем, было сделано так, что понадобилось невероятное количество работников, погибших при его проведении. Я нисколько не сомневаюсь, что они продолжают мало-помалу погибать, поскольку почти невозможно поддерживать канал в действии без значительного ремонта, и что, с другой стороны, москвиты недостаточно трудолюбивы, чтобы долго и тяжело работать.

Из этого Ладожского канала мы поплыли по реке Волхове, где бывает удивительно сильно течение, которое очень трудно преодолеть.

Огромные усилия его преодолеть привели к тому, что разорвало канат моей барки, но, к счастью, это произошло в месте, где опасность была невелика, и мы отделались тем, что нас отне-

сло немного назад. Однако из-за боязни часто подвергаться подобным опасностям, я сходил на берег в самых опасных местах.

Эти ладожские пороги или водопады препятствуют получению от канала всех тех благ, на которые был расчёт. Главной целью постройки канала было улучшение коммуникации между Волгой и Балтийским морем, и, можно сказать, в этом отношении с задачей справились, поскольку по этой реке можно легко и удобно доплыть до Каспийского моря. Канал широко используется для всего, что перевозится из Москвы в Петербург. Что же касается товаров, перевозимых из Петербурга вглубь страны, этот проект кажется мне трудно осуществимым. И в самом деле, как можно преодолеть сильное встречное течение тяжело нагруженным баркам? И каким только рискам могут они подвергнуться на этом пути? Предположив даже, что это будет возможно, много ли найдется купцов, готовых пойти на подобные затраты?

Преодолев течение, я продолжал своё плавание по густонаселенной и хорошо обработанной местности. Я проплыл через Великий Новгород, откуда попал в Ильменское озеро, из него мы поплыли по реке Мсте, откуда мне нужно было поплыть вверх по течению до Бронитц, где была назначена встреча с моим другом де ла Круайером. Мы были очень рады встрече, и после нескольких дней путешествия по суше мы поплыли по Тверце, маленькой речке, которая впадает в Волгу в Твери. Там мы были вынуждены пробыть десяток дней, в этот срок люди занимались экипировкой большой баржи, предназначенной для перевозки всей экспедиции. Признаюсь, что это время смертельно скучал, и я не мог понять, как для такого важного предприятия были так плохо согласованы все действия. И вот таким образом, как я уже отмечал, все совершается в Московии: всё в ней совершается с леденящей душу медленностью, если что и удаётся, так это дело чистого случая.

Когда все необходимые приготовления для нашего отправления были сделаны, господин де ла Круайер изволил принять меня в той же комнате, которая была приготовлена для него. Я не скажу ничего о том, что я заметил, ни о том, что происходило за время моего путешествия из Петербурга в Казань. Я написал об этом небольшой дневник, но было сочтено лишним для меня его вместе с несколькими другими моими бумагами. Это небольшое по-

хищение показывает характер москвитов: они опасаются, что я использую этот дневник не в их пользу. Возможно, что они не ошибаются, но истинно то, что недоверие – один из пороков этого народа. Я думаю, что обещал вам поговорить о Камчатке и экспедиции туда: время сдержать моё обещание и остановиться на этой теме.

Установлено, что северо-восток Азии сильно отличается от того, что о нём долго думали. Раньше предполагали, что он ограничен Ледяным мысом. Однако было обнаружено, что на оконечности сего мыса находится большой континент, протянувшийся с севера на юг более чем на двадцать градусов, и имеет вид полуострова. Этот полуостров только на севере присоединяется к остальной земле. На его западной стороне находится залив, отделяющий его от Сибири, а восточная сторона прилежит к Японскому морю, к югу он граничит с очень узким проливом, усыпанным мелкими островами. Этим открытием мы обязаны народам, обитающим в самой северной части Сибири. Некоторые предполагают, что это открытие было сделано с моря, другие – что открытие было сделано после глубокого проникновения вглубь страны, я не могу высказаться определённо на эту тему. Но, как бы то ни было, в этом отношении, несомненно, что эта страна населена многими народами и что в ней находится немало москвитских поселений. Петр Великий послал туда одного флотского офицера, Беринга, датчанина по происхождению. Он предпринял путешествие по суше, пересек Сибирь, дошёл до этих мест и вернулся. Трудно установить точно, какие открытия были сделаны этим капитаном. Тем не менее, предполагается, что все шаги, предпринятые с этого времени, были согласованы на основании его доклада. И именно этот самый офицер предпринял, по указу императрицы, второе путешествие, что и определило направление всего этого предприятия. Он отправился раньше нас несколькими месяцами, в сопровождении большого числа людей, в особенности моряков и рабочих, которых предполагалось использовать на постройке кораблей. Господа профессора надеялись добраться до Тобольска, столицы Сибири, с остальным караваном.

У экспедиции предполагалось несколько целей. Первая – установление торговли с японцами, вторая – усиление работы на очень богатых рудниках в разведанной части территории и третья

— попытки открытия земель в сторону Америки, которая, возможно, не так удалена от тех мест, поскольку ещё неизвестно, где находятся северные границы Калифорнии. Предполагалось даже, что капитан Беринг уже заметил кое-какие земли с этой стороны. Надо признаться, что проекты эти великолепны, и, если удадутся, можно непременно извлечь из них большие выгоды. Но я сильно боюсь, что российский двор обманется в своих ожиданиях, и мне очень жалко моего друга астронома, так легко связавшего себя с этим предприятием. До настоящего времени было сделано столько неверных шагов, что, по всей видимости, оно никогда не закончится успешно. Большинство людей, занятых в этом деле, — люди без опыта и способностей, среди них не замечено ни порядки, ни дисциплины. Тем не менее, такой проект, в случае удачного исполнения, привлечёт внимание всей Европы, преисполнит славу самодержицы, в царствование которой он был задуман.

Элеонора Панкратова

Россыпи мудрости от Марион Коксвик
(современные норвежские афоризмы)

Жизнь современного человека переполнена рекламными стереотипами, шаблонами, клише, стандартными выражениями, девизами, всевозможными слоганами. Не так уж давно в мозгу свербило: «Учение Маркса всесильно потому, что оно — верно», «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым», «Спасибо партии за продовольственную программу», — и совсем косноязычное и странное: «Жители Перовского района, умножайте честь вашего района».

На это тоже была готовая реакция: «Маразм крепчал» или «Пришла весна, настало лето, спасибо партии за это» и прочее.

Теперь новые времена. «Ваша киска купила бы Вискас», — сказала мне как-то соседка по даче, местная деревенская старушка, и спросила: «А ето чего?» Плакаты в метро: Женщина монголоидной внешности с тремя младенцами «Стране нужны ваши рекорды». На телевизионном экране: «Бальзам Б. избавит от всех болезней», а также «Дезодорант Р. подарит Вам невероятную

уверенность в себе». Современное сознание переполнено и засорено всевозможными «истинами», цитатами и псевдоцитатами. А как же с подлинной мудростью? Неужели она утрачена? Обращаемся ли мы к библейским истинам? Например, о сучке в глазу другого и о бревне в собственном глазу, которое мы не замечаем, вспоминаем ли мы о том, что «много званых да мало избранных», о том, что кто не судит других, тот и сам «не судим будет»?

Или хотя бы обращаемся к народным пословицам «Семь раз отмерь – один раз отрежь», «Гусь свинье не товарищ», «Дарёному коню в зубы не смотрят»? В свое время меня поразила очень древняя, античная поговорка «Не уместится дельфин в умывальном тазу» – о несоразмерности каких-то жизненных явлений.

Существует давняя традиция собирания мудрых мыслей. История духовной жизни человечества знает много собраний поучений, назиданий, афоризмов, созданных уже индивидуумами. Это «Опыты» М. Монтеня, «Афоризмы житейской мудрости» А. Шопенгауэра и «Избранные афоризмы и мысли» Ф. Ницше. Не будем говорить об уровне Конфуция, вспомним хотя бы Козьму Пруткова.

Впрочем, кое-кто из современников и сейчас находится в поисках мудрости или своего творческого самовыражения. В Москве уже несколько десятилетий в ЦДРИ существует клуб афористики.

Творчество излечивает собственную душу и питает надежду найти родственную, даёт возможность получить какого-то собеседника, живого или хотя бы воображаемого, каким и является читатель.

К таким неутомимым и неутомонным творческим личностям принадлежит и норвежская писательница Марион Коксвик, психолог по образованию, автор трёх прозаических книг и семи сборников стихов. Её перу принадлежит и целая серия сборников афоризмов 2004 – 2012 гг. Афоризмы Марион представляют собой и «серьёзные» сентенции, крупницы житейской мудрости, парадоксы, неожиданные сравнения, каламбуры и т. п.

Ни дня без строчки. Ни дня без афоризма. А может быть, без двух или трёх, или четырёх, ведь в году 365 дней, а афориз-

мов в каждой книжке Марион – по полторы тысячи. Писать афоризмы – это своего рода вызов, вызов нашему времени. Некоторые из них звучат почти как приговор современной жизни:

Усовершенствование оружия – это отнюдь не путь к миру.

Офис может стать застенком.

Выключи телевизор: живи своей собственной жизнью.

Взгляни на прохожих: из нашего общества выпало целое поколение мужчин!

В наше время синтетической бывает даже чума.

Эти афоризмы затрагивают общезначимое, общечеловеческое, но есть и чисто норвежское, связанное с природой, которая по-прежнему в этой стране доминирует над человеком и его деятельностью. Братья наши меньшие действительно родня и ровня для Марион, их надо уважать, и у них следует учиться:

В понятии «медвежья услуга» просматривается дискриминация медведей.

Косяк сельди напоминает поток мыслей.

Трели жаворонка – как вышивка по воздуху.

Встретиться взглядом с рыбой через лёд, это всё равно, что обменяться холодными взглядами.

И ещё один поразивший или, можно сказать, сразивший меня афоризм, из предпоследнего сборника:

Стань первым Сизифом, вкатившим камень на место!

Вряд ли кто-то из нас сможет это сделать, но всё же лучше жить с надеждой, что это возможно. Ведь какие-то камни мы всё же сдвигаем. И в своей душе. «Как камень с души», – говорим мы по-русски. Или в общественной жизни. Поэтому поспорим с Камню о том, что Сизиф был счастлив, катя свой камень, или с Ницше, с его «amor fati». Пока не исчезла наша цивилизация, будем все же верить в свои усилия. И на это нас вдохновляет Марион Коксвик.

Надо идти по жизни гордо, с чувством собственного достоинства, не позволяя другим засорять собственное сознание и манипулировать им. Афоризмы Марион Коксвик, собранные нами из шести её сборников¹ – это россыпи и переливы, где всё смешалось: трагизм и серьёзность, юмор и ирония, а строгая упорядоченность – враг живой жизни, поэтому – никаких строгих рубрик в нашей книге.

Задумайтесь о сегодняшнем времени, о жизни вообще, вместе с Марион Коксвик или, может быть, сами придумайте себе афоризмы.

**Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой
и Ольги Маркеловой**

«Афоризм – всегда единственное дитя», 2004

У нашего времени нет времени на слёзы.

Офис может стать застенком.

Телевидение руководит процессом всеобщей деградации.

В наше время ожирение считают более серьёзной проблемой, нежели голод.

Сегодня дурной вкус – самая востребованная вещь.

«Голос народа», увы, исходит не от самого народа.

Чем меньше знаний, тем больше уверенности.

Искусство создавать проблему из того, что не является проблемой.

Реорганизация – это потуги глупости набраться ума.

Стих – это вечность, сжатая до мгновенья.

Многие знают об Ибсене больше, чем он сам о себе.

Афоризм – всегда единственное дитя.

Лучший способ исцелиться – забыть, что ты болен.

¹ «И тролль бывает симпатягой и акула порой улыбается». Москва, 2009. «Материнская любовь как крона дерева над нашим детством». Афоризмы и афористические письма. Осло, 2012.

Лгать утомительно – нужна хорошая память.

Зависть – это ненависть к упущенным возможностям.

Сны – это роскошь, которая ничего не стоит.

«Одно мгновение способно изменить целый мир», 2005

Ограбление в наше время – это вид общественной деятельности.

Бюрократическая закономерность: на то, чтобы свалить дело на других, уходит столько времени, сколько хватило бы на его решение.

Зачем нам право голоса, когда голосовать не за кого?

Современная наука ставит вопросы – и на этом все и заканчивается.

Самое скучное занятие – целенаправленное развлечение.

Перестань недооценивать себя: другие справятся с этим гораздо лучше.

Если лучи солнца не проникают к тебе – сам вылезь на свет.

Иные несчастные становятся счастливыми только тогда, когда сделают несчастными других.

В обществе посредственностей у гения нет никаких шансов.

Иные пытаются решить свои проблемы, заведя себе ребёнка.

Оказывается, наличие общего врага – хорошая причина стать друзьями.

«Полевые цветы – дочери свободы», 2006

Современное общество – рай для преступников.

Целью жизни современного адвоката является не допустить, чтобы преступник сел в тюрьму.

Капиталистический манифест: акулы всех мастей, объе-

диняйтесь!

Переживший поражение – непобедим.

Для многих работа – спасение.

Ничто так не изматывает, как отдых.

Удар судьбы может и взбодрить.

При нехватке новых тревог, мы воскрешаем старые.

Всегда ли охотник за ведьмой лучше самой ведьмы?

Оказывается, бывает соперничество и в том, кто сильнее болен.

«И печаль, и радость – как два крыла бабочки бытия, 2007»

Порой комплекс неполноценности доводит до мании величия.

Мы живем в переходный период: глупость переходит все новые и новые рубежи.

Платит всегда бедный.

Некоторые супружества похожи на путь к запланированному разводу.

Не надейся, что мир заметит тебя, если ты будешь жить незаметно.

Кое у кого родная семья, что осиное гнездо.

«Солнце – вот наш лучший учитель», 2008

В наш век новость умудряются сделать даже из отсутствия новостей.

Для иных учёных и гибель мира – это «любопытный факт».

Иные научные работники во всем берут пример с ксерокса.

Чтобы скрыть радость, требуются нечеловеческие усилия.

Фраза «В этом что-то есть» показывает, что на самом деле там ничего нет.

Кое-кто вместо того, чтобы решить проблему, все заост-

ряет и заостряет ее.

Некоторые способны запомнить даже то, что ты не говорил.

Куда им рассуждать о вопросах пола, они ещё с потолком-то не разобрались!

И воздушный замок может взлететь на воздух.

***«Материнская любовь как крона дерева над нашим
детством», 2012***

Старики – это те же дети, только в ещё большей степени.

Как правило, люди маленького роста любят большие слова.

Совет обжоре: ешь только то, что не нравится.

Все психиатрические теории похожи одна на другую, а вот критерии здоровья у всех разные.

Кое-кто боится старости больше атомной бомбы.

Ожидание счастья может быть лучше самого счастья.

Если ты косишь под психически больного, может быть, ты и вправду нездоров?

Каждый из нас – модель вселенной, как матрёшка.

Когда я вижу круизный лайнер с пассажирами на борту, то на ум приходит мысль, что передо мной проплывает целая вселенная – олицетворение всех человеческих проблем.

Может быть, Кафка – это карикатура на Достоевского?

Человек, не способный на толерантность, – не человек.

Без «Моби Дика» Мелвилла не было бы «Старика и Моря» Хемингуэя.

Дебют

Мария Шадрина

Мария Шадрина – студентка четвёртого курса факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Изучает китайский и английский языки. Литературой и особенно поэзией увлекается с детства. Пишет стихи. Её работы издавались в сборниках «Поэт года 2011» и «Поэт года. Дебют», 2013). Занимается поэтическим переводом с русского, английского и китайского языков. Принимала участие во II Воронежском конкурсе переводчиков, заняла 2 место в номинации «Перевод поэтического текста с английского языка на русский». Участвовала в XVIII региональном и XIX межрегиональном конкурсах молодых поэтов-переводчиков, награждена дипломами за лучшие переводы с английского, русского и китайского языков.

Забайкальская поэзия. Геннадий Головатый

Перевод с русского на английский

Диалектика

Хочу, чтоб мир – был радостями полон
и общей целью был объединён.

Но: две зари, два полюса, два пола –
противоречия для всех времён.

Есть жизнь и смерть. Нет счастья без печали.

Есть вещество и антивещество...

И так во всём – две стороны медали
иль две руки... объять одного.

Dialectics

I want this world to be contented, joyous,
To be united for a common goal.
But there are day and night, two poles, two sexes –
This contradiction is spread over all.

There's life and death, there's matter, antimatter...
And happiness without grief is none.
It's everywhere – there are two sides of medal,
There are two hands – but the embrace of one.

Сила¹

Слепые не могут смотреть гневно.
Немые не могут кричать яростно.
Безрукие не могут держать оружие.
Безногие не могут идти вперёд.
Но – немые могут смотреть гневно.
Но – слепые могут кричать яростно.
Но – безногие могут держать оружие.
Но – безрукие могут идти вперёд.

Power

The blind cannot look wrathfully.
The dumb cannot cry fiercely.
The armless cannot hold weapons.
The legless cannot go forward.
But – the dumb can look wrathfully.
But – the blind can cry fiercely.
But – the legless can hold weapons.
But – the armless can go forward.

¹ В 1963 г. стихотворение удостоено первой премии на Всесоюзном поэтическом конкурсе «Комсомольской правды» (прим. ред.)

Когда рождается солнце

Когда рождается солнце,
 поют птицы.
Когда поют птицы,
 сияет небо.
Когда сияет небо,
 светлеют лица.
Когда лучатся лица,
 нет места гневу.

Где нет места гневу,
 цветёт нежность.
Где нежность цветёт,
 поёт сердце.
Где сердце поёт,
 там счастье.
А где счастье,
 там бессмертье.

When the Sun Is Coming

When the Sun is coming –
 Then birds are piping.
When birds are piping –
 The sky is shining.
When the sky is shining –
 The eyes are sparkling.
When the eyes are sparkling –
 There is no ire.

Where there's no ire,
 Caress is blowing.
And where it's blowing,
 The heart is chanting.
Where it is chanting,
 There is gladness,

And where there's gladness,
Life is eternal.

Перевод с английского

Emily Dickinson

Adrift! A little boat adrift!
And night is coming down!
Will no one guide a little boat
Unto the nearest town?

So Sailors say – on yesterday –
Just as the dusk was brown
One little boat gave up its strife
And gurgled down and down.

So angels say – on yesterday –
Just as the dawn was red
One little boat – o'erspent with gales –
Retrimmed its masts – redecked its sails –
And shot – exultant on!

Дрейфует лодочка вдали.
Темнеет небосклон.
Как ей, одной, достичь земли,
Пройти сквозь стены волн?

И скажут моряки – в тот час,
Когда спускалась мгла,
Лодчонка выплыть не смогла,
Ко дну, ко дну пошла.

Но скажут ангелы – в тот час,
Когда заря цвела, –
Та лодка бурям не сдалась,

И вдруг из пены поднялась,
И – победить смогла!

Fiona MacLeod

The Vision

IN a fair place
Of whin and grass,
I heard feet pass
Where no one was.

I saw a face
Bloom like a flower –
Nay, as the rainbow-shower
Of a tempestuous hour.

It was not man, or woman:
It was not human:
But, beautiful and wild,
Terribly undefiled,
I knew an unborn child.

Видение

Я гуляла в тиши
Средь высоких дубрав,
Средь камней и средь трав,
Шаг его услышав.

Оглянулась... тот лик,
Как бутон нежных роз,
Ярче радужных грёз
После бури и гроз.

Не она и не он...
Кто явился в мой сон?
С неземной красотой,

Поразив чистотой,
То явилось дитя, не рождённое мной.

Oscar Wilde

Requiescat

Tread lightly, she is near
Under the snow,
Speak gently, she can hear
The daisies grow.

All her bright golden hair
Tarnished with rust,
She that was young and fair
Fallen to dust.

Lily-like, white as snow,
She hardly knew
She was a woman, so
Sweetly she grew.

Coffin-board, heavy stone,
Lie on her breast;
I vex my heart alone,
She is at rest.

Peace, peace; she cannot hear
Lyre or sonnet;
All my life's buried here,
Heap earth upon it.

Ступай полегче, она под снегом,
И с ней мечты.
Шепчи потише, ведь слышно ей,
Как растут цветы.

Ржавчина уж коснулась
Златых волос.
То, что цвело, уснуло,
В пыль облеклось...

Словно лилия, белоснежна,
И знала едва,
Что была она женщина.
Теперь же – мертва.

Гранит и доска гробовая
Сдавили ей грудь...
Тоска моя неземная
Не даст продохнуть.

Потише... уже не услышит она
Ни лир, ни стиха...
Потише, потише... здесь погребена
Под землей моя жизнь и душа.

Перевод с китайского

Лю Чжэнь

Беспечен в небесном просторе полёт воробья.
Под крышей соломенной сможет приют он найти,
Завтрак из зернышек пары отыщет в полях,
Из лужицы мелкой сумеет напиться в пути.
Так воробьи, словно выходцы из Пэнлая¹,
Всю землю легко облетают, от края до края.
Так воробьи, словно выходцы из Пэнлая,
Всю землю легко облетают, от края до края.

¹ Пэнлай – в китайской мифологии остров бессмертных. (Прим. пер.).

Линь Хуэйинь

Желание

Я хотела бы стать пожелтевшей листвой
И под ветром-дождём вниз с дерев опадать,
Или облаком взмыть к голубым небесам
И с Землею далёкою связь разорвать.

Только сердце сдавила уж горя печать,
Неотступная грусть охватила его;
И, как только стемнеет, неслышно придёт
Пустота... и не будет уже ничего.

И забудется мир, тот, в котором жила,
И забудешься ты, тот, кто был так любим;
Как опали цветы, так прошло без следа
Всё то чувство, и слезы, что связаны с ним.

То, что было, своих не оставит следов
В этом дивном сиянье, в дыханье ветров,
И, должно быть, ты тоже забудешь тогда,
Что я раньше на свете когда-то была.

Сюй Чжимо

Жизнь

Змеей ядовитою мрак, извиваясь, ползёт.
Душа под ударами жизни с пути сорвалась.
Погрызший в болоте лишь можешь тянуться вперёд,
Руками хвататься за скользкую, липкую грязь.

В нечистом, отравленном сердце стихает борьба,
Последнего лучика света уже не видать.
Под гнётом отчаянья, ужаса, эта душа
Что, кроме исчезновения, может желать?

Анастасия Скопина

Постколониальная критика: Франц Фэнон, Эдвард Саид

Значение сложного явления «постколониализм» берёт своё¹ начало в истории империализма (от латинского *imperium* – власть, могущество, империя). Под империализмом понимается стратегия, согласно которой государство стремится распространить контроль над другими государствами. Такой контроль может осуществляться не только на военном, но также на культурном и экономическом уровнях, путем установления правил торговых отношений и навязывания политических идеалов, культурных ценностей и языка господствующей страны¹.

Термин «империализм» восходит ко второй половине XIX века (П. Клейтон, Дж. Гобсон), однако империалистическая практика уходит своими корнями в глубокую древность: как западный, так и восточный миры владели рядом огромных империй, среди которых выделяются Китайская, Шумерская, Вавилонская, Египетская, Ассирийская, Персидская империи; Греческая империя, которая достигла своего расцвета в период правления Александра Македонского; Римская империя, Византийская империя и другие.

В Новое время можно выделить несколько основных периодов империализма: во-первых, с 1492 года до середины XVIII века происходит основание голландских, португальских, английских, испанских, французских колоний в Южной Америке, в Восточной Индии, Индии; во-вторых, середина XIX века – начало XX века отмечены борьбой за установление империалистического господства между Великобританией, Францией, Германией, Италией и др. В результате борьбы более, чем одна пятая земли (Индия, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка, Бирма, Судан), стала принадлежать Британской империи. Следующей по величине колониальной державой стала Франция, которой отошли Алжир, Западная Африка, Экваториальная

¹ Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., Политиздат, 1981. 445 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/enc/item/f00/s04/a000401.shtml> (дата обращения 15. 03. 2013).

Африка, Индокитай. В 1855 Бельгия основала бельгийское Конго, в самом центре Африки, ужасы колонизации которого легли в основу повести английского писателя Джозефа Конрада «Сердце тьмы» (1899). Завершающим этапом империалистической борьбы стали Вторая мировая война и «холодная война» между Америкой и Советским Союзом¹.

После окончания второй мировой войны в 1945 году произошёл широкомасштабный процесс деколонизации территорий, захваченных империалистическими государствами (Великобритания, Нидерланды, Франция, Бельгия), началом которого стало установление независимости Индии в 1947 году. Процесс деколонизации дал толчок развитию постколониальной литературы и критики Африки, Азии, Латинской Америки (так называемых «стран третьего мира»), долгое время находившихся в тени. В 1950 году были опубликованы основополагающие работы постколониальной литературной критики: «*Discourse sur le colonialisme*» Эми Цезаре и «Чёрная кожа, белые маски» Франца Фэннона. В 1958 году выходит роман Чинуа Ачебе «И пришло разрушение», в 1960 году издаётся работа Джорджа Ламминга «Удовольствия изгнания», а годом позже – книга Франца Фэннона «Изгой земли».

По мнению Роберта Юнга, основополагающие моменты постколониальной теории нашли своё отражение в журнале «Триконтиненталь», 1966 («*Tricontinental*»), в котором излагались основные идеи против империализма [8]. В 1978 году появились работы Эдварда Саида «Ориентализм», чуть позже – Била Эшкрофта «*The Empire Writes Back*» (1989), Гаррет Гриффитс, Хелен Тиффен и Гаятри Спивака «Постколониальная критика» (1990).

Роберт Юнг рассматривает постколониализм как дальнейший источник вдохновения в борьбе против колониализма (антиколониализм). Антиколониализм, также как и постколониализм, характеризуется такими чертами, как «диаспора, транснациональная миграция и интернационализм»².

Эшкрофт, Гриффитс и Тиффен используют термин «постколониализм» в широком смысле, «чтобы охватить все культуры, пострадавшие от политики империализма, начиная с момента колонизации до наших дней»³

Постколониальная критика ставит перед собой ряд задач: во-первых, пересмотреть всю историю колониализма с точки зрения ко-

¹ Колониальная система европейских держав. [Электронный ресурс]. URL: <http://3ys.ru/novaya-istoriya/kolonialnaya-sistema-evropejskikh-derzhav.html> (дата обращения 15. 03. 2013)

² Robert Young. Colonialism and the Politics of Postcolonial Critique // Postcolonialism: An Historical Introduction. Oxford: Blackwell, 2001.

³ Там же, р. 2.

лонизированных народов; во-вторых, определить экономическое, политическое и культурное влияния колониализма на колонизируемых; в-третьих, проанализировать процесс деколонизации и, кроме того, переосмыслить политическую и культурную идентичность представителей колонизируемых стран¹. Одной из наиболее важных задач становится развитие или возвращение к коренной литературной традиции с целью искоренения влияний империализма. Эти фундаментальные задачи, основанные на марксистской критике империализма и колониализма, положены в основу работ Франца Фэнона и Гаятри Спивака.

В рамках постколониального дискурса рассматриваются проблемы гендера, расы, этнической и классовой принадлежности, что обуславливает чёткую дифференциацию западной цивилизации и стран «третьего мира». Такая жесткая оппозиция игнорирует факт, что классовые различия и гендерная дискриминация присущи не только обществу колонизированных стран, но всему обществу в целом. Следовательно, как замечает Роберт Юнг, постколониальный дискурс охватывает широкий спектр проблем, связанных с различными национальными и классовыми меньшинствами – афро-американцами, чикано, коренными американцами, гомосексуалистами и др. – и их художественными произведениями.

Поэтому одним из проектов постколониальной литературной критики является переоценка литературного канона и мультикультурной литературы, которая начинает активно развиваться с шестидесятых годов двадцатого века. Рост мультикультурной литературы (особенно в США) связан с новым «постмодернистским» поколением активистов шестидесятых годов, которые начали борьбу против угнетения чернокожих и империалистической эксплуатации стран «третьего мира», что нашло отражение в художественных произведениях. Можно сказать, что литература мультикультурализма стала реакцией против западного мейнстрима, подчинённого такому литературному канону, в котором голоса меньшинств, женщин, рабочего класса и других были подавлены.

Мультикультурная литература была подвергнута критике консервативной частью американского академического сообщества, в число которых входили философ Алан Блум и историк Артур Шлезингер, которые полагали, что, во-первых, непримиримые голоса мультикультурализма угрожают целостности и единству американского общества, американской национальной идентичности; во-

¹ Bill Ashcroft, Gareth Griffiths, and Helen Tiffin, *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. New York and London: Routledge, 1989. p. 2.

вторых, великая литература, написанная на английском языке, передает великие вечные истины, целью которых является воспитывать граждан, прививать нравственные ценности и чувство национальной гордости. Этим она отличается от мультикультурной литературы, написанной не на английском языке и изображающей несхожесть, «инаковость», основанной на таких понятиях, как суеверие, предрассудки, отсталость, дикость, моральные потери и интеллектуальное обнищание¹.

Франц Фэнон (1925–1961) выступил как ведущий теоретик и активист стран «третьего мира» в борьбе против колониального гнёта. Большое влияние на мировоззрение Фэнона оказала Эми Цезаре, лидер движения «*negritude*» (негритюд). В своей книге «Чёрная кожа, белые маски» (1952), ставшей основополагающей в становлении постколониальной критики, Фэнон рассматривает психологические последствия расизма и колониализма. С точки зрения литературной критики, существенное значение имеет глава под названием «О национальной культуре», в которой Фэнон рассматривает важные связи между борьбой за свободу и различными элементами культуры, включая литературу и искусство. Колониализм, по мнению Фэнона, полностью разрушает культурную жизнь завоёванных народов, поскольку колонизаторы навязывают колонизированному народу мнение о неполноценности его культуры, «нереальности» нации, и, как самая крайняя степень дискриминации, несовершенного характера его биологической структуры. Культуры, находящиеся под колониальным господством – это, по выражению Фэнона, «спорные культуры», поскольку они почти уничтожены, нет прогресса родной (native) культуры, а какая-либо инициатива отождествляется с сопротивлением колонизаторам².

Напряжённая обстановка, вызванная колониальной эксплуатацией – нищета, голод, культурное и психологическое истощение – оказывает серьёзные последствия на культуру колонизируемого народа. Постепенно, в процессе изменения национального сознания, происходят изменения в литературной традиции, исчезают старые и приходят новые стили повествования и темы – драматургия и поэзия уступает место романному творчеству, рассказам и эссе; появляются темы безнадежности и покорности судьбе, и, напротив, темы борьбы за свободу народа; начинают преобладать натуралистические описания тяжёлых условий жизни людей. Именно литература, как отражение

¹ Robert Young. Colonialism and the Politics of Postcolonial Critique // Postcolonialism: An Historical Introduction. Oxford: Blackwell, 2001.

² Frantz Fanon. The Wretched of the Earth, trans. Constance Farrington. New York: Grove Press, 1963. p. 148.

национального сознания народа, становится оружием, «призывая весь народ бороться за своё существование как нации»¹.

Изменениям подвергается устная традиция. Традиционные сказки, былины, песни обогащаются новыми эпизодами, отражающими борьбу за независимость народа. Так, например, в Алжире вновь возникает эпическая традиция как средство трансляции культурных ценностей народа. Традиционные методы повествования уступают место новаторским приёмам, вместо уже избитых тем рассказчик изображает актуальные эпизоды, связанные с политической ситуацией, детально обрисовывает происходящее и представляет новый тип человека, свободного от оков колониализма. Примечательно, что в Алжире такая манера повествования и представления событий в литературном произведении приводила к систематическим арестам писателей представителями колониальной власти.

В конце своей книги Фэнон подчёркивает, что дальнейший путь развития для колонизированных народов Африки и других частей мира заключается не в подражании Европе, но в разработке новых схем, основанных на единстве и равенстве человечества: «для Европы, для себя, для человечества, для товарищей; мы должны перевернуть страницу, мы должны создать нового человека».²

Многое из того, о чем Фэнон говорит относительно африканских колоний, в равной степени можно применить и к другим колонизированным территориям, в том числе – Индийскому субконтиненту, Югославии и большей части Ближнего Востока, поскольку литературы этих стран непосредственно вовлечены в политический процесс, являясь результатом и причиной социальных и политических противоречий.

Ещё одним известным литературным и культурным теоретиком постколониализма является Эдвард Саид (1935–2004), профессор Колумбийского университета, критикующий западную науку, оправдывающую колониализм. В книге «Начала» (1975) Эдвард Саид, ориентируясь на вопрос «Что есть начала?», ищет следы различных толкований данного понятия в истории. Основываясь на работах итальянского философа Джамбаттиста Вико, Саид различает «происхождение» (origin) как проявление божественного, мифического и «начало» (beginning), которое, по его мнению, является светским. В постмодернистской литературе «начала» воплощают все попытки достижения знаний и ценностей искусства через «резко асоциальный» язык. Про-

¹ Frantz Fanon. *The Wretched of the Earth*, trans. Constance Farrington. New York: Grove Press, 1963. p. 148.

² Там же, p. 149.

блема языка, таким образом, лежит в основе «начала»¹. Эту мысль Саид развивает в своей следующей работе «Мир, текст и критика» (1983), в которой рассматривает «мирское» текстов. Саид отвергает мысль о том, что речь в тексте удалена от мира, обладая лишь смутным существованием в уме критиков². Он считает, что критика завышает неограниченность интерпретаций текста, тем самым снижая уровень связей между текстом и действительностью.

Ещё одна тема, которую Саид рассматривает в своих работах – ориентализм («Ориентализм», 1978). Ориентализм, с точки зрения Саида, представляет собой конструкт Западного дискурса, средство самоопределения западной культуры. Используя огромное количество примеров из художественной литературы, Саид показывает, как формируются стереотипы, негативно сказывающиеся на культуре востока и исламском мире. Среди негативных стереотипов Саид выделяет следующие: ислам как еретическое подражание христианству; экзотическая сексуальность восточной женщины; ислам как культура, не способная к инновациям. Негативные влияния указанных стереотипов, по мнению исследователя, усиливаются посредством средств массовой информации, что негативно сказывается на отношениях Восток-Запад³.

Таким образом, постколониальная литература и критика сформировались в середине XX века как реакция против Западного мейн-стрима и получили неоднозначную трактовку среди академического сообщества. Огромный вклад в теорию постколониальной критики внесли такие крупные деятели, как Франц Фэнон, Эдвар Саид, ставшие одними из выдающихся теоретиков постколониальной культуры и литературы.

Список литературы:

1. Колониальная система европейских держав. [Электронный ресурс]. URL: <http://3ys.ru/novaya-istoriya/kolonialnaya-sistema-evropejskikh-derzhav.html> (дата обращения 15. 03. 2013).
2. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., Политиздат, 1981. 445 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/enc/item/f00/s04/a000401.shtml> (дата обращения 15. 03. 2013).

¹ Edward Said, *Beginnings: Intention and Method*. New York: Columbia University Press, 1985. pp. xii.

² Edward Said. *The World, the Text, and the Critic*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.

³ Edward Said, *Orientalism*. New York: Vintage, 1978.

3. Bill Ashcroft, Gareth Griffiths, and Helen Tiffin. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. New York and London: Routledge, 1989. p. 2.
4. Edward Said, *Beginnings: Intention and Method*. New York: Columbia University Press, 1985. pp. xii.
5. Edward Said, *Orientalism*. New York: Vintage, 1978.
6. Edward Said. *The World, the Text, and the Critic*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.
7. Frantz Fanon. *The Wretched of the Earth*, trans. Constance Farrington. New York: Grove Press, 1963. p. 148.
8. Robert Young. *Colonialism and the Politics of Postcolonial Critique // Postcolonialism: An Historical Introduction*. Oxford: Blackwell, 2001.

Екатерина Жеребцова

**Современная американская литература:
с приставкой пост-**

(на основе “Research Guide to American Literature: Contemporary Literature, 1970 to present” by Linda Trinh Moser and Kathryn West, Maple Press, USA)

Для описания большинства произведений, опубликованных с 1970 года по первое десятилетие 21 века, и отличия их от форм, методов, восприимчивости и проблем произведений предыдущих периодов используют такие ярлыки, как «постконфессиональные», «постфеминистские», «пострасовые», «постколониальные», «постструктуралистские», «постмодернистские» и даже «пост-постмодернистские». Однако общий префикс может ввести в заблуждение. Присоединённый к словам «феминистский» и «расовый», например, он создаёт впечатление, что гендерное и расовое равенство уже было достигнуто. «Постколониальный» – также обманчиво: хотя нация и может быть легально независимой, она может всё ещё подчиняться в культурном и экономическом плане другой нации. Литературные тексты многих американских индейцев и гавайцев в особенности, противоречат идее того, что эпоха колониализма прошла. Даже термины, относящиеся к попытке определить стиль и тематику, тоже не всегда полезны и точны. Постколониальные поэты, например, используют разоблачительный личностный метод своих предшественников, а постмодернистские и пост-постмодернистские писатели, как и модернисты, делают

акцент на самосознании, фрагментации повествовательных структур, двусмысленности, дегуманизированных и децентрированных субъектах. Совершая определённый рывок в стилях и решении проблем предыдущих эпох, литература этого периода ещё и продолжает исследовать темы и идеи, связанные с идентичностью и реальностью. Сама природа идентичности и реальности изменилась, как бы то ни было, вынуждая писателей разрабатывать репрезентативные методы, включающие как традиционные, так и инновационные элементы.

«Весь мир находится здесь», – утверждает Измаил Рид в своём эссе «Америка: мультикультурное общество» в книге «Писательство – это борьба: тридцать семь лет письма в стол» (1988). Современная американская литература, говорит он, «это место, где пересекаются культуры мира». Эссе расширяет понятие американской идентичности и размышляет над «размыванием культурных стилей», что характерно для повседневной жизни в Соединённых Штатах. Эта мультикультурная среда, вместе с технологическими новинками, развитием науки и философии, изменениями в общественном порядке, трансформировала взгляды американцев и способы их вовлечения в мир. Трансформация отражается в литературе, где предыдущие понятия о реальности и о том, как её репрезентировать, меняются. Таким образом, современная литература характеризуется разнообразием, быстрым распространением и постоянным развитием. Произведения, вышедшие после 1970 года, представляют множество стилей, тем, форм, методов подачи. Голоса из спектра американского жизненного опыта предлагают такие взгляды, которые нечасто встречались – или даже никогда не встречались – в более ранних периодах американской литературы. Писатели различных рас, этнических групп, социальных классов, сексуальной ориентации, географической принадлежности «переподключили» и расширили американскую литературу.

Быстрое распространение и разнообразие культурных взглядов сопровождаются использованием литературных форм по новым способам. Писатели продолжают работать с традиционными формами поэзии, рассказа, романа, драмы, эссе, мемуаров, но также развивают их, экспериментируют с новыми формами, включая цикл рассказов, комбинированный роман, «новый журнализм», творческую документалистику, графический роман, комиксы. Так, жанр и идентичность начали пониматься в более расплывчатой форме, различия между высокой – элитной, и популярной – массовой, культурами разрушились. Популярная культура стала предметом серьёзного изучения для учёных и моделью для таких писателей, как Майкл Шейбон, Джойс Кэрролл Оутс, Роберт Пински, Дон ДеЛилло, Дэвид Фостер Уоллес, кото-

рые вносят темы, образы, структуры из беллетристики в художественную литературу. Современная литература предлагает инновационное, этнически-ориентированное творчество, новые взгляды на ранее непредставленное. Древнее удовольствие рассказывания историй сильно в современную эру, возможно, даже больше, чем в ранние периоды, так как писатели чувствуют необходимость в репрезентации того «мира», которым является Америка.

Так как разграничение периодов зачастую условно, несколько событий 1970 года предсказали проблемы, которыми будет отличаться последующее время. Публикация документальной книги Стадса Теркела «Трудные времена: устная история Великой депрессии» способствовала обращению внимания к классу и тому, как это формирует жизни людей. Журнал «Сущность», предназначенный для афроамериканской аудитории, был основан в 1970 году. Романы, опубликованные афроамериканскими женщинами в 1970 году, включают «Самые голубые глаза» Тони Моррисон, «Третья жизнь Грейнджа Копленда» Элис Уокер, «Я знаю, отчего птица поёт в клетке» Майи Энджелу. Афроамериканские женщины также хорошо представлены в поэзии: Никки Джованни, Одри Лорде, Соня Санчес опубликовали свои сборники в 1970 году. Наряду с основанием издательства «Феминист Пресс», 1970 год принёс несколько ключевых для феминистского движения произведений: «Диалектика пола: доводы для феминистской революции» Суламифь Фаерстоун, «Женщина-евнух» Жермен Грир, антология Робин Морган «Сестричество – сила». Плодовитая Оутс получила в 1970 году Национальную книжную премию за свой четвёртый роман «Их жизни» (1969). «Сто лет одиночества», английский перевод колумбийского автора Габриэля Гарсиа Маркеса (1967), появился в 1970 году; в последующие десятилетия элементы магического реализма Гарсиа Маркеса, сплетающие сверхъестественное с земным, появились в текстах многих североамериканских авторов.

Современная американская литература предлагает разнообразие в жанрах, из-за чего трудно определить какой-либо как «доминирующий». Роман остаётся популярным благодаря таким писателям, как Джон Барт, Джойс Кэрол Оутс, Филип Рот и Джон Апдайк, которые работали в предыдущие десятилетия и по-прежнему вносят важный вклад после 1970 года. Постмодернистские романисты экспериментируют с повествовательной формой, бросая вызов традиционным жанрам художественной литературы; «Чудище Хоклайнов. Готический вестерн» Ричарда Бротигана (1974), например, сочетает в себе элементы южной готики с художественными средствами западной. Другие

писатели играют с границами между художественной литературой и документалистикой. В «Моей мужской правде» (1974) Рот создаёт автобиографию еврейского писателя Питера Тарнополя, который подробно рассказывает о своей жизни во второй части романа – «Моя настоящая история». Рассказы Тарнополя, два из которых составляют первую часть романа – «Полезные вымыслы», изображают Натана Цукермана, это имя Рот использует для персонажа в более поздних произведениях после романа «Случай Портного» (1969). «Книга Даниила», «Рэгтайм» (1975), «Билли Батгейт» (1989), «Гомер и Лэнгли» (2009) Э. Л. Доктороу объединяют факты из истории двадцатого века с вымышленными деталями. На основе краткого изложения неудачной попытки Маргарет Гарнер вырваться из рабства в 1856 году Моррисон рисует жизнь Гарнер в романе «Возлюбленная» (1987).

Другие писатели, под влиянием различных культур и опыта, трансформировали современный роман в иных отношениях. «Обезьяна – мастер странствий» (1989) Максин Хонг Кингстон, «Короли мамбо играют песни любви» (1989) Оскара Ихуэлоса и «Жизнь жестов» Чанг-Рей Ли (1999) опираются на иммигрантский опыт потери, сохранения или трансформации их культурной идентичности. Некоторые писатели обращаются к идентичности, осложнённой сексуальностью. Как только гомосексуализм становится более заметным в обществе, такие писатели, как Майкл Каннингем, находят широкое признание читателей; его «Часы» (1998) получили Пулитцеровскую премию. Другие значительные писатели, обращающиеся к темам геев и лесбиянок: Рита Мэй Браун, Пола Ганн Аллен, Сара Шульман, Армистед Мопен, и Эдмунд Уайт.

Жанр рассказа получает возрождение в этот период. После потери статуса, вызванного ростом популярности телевидения и снижением количества журналов с короткой прозой в 1950-х годах, сборники рассказов начали снова появляться в списках бестселлеров. Академические литературные журналы, такие как «Sewanee Review», «Canyon Review» и «Southern Review», наряду с такими массовыми журналами как «The New Yorker», «Esquire» и «Harper's», помогли этим изменениям. Благодаря Гордону Лишу, художественному редактору «Esquire», а затем Альфреду А. Кнопфу, Раймонд Карвер проложил путь для писателей рассказов о жизни рабочего класса, многие из этих писателей были названы «грязными реалистами» или «минималистами». Значимые сборники включают «Прелюбодеяние и другие возможности» Андре Дюбуа (1977), «Парк трейлеров» Рассела Бэнкса (1981), «Горящий дом» Энн Битти (1982), «Рок-Спрингс» Ричарда Форда (1987), «Шило и другие рассказы» Бобби Энн Мейсон (1982).

Другие писатели, известные своими рассказами, – Оутс, Дороти Эллисон, Энни Пру, Пэм Хьюстон. Условия современности диктуют появление чрезвычайно короткого рассказа. Содержащие обычно не более тысячи слов, они получили название «внезапной» или «мгновенной» прозы; последний термин – это название антологии таких работ под редакцией Джеймса Томаса, Денис Томас и Тома Хазуки, вышедшей в 1992 году. Сокращённый характер этих рассказов делает их особенно хорошо подходящими для Интернета.

Американская поэзия в этот период создаётся более разнообразной группой поэтов с точки зрения класса, пола, расы, этнической и половой принадлежности, чем в прежние времена. Тематически она описывается как «пост-исповедальная» – то есть неавтобиографическая – но по-прежнему делает акцент на индивидуальном опыте, присутствии исповедальной поэзии предыдущих десятилетий. Основные авторы, в том числе Лорде, Марк Доти, Луиза Глюк, Джори Грэм, Роберт Пински, Шарон Олдс, Кэти Сонг, Наташа Трезевей, выражают личное в стихах, которые представляют различные степени движения в сторону великих тем и различные уровни доступности и сложности. Их стили противостоят традиционным методам классификации: Ага Шахид Али использует газель, древнюю персидскую форму; Рид, Майкл С. Харпер и Юсеф Комуника отражают ритмы джаза и блюза, а ораторское искусство американских индейцев можно услышать в работах Джоя Харью, Саймона Дж. Ортиса и Луизф Эрдрих.

Как и рассказ, поэзия пользуется всплеском популярности в современный период, так как поэты попытались сделать свои произведения более доступными и актуальными и содействовать социальной и экологической справедливости. Поэты протестовали против американских военных действий и выступали за мир во время вьетнамской войны и войны в Ираке и Афганистане, а также они выразили надежду и патриотические настроения в стихах для президентских инаугураций – «На пульсе утра» Энджелу для Билла Клинтона в 1993 году, «Из истории и надежды» Миллера Уильямса для Клинтона в 1997 году и «Хвала песне дня» Элизабет Александр для Барака Обамы в 2009 году. Несколько поэтов-лауреатов работали, чтобы «содействовать поэзии», сделав её повседневной реальностью и удовольствием американской жизни. Антология «Поэзия 180: возвращение к поэзии» (2003) под редакцией Билли Коллинза представляет стихотворения на каждый день учебного года. Пински, ещё один поэт-лауреат, основал «Проект любимого стихотворения», в котором восемнадцать тысяч американцев всех возрастов представили свои любимые стихи. Другие усилия для того, чтобы сделать поэзию более доступной для широкой

общественности, включают аудио- и видеозаписи и распространение сайтов, поддерживаемых профессиональными организациями. Общественные чтения, поэтические «слэмы», общественные писательские группы, семинары, организуемые в книжных магазинах, кафе, публичных библиотеках, также помогли поэзии выйти из академических институтов в повседневную жизнь.

Драма с 1970 года развивалась с появлением Офф-Бродвея в 1950 году и Офф-Офф-Бродвея и расширением региональных театров в 1960-х годах. Освобождённая от затрат на бродвейскую продукцию и давления, драма начинает производить коммерчески успешные пьесы, больше экспериментирует как в форме, так и в содержании, в том числе более полно представляя ранее маргинальные группы, что привело к расширению американских театральных предложений. Ветераны Бродвея предыдущей эпохи продолжали показывать новые работы и после 1970 года. Нил Саймон, у которого был ряд коммерчески успешных пьес в 1960-х, таких как «Босиком по парку» (1963) и «Странная пара» (1965), вернулся в 1980-х годах со своей автобиографической трилогией «Воспоминания о Брайтон-Бич» (1983), «Билоси блюз» (1985) и «Границы Бродвея» (1986). Эдвард Олби, чья бродвейская карьера началась в 1960 году с «Что случилось в зоопарке» и включала «Кто боится Вирджинии Вульф?» (1962), получил Пулитцеровскую премию за «Морской пейзаж» (1975) и «Три высокие женщины» (1994). Один из наиболее известных драматистов современного периода, Сэм Шепард, выпустил свои экспериментальные пьесы в Офф-Бродвее и Офф-Офф-Бродвее и региональных театрах. Реализм не исчез из американской драмы; «Американский бизон» (1976) и «Американцы» (1982) Дэвида Мэмета представляют реалистичное место действия и вполне земные образы, речь которых похожа на повседневное общение.

Вышеизложенные положения обусловлены особым историческим развитием страны. США наиболее остро отреагировали на явление культурного разнообразия, поскольку это крупнейшее в мире «иммиграционное государство», развитие которого было неразрывно связано с притоком новых поселенцев. С одной стороны, полиэтничность являлась серьёзным препятствием на пути формирования общенациональной идеологии и конструирования единой национальной идентичности. С другой стороны, становлению единой американской нации способствовал целый ряд исторических событий (Война за независимость 1775–1783 гг., освоение Дикого Запада и создание базы общенационального благосостояния, Гражданская война между Севером и Югом 1861–1865 гг.), а также усилия политической и интеллек-

туальной элиты молодой нации, направленные на преодоление культурной разобщённости граждан.

Изменения, происходившие в литературе США на протяжении XX века, трансформировали американский литературный канон. М. В. Тлостанова отмечает: «Последние десятилетия обнаружили со всей очевидностью, что в США на сегодняшний день не существует какой-либо доминирующей литературной традиции. Постепенно сходящий на нет постмодернизм соседствует с реалистическими и натуралистическими в особом американском понимании тенденциями, происходит и оживление таких несколько забытых к концу века явлений, как различные региональные традиции»¹. Исследователи Ричард Руланд и Малькольм Бредбери связывают эту смену направлений с «этно-расовыми, гендерными и сексуальными аспектами в формировании современной литературной персоны»².

Понятие культурного пограничья становится ключевым для теоретиков постколониальных, культурных и пограничных исследований американской литературы. Важнейшей отличительной чертой этого особого культурного пространства, по словам М. В. Тлостановой, является амбивалентность, «ярче всего проявляющаяся в характеристике ускользающего от определения «пограничного сознания» человека, застрявшего на границе и нередко противостоящего не только безместности, но и новому укоренению в одной, двух или более культурах»³.

Немаловажное место в современной литературе США занимают так называемые «постколониальные» авторы. Постколониальная теория возникла под влиянием идей Мишеля Фуко. К основным её представителям относят Эдварда Саида, Гаятри Спивак, Хоми К. Бхабха. Начиная с XVI века, некоторые европейские страны стали проводить политику колониализма, формируя колонии, зависимые заморские территории в Южной и Северной Америке, Австралии, Африке и Азии, приносившие метрополиям огромную экономическую выгоду.

Расцвет колониализма приходится на XIX век, однако во второй половине XX века эта эпоха завершается: колонии становятся независимыми государствами. Подчас утверждается, что постколониализм имеет не менее эксплуататорский характер по сравнению с колониализмом. Несмотря на то, что прямого вмешательства в дела бывших

¹ Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 396 с.

² Ruland R., Bradbury M. From Puritanism to Postmodernism. A History of American Literature. Viking, 1991, 455 p., p. 369–429.

³ Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 396 с., с. 20.

колониальных стран может и не быть, состояние их экономик по-прежнему зависит от деятельности крупных международных компаний, базирующихся в бывших колониальных державах или Соединённых Штатах Америки.¹

В постколониальные исследования входит изучение социальных, культурных и политических процессов в странах, освободившихся от колониальной зависимости. Постколониализмом ещё называют особый, не общераспространённый тип сознания интеллектуалов в этих странах. Как писал исследователь украинской культуры Марко Павлышин, «постколониализм использует колониальный опыт не только как то, от чего нужно двигаться прочь, но как то, что можно использовать при формировании самосознания (личности или социальной группы)».² Главную задачу такого «самоконструирования» сформулировала американский философ Лила Ганди: по её словам, постколониализм – это интеллектуальное сопротивление одному из главных последствий колонизации – мифологизирующему забвению прошлого.³

¹ Национальная социологическая энциклопедия. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/874/word/postcolonializm> (дата обращения: 25.04.2012).]

² Pavlyshin M. Ukrainian Literature and the Erotics of Post-colonialism: Some Modest Propositions // Harvard Ukrainian Studies. 1993. June. Vol. XVII. № 1].

³ Gandhi L. Postcolonial Theory: A Critical Introduction. New York: Columbia University Press, 1998. P. 4.

В копилку переводчика

Николай Воропаев

Институт языкознания РАН
Отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии,
научный сотрудник

Компетенции переводчика в современных условиях (на материале китайского языка)

Торгово-экономические, политические и культурные связи между Россией и Китаем продолжают активизироваться и укрепляться, и всё большее количество хозяйствующих коммерческих субъектов и государственных органов России обращаются к услугам устных последовательных, синхронных и письменных переводчиков с китайского языка.

В настоящей статье хотелось бы обсудить важнейшие сферы и вопросы деятельности переводчиков с китайского языка в современных условиях. Многие положения, изложенные в статье, актуальны и для переводчиков с других языков.

Как правило, большинство российских коммерческих компаний разного масштаба в общении с китайскими партнёрами справляются с помощью общепризнанного международного языка – английского. На предприятиях экономически более развитых южных китайских провинций (Гуанчжоу, Фуцзянь, особый административный район Гонконг, город центрального подчинения Шанхай и т. п.) владеющих английским языком сотрудников больше, и говорят они лучше, чем в прочих регионах Китая. Именно эти регионы Китая наиболее активны на международном рынке. Но, тем не менее, всё больше и больше российских компаний склонны использовать переводчиков с китайского языка.

Всё-таки английский язык, являясь неродным для обеих сторон, остаётся своего рода «бездружным», формализованным техническим инструментом (особенно в сфере переписки по электронной почте), что не только не способствует человеческому сближению сторон, но порой приводит к экономическим по-

терям. Тем более, если переписку эту часто ведут не дипломированные переводчики, а менеджеры компаний со знанием английского языка. Пример из жизни. Две компании (российская и китайская) торговали канцелярскими товарами. Сотрудничали они уже около пяти лет. Как-то раз перед Новым годом в их переписку на английском языке внедрились хакеры из Гонконга. От лица сторон они убедили китайского продавца отгрузить сразу три контейнера канцтоваров, вместо планируемого одного, а российского покупателя заказать и немедленно оплатить этот товар на якобы вновь открытый для этого специальный счёт, мотивируя это тем, что в новогодние праздники все будут слишком долго отдыхать и это плохо повлияет на бизнес. В результате возник ущерб на несколько сотен тысяч долларов. Конфликт, при разбирательстве того, кто виноват и как разделить ответственность, привел к разрыву отношений.

Таким образом, формальный непрофессиональный английский язык и обусловленные им «неодушевлённые» формализованные отношения, не позволяющие уловить нюансы обращений стороны партнёра и исключающие человеческие контакты (видимо, в силу своей надёжности и отработанности в письменной форме), например, по телефону, не позволили сторонам своевременно обнаружить, что с ними общается кто-то чужой.

Руководители крупных компаний в настоящее время при встрече с руководителями китайских компаний-партнёров также склонны приглашать переводчиков с китайского языка, так как сами они английским обычно владеют недостаточно хорошо (более или менее сносно английским, как правило, владеют лишь менеджеры низшего и среднего звена). Делают они это для того, чтобы ясно донести до китайских партнёров свои стратегические, основополагающие идеи относительно дальнейшего сотрудничества и чётко обсудить проблемные моменты.

Итак, в основном, квалифицированные переводчики с китайского языка в современной России требуются в следующих ситуациях.

Устный последовательный перевод важных мероприятий

Прежде всего, здесь стоит отметить, что на встречах высокого уровня существует правило, согласно которому каждую сторону переводит свой переводчик. Объясняется это просто: понимать на слух иностранную речь (особенно китайскую) всегда очень сложно, и не носитель языка много деталей может не уловить. Свою же родную речь переводчик понимает полностью (если, конечно, говорит адекватный спикер с хорошей дикцией и достаточно громко). И даже если иностранным языком переводчик владеет не идеально, он всё равно передаёт все детали (если он добросовестный и при необходимости и возможности фиксирует все пункты речи на бумаге), и иностранцы всё-таки могут получить более полный вариант речи своего коллеги на своём, может быть, чуть ломаном, языке.

Вот почему и малым, и средним коммерческим организациям следует перенимать наработки государственных и мощных бизнес-структур и рекомендуется нанимать переводчиков с китайского языка, для которых русский язык является родным.

Это также касается и тех, кто едет с визитом в Китай. Как правило, в целях экономии (не надо платить за перелёт, проживание переводчика, за высокую квалификацию переводчика) российские бизнесмены нанимают неквалифицированных русскоязычных переводчиков, постоянно проживающих в Китае, или переводчиков-китайцев. Но ведь в бизнесе деталей и нюансов часто больше, чем в общении между государственными органами, и понять и передать их сможет только человек, который понимает вас полностью. Разумеется, этот человек (переводчик) должен достаточно хорошо владеть иностранным языком, иначе весь этот эффект полного понимания пропадает. Поэтому высококвалифицированные и опытные переводчики становятся сейчас всё более востребованными и коммерческими структурами.

Выделим наиболее распространённые сферы работы устных последовательных переводчиков с китайского языка.

- Устный последовательный перевод официальных встреч представителей различных государственных ведомств в рамках международных организаций. В основном, в рамках Шанхайской

организации сотрудничества, БРИКС, Российско-Китайской Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств и т.п.

- Устный последовательный перевод официальных деловых встреч или переговоров между коммерческими компаниями.

Эти виды работ характеризуются высоким темпом речи, обилием терминов, официальным стилем речи. Для работы в этих сферах требуется большой опыт работы на менее важных мероприятиях, большой запас лексики.

Здесь необходимо упомянуть об одном из важнейших качеств переводчика, как сейчас модно говорить, – стрессоустойчивости.

Иногда возникают ситуации, когда спикер говорит о, как ему представляется, серьёзных вещах, но в ироническом, критическом ключе, например: «олигархи у нас живут в домах за высокими заборами, разъезжают на шикарных автомобилях, а народ.....». Однако не все понимают, что в разных культурах восприятие того или иного пассажа может быть разным. Китайцы, например, смеются, улыбаются, когда из уст высокопоставленного чиновника слышат не вполне соответствующие его рангу высказывания. Часто также улыбки во многих культурах могут быть просто показателями внимательного благожелательного отношения к говорящему. Спикер же, ожидая, видимо, другую реакцию (он наверно ожидал, что китайцы, и особенно члены компартии, будут вместе с ним серьёзно сокрушаться о беспределе, вершином российскими олигархами) и, видя улыбки на лицах китайской делегации обвиняет переводчика в плохом переводе.

Итак, необходимо понимать, что даже безупречный перевод и идеальный переводчик могут стать объектами необоснованной критики, так как не все понимают специфику работы переводчика и не все осознают фактора различия культур. Даже если какая-либо из сторон пожелает изменить ранее высказанные положения, то самый удобный способ – сослаться на ошибки переводчика. Переводчик всегда должен быть к этому готов.

Некоторые заказчики бывают слишком заиклены на буквальном переводе их текста (вопроса), например, состоящего из двух путаных предложений и изложенных, например, входящим в состав делегации юристом, очень сухо, сумбурно, поканцелярски. И часто для получения ответа буквальная передача

только этого вопроса просто противоречит нормам китайского языка, так как китайский язык как никакой другой требует естественного расширения контекста для адекватного понимания сути проблемы. И бывают случаи, когда обнаружив, что переводчик что-то добавил от себя, обвиняют его в самоуправстве. Однако позже, видя позитивное развитие переговоров, заказчик, проанализировав ситуацию, осознаёт, что переводчик сыграл позитивную роль в этой ситуации и, извиняясь, высказывает уже благодарности.

О другом аспекте переводческого стресса также необходимо сказать. «Стресс – наилучшее, на наш взгляд, определение условий, в которых обычно работает устный переводчик. В отличие от письменного перевода сообщение на языке оригинала предъявляется однократно. Переводчику следует исходить именно из такого условия, хотя в ряде случаев имеется возможность переспросить докладчика. Следует указать также на постоянный цейтнот: переводчик начинает перевод сразу по окончании речи докладчика, причём время звучания перевода, как правило, меньше, чем речь оригинала. Кроме того, докладчик может попросить переводчика несколько сократить перевод. В случае перевода с заметками переводчик заканчивает свои записи ещё некоторое время после докладчика. Это также создаёт стрессовую ситуацию, так как аудитория ждёт перевод, а переводчик не может начинать работу до того, пока не запишет последнее предложение. Иначе он его забудет, пока переводит предыдущие. Переводчик обязан знать это последнее обстоятельство и не поддаваться влиянию аудитории, начиная переводить, не окончив записи» [15, с. 7–8].

- Устный последовательный перевод официальных торжественных ужинов (банкетов).

Хотя здесь происходит упрощение речи (исчезает официоз) и убавление темпа речи, тем не менее, требуется быстрый перевод выступлений (ведь бокалы уже подняты). Речь здесь может быть более насыщенной витиеватыми выражениями, возможны рассказы анекдотов (особенно российской стороной).

Пример анекдота: *На родине Ленина в городе Ульяновске в советское время очень долго строился мост через Волгу, так как*

строить его решили с середины реки. А почему? Да для того, чтобы население стройматериалы не растаскивало!

Передавать анекдоты необходимо с очень быстрым темпом речи и, причём так ясно и экспрессивно, чтобы иностранные коллеги поняли и ещё и засмеялись. Конечно же, часто просто необходимо в перевод вкраплять свои необходимые страноведческие пояснения и комментарии, чтобы на выходе была реакция, был смех. Таким образом, подготовка к переводу анекдотов является необходимой и важной, так как для налаживания международных контактов юмор, дружественные жесты очень важны. Именно на материале анекдотов проявляется самая большая проблема устных переводчиков с китайского языка: недостаточность лексического запаса: сигара, ром, маковое зёрнышко, ваучер (времен Чубайса), Мессия (Спаситель), Иуда и подобная лексика приходит не сразу. Умение хорошо перевести анекдот, полагаем, является важным показателем уровня переводчика.

Таким образом, кроме чисто профессиональных компетенций (хорошая фонетика, владение нормами грамматики иностранного языка, владение необходимой лексикой и стилистикой) переводчик должен обладать общекультурной компетенцией (знания по истории, литературе, живописи и многому другому) своей страны и всего глобального пространства на основном, базовом уровне. Для переводчика эти компетенции должны проявляться, в первую очередь, во владении разнообразной лексикой (со знанием фоновой информации), включая также все сферы жизнедеятельности человечества и его взаимодействия с окружающим миром и, во-вторых, в собственной позиции (мнении) по тем или иным вопросам, событиям.

Как пишет М. Ю. Бродский «Даже при бытовом и неофициальном переводе переводчик испытывает определённый груз ответственности. Иностранцы могут попросить его объяснить, почему существует такая традиция, какова его личная реакция на последнюю новость и т. п. В таких случаях, по мысли К. Райс и Х. Фермеера, переводчик превращается в специалиста по межкультурным коммуникациям в самом широком смысле» [2, с. 104]. «Недаром в советское время студентам-переводчикам повторяли, начиная с первого курса, снова и снова: «Родина начинается с переводчика!» В ситуации, когда ты понимаешь, что по-

лоса пограничная идёт если не за тобою, то где-то недалеко, оказывается рано или поздно любой практикующий устный переводчик» [2, с.104].

Это подтверждают реальные примеры из жизни. Например, иностранный заказчик обвинил переводчика в том, что тот не правильно оценил, представил ему потенциальные наклонности русских. Ситуация была такова. Клиент-иностранец решил приобрести у антиквара картину. Из-за отсутствия наличных договорились сделку произвести через два дня. Клиент спросил переводчика: характерно ли для русских изменять свои решения относительно продажи того, что пообещали продать. Переводчик без задней мысли сообщил, что нехарактерно, что русские не склонны нарушать данное слово (договор дороже денег). Но, как часто и бывает, именно это и произошло: продавец позвонил и сообщил, что передумал продавать эту картину. Переводчика немедленно обвинили в предоставлении неверной информации о русских. Клиент выразил сожаление, что сразу же не изыскал возможности взять наличные займы у своих знакомых, положившись на вердикт переводчика. Оправдания переводчика о том, что русские бывают разные, уже были бесполезны. Позже переводчик вдобавок ко всему был обвинён в сговоре с антикваром: он, якобы, осознав заинтересованность иностранца в картине, подговорил антиквара набить цену.

- Устный последовательный технический перевод специальных совещаний.

«Технический перевод – это перевод, используемый для обмена специальной научно-технической информацией между людьми, говорящими на разных языках» [14, с. 225]. Для этого вида работы переводчика необходима предварительная подготовка терминологического глоссария. Если материалы переводчику для подготовки не предоставили, то по ходу совещания (переговоров) необходимо не стесняться и требовать разъяснения необходимой неясной терминологии у компетентных участников совещания.

- Устный последовательный перевод при монтаже оборудования или обучении российских специалистов.

Необходимо заблаговременно выяснить конкретное место и условия проведения работ (отапливаемый цех или площадка под

открытым небом) для того, чтобы взять с собой соответствующую обувь и одежду. При этом виде перевода в силу свободного формата общения получить расшифровку того или иного термина обычно трудности не представляет.

- Устный последовательный перевод на судебных заседаниях по административным и уголовным делам.

Для данного вида работы необходимо хорошее владение юридической терминологией.

- Устный последовательный перевод телефонных переговоров или видеоконференций.

Данный вид перевода требует высокой концентрации внимания и хороших навыков аудирования иностранной речи.

Важнейшим аспектом в устном последовательном переводе является, конечно же, развитие и тренировка памяти и навыков записей. Как писал Р. К. Миньяр-Белоручев, «последовательный перевод – это устное воспроизведение текста средствами другого языка после его прослушивания. Воспроизведение текста после прослушивания требует известного усилия памяти. Чем больше отрезок воспроизводимого текста, тем большая нагрузка падает на память. Память переводчика, её развитие и тренировка в значительной степени определяют качество последовательного перевода» [12, с. 3]. «В отличие от абзацно-фразового перевода профессиональный последовательный перевод осуществляется «непрерывно», т. е. после окончания речи оратора, после прослушивания радиосообщения, после высказывания собеседника и т. д. В таких условиях переводчику трудно, а иногда и невозможно удержать в памяти всё содержание исходного сообщения. На помощь переводчику приходят записи, которые он делает в процессе восприятия речи. Для таких записей трудно использовать стенографию, так как она основывается на записи слов, а не мыслей. Если же переводчик будет использовать специально разработанную систему записей, так называемую переводческую скоропись, то он сможет записать всю основную информацию исходного сообщения. Качество последовательного перевода во многом будет зависеть от того, насколько хорошо переводчик овладел такой системой записи» [13, с. 3]. «Как правило, докладчик говорит не более 2–3 минут до паузы для перевода. Хотя такое время не очень велико, в кратковременной памяти такое сообще-

ние уже не может удержаться. В связи с этим в последовательном переводе необходимо пользоваться записями. Кратковременная память при устном переводе может использоваться весьма ограниченно, так как не следует забывать, что в ходе встречи или переговоров переводчику предстоит иногда работать несколько часов подряд. На каком языке делать записи? Собственный опыт говорит нам о том, что не следует искать однозначных рецептов. Индивидуальность каждого переводчика вносит в эти рекомендации свои коррективы. Как правило, каждый переводчик постепенно приобретает собственный набор излюбленных сокращений» [15, сс. 8–12].

Профессиональный синхронный перевод – такой вид устного перевода на международной конференции, который осуществляется одновременно с восприятием на слух (плюс иногда зрительно «с листа») предъявляемого однократно устного сообщения на иностранном языке в изолирующей переводчика от аудитории кабине и в процессе которого – в экстремальных условиях деятельности – в любой отрезок времени перерабатывается информация строго ограниченного объёма [14, с. 171]. Выделяются также такие разновидности синхронного перевода, как синхронное чтение заранее переведённого текста (синхронный перевод с опорой на текст), синхронный перевод на слух (собственно синхронный перевод), синхронный перевод с листа [14, сс. 195–196]. Этот вид перевода считается самым сложным и требует отдельного рассмотрения.

Письменный перевод

- Письменный перевод с китайского языка на русский язык.

Сейчас при наличии большого количества разного рода словарей, включая электронные, специальных программ, а также благодаря ресурсам сети Интернет, проблем с письменным переводом не много. Тем не менее, при возникновении неразрешимых проблем с пониманием текста, необходимо обращаться за консультациями к носителям языка и соответствующим специалистам. Особенно это касается технического специального перевода, при котором готовый перевод, перед тем как предъявить за-

казчику, всегда лучше отдавать на редактирование специалисту в соответствующей отрасли.

Полезным для письменного переводчика можно считать справочник «Электронные ресурсы переводчика» [16].

● Письменный перевод с русского языка на китайский язык. Для этого вида работы необходимо выделить самые важные меры, необходимые для обеспечения высокого качества перевода:

1. Необходимо обязательное сотрудничество с редактором – носителем китайского языка. Сложные, важные, связанные с техникой и технологиями, и особенно юридически обязывающие документы, необходимо предъявлять заказчику только после редактирования носителем языка. Нельзя соглашаться выполнить перевод в неоправданно сжатые сроки.

2. Необходимо соблюдение единообразного правильного написания имён собственных (топонимов, антропонимов и прочих онимов) и терминов в рамках всего текста или данной серии документов.

В первую очередь, для собственных нужд и для пропаганды стандартного написания русских имён собственных и названий субъектов Российской Федерации, мы включили во все свои опубликованные словари и пособия по китайскому языку соответствующие приложения [3, 4, 5, 6]. Об этих пособиях можно узнать на сайте www.vokitai.ru.

В заключении раздела об основных видах перевода следует отметить, что «для переводчиков перевод – это, в первую очередь, процесс, тогда как для непереводчиков (заказчиков перевода) – прежде всего, результат, т.е. текст» [2, с. 104].

Также в деятельности современного переводчика можно выделить следующие виды работ:

Выступление переводчика в арбитражном суде в качестве специалиста-эксперта

Экспертное заключение от специалиста-языковеда обычно требуется в спорах о товарных знаках, а также в прочих ситуациях ведения хозяйственной деятельности, как частными компаниями, так и государственными структурами, например, в спорах с налоговой инспекцией и т. п.

Выступление переводчика в нотариальной конторе

В настоящее время дипломированных переводчиков часто приглашают в нотариальные конторы. Нотариусы заверяют подпись переводчика, сделавшего перевод того или иного документа.

Также переводчики приглашаются к нотариусу для выполнения устного последовательного перевода. Это необходимо тогда, когда иностранный гражданин подписывает какой-либо документ, обладающий юридической силой, и нотариус опрашивает его на предмет понимания им смысла происходящего и содержания подписываемого им документа.

Для выполнения всех вышеуказанных задач и видов работ по переводу переводчик должен обладать соответствующими компетенциями, которые нарабатываются годами.

Необходимо отметить, что качественно выполнять работу переводчика способны не все выпускники вузов, обучавшиеся по этой специальности, но лишь те из них, которые в период учёбы в вузе развивали и далее развили в себе набор определённых компетенций, необходимых для этой сферы деятельности. Скажем о важнейших из этих компетенций:

1. Необходимо ясно понимать проблему двух форм существования слова в китайском языке и уметь правильно оперировать двумя формами китайского слова. «В отличие от языков европейской системы, в которых основными структурными единицами речи являются словосочетание, слово и часть слова (корень и аффикс), т. е. величины качественного порядка, в китайском языке основными структурными единицами являются, прежде всего, величины количественного порядка – однослог и двуслог (так называемый бином)» [8, с. 44].

И действительно, с точки зрения количественного состава подавляющее количество китайской лексики представлено однослогами и двуслогами. Причём в современном китайском языке большое количество слов сосуществует и употребляется в обеих количественных формах. Получается, что эти слова являются синонимами, которые дифференцированы по количественному составу. Эти количественно дифференцированные синонимы представлены в китайском языке в большинстве частей речи.

Для более чёткого понимания этой проблемы приглашаем посетить наш персональный сайт www.vokитай.ru и в разделе «Научная деятельность» скачать специальный реферат «Явление ритмической синонимии в китайском языке и закономерности формирования лексических единиц в потоке китайской речи». Здесь же лишь коротко поясним, что соответствующий стиль и ритм потока китайской речи в разных случаях требуют от говорящего выбирать правильные количественно-слоговые формы китайских слов (например: 国 guo ‘страна; государство’ или 国家 guojia ‘страна; государство’, 城 cheng ‘город’ или 城市 chengshi ‘город’, 车 che ‘автомобиль’ или 汽车 qiche ‘автомобиль’, 报 bao ‘газета’ или 报纸 baozhi ‘газета’).

2. Способность выбирать стилистически верные лексемы китайского языка.

Показательны результаты теста, который мы провели в своё время с молодой китаисткой. Она после окончания одного из иркутских вузов успела поработать два года в Китае. Мы использовали подход известной переводчицы Като Ломб из её книги «Как я изучаю языки» [10] и использовали четыре лексемы как показатели уровня владения лексикой того или иного языка: солнце, луна, медь и осадки. Результат был плачевным. Тестируемая на первые два слова выдала многозначные односложные лексемы древнего китайского языка 日 [rì] ‘солнце; день; число’ и 月 [yuè] ‘луна; месяц; месяц (календарный)’, тогда как соответствующими лексемами современного китайского языка являются однозначные двуслоги 太阳 [tàiyáng] ‘солнце’ и 月亮 [yuèliang] ‘луна’. Остальные два слова она по-китайски не знала.

Этот пример показателен тем, что многие студенты вузов не прикладывают должных усилий во время учёбы, не читают книги на изучаемом языке и на выходе по многим лексемам остаются на уровне слов древнего языка, на материале которых они осваивали иероглифику китайского языка на первом курсе. За время учёбы в вузе они не удосужились освоить стилистические аналоги этих лексем в современном литературном китайском языке! О каком же качестве перевода можно здесь говорить?

3. Необходимо хорошо владеть классификаторами китайского языка. Если в русском языке иногда и при штучном счёте

мы пользуемся счётными словами, но лишь для того, чтобы подчеркнуть, что предметы считаются поштучно, а не как-нибудь иначе: столько-то экземпляров книг, столько-то штук яиц. В китайском же языке счётные слова употребляются не только при неисчисляемых существительных, но и при любом другом существительном, если ему предшествует числительное или указательное местоимение. Вся масса исчисляемых существительных китайского языка подразделяется на классы – отчасти по внешнему виду предметов, а в основном, просто по языковой традиции: предметы считаются не на штуки, а соответственно на «места», «куски», «корни», «ветки», «головы» и т. п., причём все существительные данного класса употребляются с одним и тем же счётным словом (классификатором). Так, со счётным словом 条 [tiáo] ‘полоска’ употребляются названия всевозможных продолговатых предметов, например: 河 [hé] ‘река’, 路 [lù] ‘дорога’, 鱼 [yú] ‘рыба’, 蛇 [shé] ‘змея’ и даже 狗 [gǒu] ‘собака’. Специфика китайского языка заключается в том, что с некоторыми классификаторами даже практикующий переводчик может познакомиться только на пятый или даже десятый год своей карьеры (например, счётное слово для судебных дел 起 [qǐ], счётное слово для кораблей 艘 [sōu], счётное слово для трупов 具 [jù] и т. п.). Но, даже овладев когда-то большим арсеналом счётных слов, многие переводчики игнорируют их употребление и довольствуются универсальным классификатором 个 [gè], а ведь известно, что стилистически это для китайского языка неприемлемо, показывает низкую культуру владения языком. Поэтому не следует отказываться от активного и разнообразного использования счётных слов китайского языка, но непрерывно развивать свою китайскую речь в этом аспекте.

4. Полезно отработать разряды китайских числительных, которых нет в русском языке: 万 [wàn] ‘десятки тысяч’ и 亿 [yì] ‘сотни миллионов’.

5. Необходимо освоить базовую технологическую лексику (самые важные термины из основных отраслей науки, техники, разных видов промышленности) и общеупотребительную терминологию юриспруденции, финансовой науки и прочих элементарных аспектов общественной жизни.

Под базовой технологической лексикой мы понимаем общетехнические термины, которые жизненно необходимы для работы переводчиком на этапе наработки более обширного опыта. Примерами такой лексики могут быть такие слова, как молоток, алюминий, медь, уголь, шахта, бетон, асфальт, известняк, полудрагоценные камни, золото, свинец и т. п. Такого рода лексику по всему спектру жизнедеятельности человечества необходимо осваивать в течение учёбы в вузе, иначе начать работу переводчиком будет затруднительно и, соответственно, опыт для работы по наиболее высокодоходным заказам наработать не получится.

Кому-то покажется невероятным этот случай, но в этом, может быть, заключается специфика китайского языка или, скорее, специфика его преподавания в некоторых вузах нашей страны. В своё время одному важному государственному учреждению потребовалось протестировать кандидата на должность переводчика китайского языка. Кандидат – выпускница самого престижного столичного вуза, обучалась также в течение года в китайском вузе. В графе «специальность» значилось: «востоковед», «историк», «африканист» и что-то ещё. Китайский язык был вторым или третьим языком. На материале топики «Моя семья» она показала беглый разговорный китайский язык. Коммуникативные навыки были на хорошем уровне. Но когда ей было предложено перевести название тоненькой брошюры 《中华人民共和国公司法》 ‘Закон Китайской Народной Республики о компаниях’ [17], кандидат не смогла этого сделать. Оказалось, что она просто не знала всех этих слов!

Этот случай, полагаем, говорит о большом крене в сторону, так называемой, коммуникативной методики, где основной упор делается на простые диалоги, обиходную лексику, всё упрощается и преобладает популистский, лёгкий и незамысловатый стиль преподавания и обучения. Таким образом, упускаются из виду важные аспекты расширения лексического запаса, чтения объёмных текстов, книг, серьёзного анализа грамматических и стилистических специфических норм китайского языка.

6. Необходимо научиться хорошо аудировать естественный поток китайской речи (залог этого навыка – хорошо развитая собственная беглая речь на китайском языке).

Аудирование самый важный и сложный аспект в освоении

китайского языка. В силу большого различия между фонетическими системами русского и китайского языков, краткости китайских слов и высокого темпа китайской речи, а также разницы порядка слов в предложении и прочих грамматических и стилистических норм, восприятие и понимание китайской речи на слух многим даётся нелегко. Как это ни парадоксально звучит, но залогом овладения навыками аудирования является развитие собственной беглой речи на китайском языке. И речь эта должна быть фонетически нормативной, поэтому сначала, разумеется, необходимо овладеть правильной артикуляцией китайских звуков и правильной реализацией и изменениями музыкальных тонов китайских слогоморфем в потоке китайской речи.

Я с благодарностью вспоминаю годы обучения на кафедре китайского языка факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета, где очень тщательно ставилась фонетика китайского языка и применялась особая методика подготовки объёмных текстов для беглого чтения наизусть. Именно эта методика помогла мне развить беглую связную речь на китайском языке уже в студенческие годы. Как дань уважения всем преподавателям этой кафедры, этой методике и моей альма-матер в прошлом году я в соавторстве с госпожой Ма Тяньюй выпустил учебное пособие «По-китайски обо всём. 88 научно-популярных текстов-миниатюр на занятиях по китайскому языку» [7] и «Учебник практической фонетики китайского языка» [11]. Эти учебники, в первую очередь, предназначены для студентов первого и второго курсов вузов, которые изучают китайский язык как основную специальность, но могут быть использованы и широким кругом учащихся. Об учебниках можно подробно прочитать и купить их на сайтах: www.vokitai.ru или www.east-book.ru.

7. Навык оперативного перефразирования. Важным навыком, которым должен владеть устный переводчик, считаем, является навык перефразирования. Под оперативным перефразированием мы понимаем способность быстро находить близкий эквивалент лексеме или высказыванию, обороту, который характерен, например, только для русскоязычного культурного пространства, но редко упоминается или не имеет аналогов, передаётся совсем другими средствами (понятиями, словами) в китайском языке.

Здесь можно говорить и о пословицах и поговорках, и о фразеологизмах, и так называемой безэквивалентной лексике. Но, стоит иметь в виду, что иногда даже некоторые, казалось бы, обычные слова фактически непередаваемы сходу на китайский язык в определённых контекстах или в случае если они оказались вне вашего активного вокабуляра. Например, такие слова как «решительный», «жестокий» или «небезобидный». Для спонтанной ясной передачи таких понятий, конечно, требуется опыт, находчивость, хорошее чувство китайского языка. Иногда это удаётся, иногда не очень. Например, такой пассаж как: «торговля – дело жестокое!». Здесь из двух вариантов китайского слова больше подходит 残酷 [cánkù] ‘жестокий, свирепый; ожесточённый; беспощадный’, но не 残忍 [cánrěn] ‘безжалостный, жестокий, лютый’. Поэтому работа с синонимами требует особой кропотливой работы.

А слово «решительный» в пассаже «здесь нужен решительный человек» (предложение китайскому партнёру совместно инвестировать в строительство завода в России), в крайнем случае, можно передать разговорным 胆大的人 ‘храбрый, смелый человек’, если словарное и на самом деле более слабое 果断的人 ‘решительный человек’ вам вспомнить не удалось. Это звучит более эмоционально, ясно и быстро и хорошо воспринимается китайским партнером, сразу оживляет атмосферу переговоров.

Витиеватое слово «небезобидный» (о прокурорах, участвующих в судебных процессах в условиях сокращения их полномочий, но всё-таки способных влиять на судебные решения) вполне допустимо перевести ясно и коротко «зубастый» (有牙齿会咬人 букв: «с зубами и может кусаться»), если сходу не пришло на ум более нейтральное, но слабое 不是无害的, потому что китайцы могут его и не расслышать, так как морфема 无 [wú] ‘не; не иметь; без-’ книжного языка плохо воспринимается на слух. Такие решения должны приходить быстро, спонтанно, часто они возникают на основе опыта предыдущих переводов по схожей тематике.

Опять же ситуацию всегда спасает большой лексический запас. Конечно же, со временем вырабатывается опыт. И когда, например, вам в пятый раз приходится переводить на китайский

язык китайское же выражение «путь в тысячу ли начинается с первого шага», которое обожают все российские спикеры, то на шестой хочется уже порыться в справочниках или спросить китайских друзей и выучить его наизусть в оригинальном классическом виде на древнем китайском языке 千里之行始于足下, а не переводить современным китайским языком, вызывая смущённые улыбки китайцев.

8. Владение базовым арсеналом имён собственных.

Из-за адаптации к слогоморфемному строю и фонетической системе китайского языка, а также из-за различия исторических и лингвистических путей вхождения в китайский язык многие широко известные имена собственные глобального пространства (топонимы, антропонимы и др.) звучат по-китайски, мягко говоря, непривычно, например, Византия 拜占庭 [bàizhāntíng] Байджань-тхинь, Константинополь 君士坦丁堡 [jūnshìtǎndīngbǎo] Цзюнь-ши-тхань-дъинь-бао, Хорватия 克罗地亚 [kèluódià] Кхэ-луо-дъи-я, Варшава 华沙 [huāshā] Хуа-ша, Гитлер 希特勒 [xītèlè] Си-тхэ-лэ, Наполеон 拿破仑 [nápòlún] На-пхо-лунь, Бангкок 曼谷 [màngǔ] Мань-гу, Мумбаи (бывший Бомбей) 孟买 [mèngmǎi] Мэнь-май и т. п. (здесь с помощью нашей авторской учебной транскрипции русскими буквами мы передали реальное звучание этих имён собственных на китайском языке только для наглядности; в официальных же документах китайские имена собственные необходимо передавать только Традиционной Русской Транскрипцией, и об этом также необходимо помнить всем переводчикам). Поэтому китаистам, как никому другому, следует заучивать отдельными списками широко известные имена собственные, особенно названия стран мира и имена широко известных личностей всех времён и народов. Об этом подробнее пишет И. С. Алексеева в книге «Профессиональный тренинг переводчика» [1, сс. 71–76], также будет полезна книга Д. И. Ермоловича [9]. Не стоит забывать об именах известных писателей, художников, композиторов, режиссёров и о названиях созданных ими шедевров.

1. Переводчик обязан также владеть определённым арсеналом знаний о культурных особенностях страны изучаемого языка:

символы, приметы, суеверия, правила поведения, что можно дарить и чего нельзя дарить представителям той или иной страны, что в этой культуре является табу, какие жесты приличны, а какие нет и т. п. В качестве примера приглашаем на сайте www.vokitai.ru в разделе «свежие записи» прочитать статью «Что дарить и чего не дарить китайским друзьям».

2. Необходимо постоянно развивать свою как устную, так и письменную речь на родном языке.

В заключение хочется призвать студентов вузов именно в годы учёбы закладывать основную базу (в первую очередь, лексическую) для работы в сфере перевода и как можно раньше начинать практиковать все виды перевода, начиная на мероприятиях местного значения и постепенно выходя на высокий международный уровень.

Литература

1. Алексеева 2003 – Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – СПб.: Издательство «Союз», 2003. – 288 с.
2. Бродский 2011 – Бродский М. Ю. Политический дискурс и перевод // Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО П50 «Урал. Гос. пед. ун-т» - Екатеринбург, 2011. Вып. 1(35).
3. Воропаев 2012 – Воропаев Н. Н. и др. Современный русско-китайский словарь. – М.: Восточная книга, 2012. – 384 с.
4. Воропаев, Ма 2013₁ – Воропаев Н. Н., Ма Тяньюй. 500 китайских слов = Самый простой самоучитель китайского языка. – Москва : АСТ, 2013. – 219 с.
5. Воропаев, Ма 2013₂ – Воропаев Н. Н., Ма Тяньюй. Китайский язык. Три книги в одной. Грамматика, разговорник, словарь. – Москва : АСТ, 2013. – 317 с.
6. Воропаев, Ма 2014 – Воропаев Н. Н., Ма Тяньюй. Китайский язык за один месяц. Самоучитель разговорного языка. Начальный уровень. Москва : АСТ, 2014. – 190 с.
7. Воропаев, Ма 2013 – Воропаев Н. Н., Ма Тяньюй. По-китайски обо всём. 88 научно-популярных текстов-миниатюр на занятиях по китайскому языку. – М.: Восточная книга, 2013. – 272 с.

8. Драгунов 1962 – Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962. – 270 с.
9. Ермолович 2005. – Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межкультурной передачи. – М.: Издательство Р. Валент, 2005. – 416 с.
10. Ломб 1993 – Ломб Като. Как я изучаю языки. – М.: Издательство Аргатак, 1993. – 117 с.
11. Ма, Воропаев 2013 – Ма Тяньюй, Воропаев Н. Н. Учебник практической фонетики китайского языка. М.: Восточная книга, 2013. – 208 с.
12. Миньяр-Белоручев 1969₁ – Миньяр-Белоручев Р. К. Пособие по устному переводу (записи в последовательном переводе) для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Издательство «Высшая школа» 1969. – 191 с.
13. Миньяр-Белоручев 1969₂ – Миньяр-Белоручев Р. К. Последовательный перевод. Воениздат, 1969. – 288 с.
14. Нелюбин 2003 – Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
15. Скворцов 2000 – Скворцов Г. П. Учебник по устному последовательному переводу. Французский язык. Серия: «Изучаем иностранные языки». – СПб.: Издательство «Союз», 2000. – 160 с.
16. Шевчук 2010 – Шевчук В. Н. Электронные ресурсы переводчика: Справочные материалы для начинающего переводчика. – М.: Либрайт, 2010. – 136 с.
17. Gongsifafa 1999 – 中华人民共和国公司法. – 2版. – 北京: 法律出版社, 1999 (Закон о компаниях Китайской Народной Республики. – 2-е изд. Пекин: Издательство «Право», 1999)
18. Pym 1993 – Pym A. Epistemological Problems in Translation and Its Teaching: A Seminar for Thinking Student. – Caminade, 1993.
19. Robinson 2002 – Robinson D. Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation. – N.Y., 2002.
20. Snell-Hornby 2006 – Snell-Hornby M. The Turns of Translation Studies. – Amsterdam, 2006.
21. Vermeer 2008 – Vermeer H. Skopos and Commission in Translation Action // The Translation Studies Reader [ed. By L. Venuti]. – N.Y., 2008 P. 227-238.

Словари в помощь переводчику

Николай Епишкин

Краткий исторический словарь французской моды в России

В этом словаре к сфере моды относится всё то, что человек надевает и носит на себе и с собой, то есть одежда, обувь, предметы туалета и обихода, украшения и галантерея, а также понятия из обслуживающей моду сферы.

В словаре отражён период от Петра I до наших дней. Использовано 1756 источников. В словнике словаря представлено 18280 слов и словосочетаний в качестве заглавных для словарных статей, общий объём которых составляет 220 а. л. (февраль 2014).

В словарной статье наряду со значениями моды могут быть представлены и другие, служащие для лучшего понимания появления и развития модного значения. Словарь делает упор на доказательную базу в виде цитат и толкований.

Основное содержание словарной статьи составляет истолкование значений слова и иллюстрирующие их цитаты или речения. Толкования даются *курсивом*. Значения отмечаются арабскими цифрами и даются с абзаца (исключение возможно для первого), их смысловые оттенки выделяются при помощи двух вертикальных параллельных черточек (||).

Особенности употребления слова, характерные для того или другого их значения, даются за знаком «вертикальная черта» (|). Если в статье цитируется несколько информантов какого-либо областного словаря, то шифр источника стоит после цитаты последнего информанта, между собою они разделяются знаком (+).

В конце словарной статьи за пометой – *Лекс.* отмечены лексикографические фиксации (если они есть), как правило, авторитетных словарей. Звездочкой (*) помечены слова, обычно встречающиеся во французском написании. Этот же приём и ломаные скобки < > дают возможность передать примерное звучание слова или выражения.

А Л'АНГЛЕЗ* *По-английски.* Несколько дам имели прически à l'anglaise; очень молодая была <на балу> причесана à la chinoise <шинуаз>. Галатея 1829 571. Чепец из английских кружев, обшитый в два ряда и собранный по-английски, à l'anglaise. Молва 1831 30 63. Это Репетилов с бородкою à la jeune France <жён франс>, причёсанный à la mouen âge <муаен-аж> и натянутый, как лук между помочами и подтяжками его брюк à l'anglaise. Галатея 1839 ч. 4 488. Сапоги его блестели так ярко из панталон, шитых à l'anglaise. Альфер. Карт. 1846 160.

А Л'ЭМБЕСИЛЬ* *Как у дуручки, на «дурацкий» фасон.* Кисейные рукава необыкновенной ширины, называются à l'imbécille. Издатель Модного Парижского Журнала извиняется, что он долго не осмеливался вымолвить этого названия, опасаясь оскорбить красавиц. Напрасный страх! Дамы тогда бы разсердились, когда б кто осмелился сказать им в глаза, что наряд им не к лицу! СП 1829 № 78. Безмерно широкие рукава (все знают их название – прибавляет Французский журналист, вероятно, совестясь сказать дурацкие рукава, à l'imbécile, как вообще называют их в Париже) простираются ниже пояса; наверху их складки, плоские и правильные. МТ 1829 15 385. Лиза набелена была по уши.. рукава à l'imbécile торчали, как фижмы у madame de Rompadour, талия была перетянута, как буква икс. Пушк. Барышня-крестьянка. Не должно однако думать.. что мы вернёмся к рукавам à l'imbécile. БДЧ 1838 26 7 81.

А ЛА БЛАНШИССЁЗ* *Как у прачки.* Платье приподнятое “à la blanchisseuse”. Большую часть вещей мода называет громкими и звучными именами, не обращая внимания на то, подходит ли это название предназначенному предмету, или нет; но на этот раз случилось совершенно противоположное и вещь обозначена чрезвычайно верным названием: платье приподнятое весьма живо напоминает нам парижских прачек. Для застёжки, у боковых полотнищ пришивается по петле с пуговкою. Для того, чтобы приподнять таким образом платье, делается спереди род поперечной складки, боковые же полотнища застёгиваются сзади. Потом задняя полотнища приподнимаются в роде буффы и кладутся на застегнутые куски. НРБ 1867 271.

А ЛА ГИЛЬОТИН. ГИОЙТИН* à la guillotine. *По-гильотинному.* Во Франции осуждённым к гильотинированию выстригали волосы на затылке и шее для беспрепятственного падения гильотинного ножа, что породило среди «золотой молодежи» новую причёску. Мамзель Рю-

виль первая явилась к нам с короткой талией, опоясанная преширокою лентою, которая спереди на левой стороне завязывалась огромным бантом с длинными концами; у нея увидели мы также в первый раз короткий шиньон, книзу расширяющийся и открывающий весь затылок, что, кажется, называлось *à la guillotine*. Вигель Зап. // РА 1891 2 54. После французской революции ввелись в моду жабо выше подбородка, остриженные головы *à la Titus*, *à la guillotine*, лорнеты и коротенькие косы *flambeau d'amour*. Пыляев Стар. Петербург 451. Его Имп. Величество высочайше указать соизволил, чтоб все дамские персоны, какого б чину и звания не были, не ходили и к высочайшему двору не ездили в убранной на голове волоса моде, называемой Ала Гильотин, для чего камер-фурьерам наиприлежнейше смотреть, что нет ли кого из приезжих в таковом уборе. 23. 11. 1797. гр. Виельгорский. // Отголоски 18 в. 11 111.

А ЛА ПОНИ* *Как у пони*. Локоны *à la ropéu* вышли из моды ещё в 1891 г. Костюм 1910 444.

АЖУРКА и, ж. *à jour*. обл. *Шарф или платок из шёлковой ткани*. Ты уж ныне повяжи ажурку-ту. + Уж чего ни накопил он, а уж главно-то ажурку и стиблеты новы. Малеча.

АН ГЕРИССОН* *en hérisson* ёжиком. Теперь надо было причёсывать «ань герисонь», то есть ежом, все волосы должны стоять наверх, на подобие щетины на еже, а придерживает их приколотая вокруг лента. 1767. СИУ 1914 24 25.

АН ДЕМИ-ПО* Существуют три рода декольте, из которых можно выбрать наименее подходящее для данного лица. Во время Второй империи их обозначали следующим образом: «полное декольте», «полу-декольте» и «четвертное декольте». *). «Полное декольте» носили женщины с прекрасно округленными плечами, «полудекольте» (квадратный вырез спереди) допускается при высокой белой груди, а «четвертное декольте» делалось, если шея позволяла только незначительный вырез углом спереди и сзади корсажа. *) “*Tout en peau*” <тут-ан-по>, “*en demi-peau*”, “*en quart de peau*” <ан-кар-де-по>. Дам. мир 1914 73.

АНИМАЛЬ КИ С’АБИЙ, БАБИЙ Е ДЕЗАБИЙ* *l’animal qui s’habille, babille et déshabille*. Альфонс Карр оканчивает одну из своих диатриб следующей фразой: «женщина есть животное, которое

одевается, болтает и раздевается». Конечно, эта критика очень преувеличена <так>, и весьма много женщин составляют исключение из этого; но однакож при всём желании нельзя скрыть, что вообще она справедлива. Портфель 1862 43.

БАТАНЁЙ* bat-en-oeil. *Бросающийся в глаза.* Давно я намерена была вам дать комиссию, .. чтобы мне из Парижа привезти два спальные корнета, все кисейные, с таким капюшонами, называемые bat-en-oeuil, чем меня крайне одолжите. 1773. Княжна А. А. Куракина – А. Б. Куракину. // АК 7 132.

БЕЖЕВКА и, ж. beige. *обл.* Прежде это был женский платок, шаль бежевого цвета, шёлковая с бахромой и с кистями; теперь бежевкой называется простой головной платок. **Бежевочка, бежочка.** А тятя-ка мене купил бяжевку кашемирову. + Бежевки – кашемировы повязки головные, с кистями, теперь их нету, бежевков. + Бежевки шерстяные. Малеча.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ урс блан* Коротенькое пальто из мягкой, белой, плюшеобразной материи. Такое пальто называется белым медведем, l'ours blanc. Ваза 1864 360.

БЛАНШ blanche f. 1. *Белила, преимущественно личные.* Лучинский 1879. 2. Бланш, а, м. *прост.* Синяк на лице. Юганов 1997. *Побеление кожи, первая степень синяка.* [Жеглов (Маньке-Облигации):] Бланш у тебя под глазом. Кинофильм «Место встречи изменить нельзя». – Да это у вас, милочка, бланш. А. Моралевич. Как это ни причем.. А это? – Смерть показала на свой припудренный бланш под глазом. А. Селин Парашютист. // ДИН 1998 1-2 17. Да на улице его так лупасили, как у Вити ни у кого бы рука не поднялась, – и как с гуся вода: не успеет пожелтеть один «бланш», как он уже отправляется за новым. А. Мелихов Чума. // НМ 2003 10 33. Лётчик (зуб выбит, под глазом – бланш) рассказывает об очередном мордобое: «Бились мы по-честному – экипаж на экипаж!» А потом тихо добавляет: «Но мы – экипаж вертолёта, а они – экипаж авианосца...» Атасов 2003 193.– *Лекс.* Юганов 1997: бланш.

БЛЁ СЭ ЛЁ-ФАР ДЕ-БЛОНД * le bleu c'est le fard des blondes. *Блондинкам идёт голубой цвет.* Евгения Андреевна никак не могла забыть, что было то время, когда она слыла блондинкой, и на том основании, que le bleu c'est le fard des blondes, считала своим долгом украшать се-

бя голубым, носить голубые вещи и на все смотреть сквозь голубую, небесную призму. С-н Не в порядке вещей. // ОЗ 1877 3 1 65. Ср. Жён э ле-фар де-брюн (брюнеткам идёт жёлтый).

БЛЁ ТЕЛЕГРАММ * *Голубой телеграммы цвет.* Из голубых цветов пользуются предпочтением оттенки – севрский, bleu télégramme, bleu océan и др. Новь 1887 15 Мозаика 63.

БОРДЮРОВАТЬ bordure. *Создавать бордюры, кайму на одежде.* Юбка до половины гарнирована биз, края которых обшиты прямым плиссэ, бордюрованным узенькой каштановой лентой. Моды и рукод. 1875 15 4.

БРИЗ ДЕ МЕ * *«Ветер мая».* Для носовых платков в большой моде новоизобретённые духи: brises de mai и gouttes de violette. Ваза 1861 307. Духи Французские. Ализма. Бананье. Букет Каролин. Букет Евгения. Букет Императрис. Букет Ольга. Каприз моды. Каприз Валерии. Brise de Mai. Chèvre feuille. Шипр. Эсс Букет. Флер д'Итали. Флер д'Оранж. Франжипан. Гелиотроп. Прейс. косм. лаб. 1878 15. Духи подходящие для молодой девушки: Brise de mai, brise de violettes, Jasmin, Lilly of Vally, Muguet, Mimosa. ДМ 1908 12 20.

БУАТ А МУШ * boîte à mouches. *Коробочка для мушек.* Я принял смелость послать с упомянутым куриером для ея сиятельства, дражайшей вашей супруги, моей милостивой государыни Анны Карловны une boîte à mouche et pour mettre du rouge, il y a aussi une place pour un portrait et un sac pour mettre de l'ouvrage et tout ce qu'on veut pour porter avec soi. Ежели сия малая багателя ея сиятельству понравится, то не иначе как весьма приятно и радостно мне будет слышать. 01. 11. 1758. гр. М. П. Бестужев-Рюмин – гр. М. Л. Воронцову. // АВ 2 333. Она <табакерка> поразительно точно закрывается, “se ferme à merveille”, как сказали бы современные ей французы, а по изяществу она могла бы служить не только табакеркой, но и как “boîte à mouches” самой блестящей дамы королевского двора. Стар. годы 1913 февр. 14.

БУКЕТЬЕРКА и, ж. bouquetière f. веношница. Гельтергоф 1769 113. 1. *Продавица цветов.* Очаровательная в своём изящном кретоновом костюме “bouquetière Louis XV”, милая девушка словно пахнула на скученную толпу <маскарада> наивной грацией своих семнадцати лет, свежестью и непринужденностью ликующей молодости. Д. Позд-

няк Сквозь огонь страсти. // РВ 1887 4 777. По улицам разгуливали букетьерки с корзинками фиалок и подснежников, а на всех лестницах пахло гиацинтами, жонкилиями и нарциссами. Н. Северин В наше время. // РВ 1895 3 105. 2. Дама должна хорошенько запомнить кадрили, на которые она дала слово, в противном случае из этого бывают разные неприятности. Желательно, чтобы таблетки, привешиваемые на маленькой цепочке к букетьерке и служащие для записывания кадрилей, на которые дама ангажирована, вошли во всеобщее употребление. 1847. Соколов Светский человек 137.

БУРНУСНИЦА ы, ж. Мастерницы, бурнусницы и портнихи, а также ученицы нужны в модную мастерскую мадам Мари, близ церкви Св. Ермолая, Большой Козицкий пер. ВМГП 1882 № 76. Нужны мастерицы-бурнусницы, подуч.<енные> девочки на жалованье и девочки в ученье. Моск. листок 1906 № 249. Бурнусницы. Слов. проф. 1913.

ВЕР ДЕ ДРАГОН * *vert de dragon. Зелёный дракона цвет.* Привозимая в течение 1825 года сукна, полусукна, драп, дра-дедам, казимиры и трико зелёные темнее травяного цвета, также оливковые и бурые с зеленоватым отливом, если хотя мало подходят под разные оттенки мундирного цвета (*verd Dragon ou verd Russe*) высылать по разрешению министра финансов обратно. 1824. ПСЗ 45 Тарифы Отд. III 112.

ВЕРЖЕТКА и, ж. *vergette. Платяная щётка.* Использование многих галлицизмов в конце 20-х годов смонтировать, мариводаж, демимонденка, рамоли .. ампошировать .. рапе, вержетка, ноншалантность, апанаж, саше, жиро .. и др. замкнуто сферой интеллигентского говора. Гран. 1995 28.

ВЕРМИШЕЛЬ и, ж. *vermicelle m.* И каких только кружев не существует на свете: русское, бретонское, *torchon*, валансьенское, шантлийское, венецианское, гипюровое, алансонское, кружево цвета крем, кружево вермишель, кружево из золота, стали и стекла, испанское кружево и кружево малин. НРБ 1881 278.

ВУАЛЕТКА-ЛУ * Одна из наших читательниц спрашивает нас о разнице между вуалеткою – *loup* и вуалеткою – *masque*. Отвечаем на этот вопрос: вуалетка-*loup* полузакрывает лицо, лежит на нём почти плотно, но висит свободно; вуалетка-*masque* несколько шире и больше, но сдёргивается снизу, чтобы не пропускать пыли. Ваза 1864 169–170.

ГАРСОН garçon 1. Тип женщины 1919–1928 гг., похожей на подростка, тонкой, подвижной, с плоской грудью и узкими бедрами, с короткой стрижкой, подведёнными глазами, ярко накрашенными губами и с папиросой во рту. ЭМ 1997. 2. Стиль женской одежды, ставший доминирующим в Европе и США в 1920-е годы. По описанию русской эмигрантки балерины Нины Тихоновой, он означал следующее: «В то время ... мода требовала от дам чудом сделаться худыми и плоскими и одела их в короткие, до колена платья с талией на бедрах и декольте до пояса...» Чтобы достичь вида женщины-дощечки, многие вынуждены были носить бюстгальтер, полностью сглаживающий грудь. Модными стали брюки-гольф, жилеты с мужскими галстуками.. Мальчишеский вид подчёркивала и короткая стрижка. В советской России стиль «гарсон» ассоциировался с «нэпманским шиком» в женской одежде. Родина 2005 6 109.

ГУСИНЫЕ ЛАПКИ pattes d'oie. Художница, исполняющая должность «жрицы красоты», обмакивает кусочек ваты в лянолин, кольд-крем, вазелин или какую-нибудь особо приготовленную мазь, и слегка натирает ею лицо пациентки в течение нескольких минут .. Лоб массируют равномерно в обе стороны от переносья к вискам. Всего труднее вывести предательские морщинки по углам глаз, так называемая, гусиные лапки. Моды и спорт 1903 6 43.

ДАНТЕЛЬ КЮИР * Помимо суташа, на вышивку и отделку осенних вещей очень часто будут брать синель, аграмант, стеклярус и кожаное кружево (dentelle cuir). Для этого кружево вырезают из самой тонкой кожи ажурные узоры и смешивают эту вырезку с обыкновенными кружевами, шёлком и плюшем. Это более оригинально, чем красиво, и производит в моде большой фурор, но едва ли долго продержится. НРБ 1882 412.

ДИПУР а, м. обл. Гипюр. Ср.: дипюра. Кружевной дипур на груди у платья или блузки. Кофточка была туга, с дипуром. Центр. Красн.

ДУХИ Сем. калька фр. parfums. Для калькирования взято рус. сущ. дух 'запах'. Отмечается в Сл. Волчкова 1764 г, 2, 577. Ранее прямое заимствование парфумы («Лексикон о коммерции» 1747 г., 85). Арапова Кальки 96. Духи подходящие для молодой девушки: Brise de mai, brise de violettes, Jasmin, Lilly of Vally, Muguet, Mimosa. ДМ 1908 12 20.

ЖЁЛТЫЙ ЧИЖИКОВЫЙ jaune-serin. жон серен* Модный цвет ло-
щёных перчаток жёлтый-чижиковый. МТ 1829 XXX 520.

ЖЮП-ПОРТФЁЙ * «Юбка-портфель». Юбку осеннего сезона, так
называемую “jupon-portefeuille”, сразу можно отличить по двум глубо-
ким боковым складкам. Моды для всех 1911 № 9.

ЗЕФИРКА и, ж. zephyre m. *устар.* Входит Бобров, очень молодой че-
ловек, высокого роста и цветущий здоровьем; на нём коротенькое се-
рое пальто, которое в приказном быту слывёт под названием зефирки;
жилет и панталоны пестроты изумительной. Салт. Губерн. очерки. // 20-2 202. Если в нашей физической температуре градусник пошали-
вает так, что выйдя поутру в легкой «зефирке», можно к вечеру пере-
рядиться в енотовую шубу и нахлобучить на себя шапку с ушами.
Набл. 1890 5 2 35.

КАПУСТКА chou. *Пышный бант.* Воротнички, называемые guimpe à
la puritaine, шемизетки-chevalières, воротнички Petrarque, красивые
манжеты всех родов, чепчики Anne de Bretagne, маленькие кружевные
чепчики, очень короткие возле щёк и украшенные капусткою из розо-
вых атласных лент. ВПМ 1843 № 3.

КАРНАВАЛКА и, ж. carnaval. *фам.-мол.* Цветная расписная рубаш-
ка. У тебя красивая карнавалка. ССРГ 2003.

КАШНÁ ы, ж. обл. *Шейный шарф; кашне.* Абматаюсь, бывалоча,
кашной и дюжь типло. Орл. говор.

КОНСКИЙ ХВОСТ queue de cheval. Когда Люся была девятикласс-
ницей, только-только сменившей жидкие косички с пышными банта-
ми на гордый и независимый «конский хвост», она увлеклась поэзией,
вернее – поэтами. Люся находит себя. // Ленч 1971 17. Она сидит в не-
свежем домашнем халате и с «конским хвостом» на голове. А. Маме-
дов Миллион птиц. // ДН 2006 10 25.

КОТЕТКА и, ж. coquette кокетка. обл. 1. *Нарядный праздничный го-
ловной платок.* А щчас котётки носят на праздник или куда. У матери
моей котетка шелковая была. Новосиб. Котетки розовы и голубы бы-
ли, уголочек вышит, и на голове вышивается гладью нитками шёлко-
выми. Новосиб. 2. *Большой тёплый кашемировый платок, украшен-
ный кисточками.* Ежели зимой, то тулуп надевают, шаль или котетку

хорошу, платок такой красивый. Новосиб. Котетки – вязаны шерстяные большие платки с кистями, зимой носили. Новосиб. Сибирь.

ЛАКЕЙКА и, ж. laquais. обл. *Нижняя женская рубашка*. Лакейкой мы нижню сарочьку завём. У миня типерь ты лакейки-т, да смерти не изнасить. + Лакейки шыли сё большъ белыи. Морд. говор.

ЛЕПЁШКА и, ж. galette. Недавно на императрице Евгении надето было, во время прогулки, черное гренадиновое фуру, на черной тафте, и черный гренадиновый казак, также подбитый тафтой. На голове, лепёшка (galette) из черной соломы, с венком жёлтых левкоев. ММ 1866 156. Кругая шляпка galette, надетая на самый лоб – как их носят теперь – с синим (или зеленым) вуалем, обернутым вокруг тульи. Ваза 1867 462.

ЛИЗЁЗ Так как сверху <ночной рубашки> накидывают часто тёплое манто или так называемую “liseuse” (т. е. для чтения в постели), то лишняя пышная отделка утолщала бы фигуру. ДМ 1911 3 33–34.

МАКАРОНКА и, ж. macaroni. *Женская причёска, волосы, уложенные на затылке жгутом*. СДГ.

МАЛИРКА и, ж. tabatière emaillee эмалированная табакерка. обл. *Табакерка*. Малирку забыл, нюхать нечего, так голова болит. + Вместо табаку в малирку чаю наклал. + Всегда при себе малирку имел. Говор. Заб. 194. Ср. Малир.

МАНИКЮРИТЬСЯ manicure f. *Прихорашиваться, наряжаться, вертеться около зеркала; кокетничать, строить глазки*. Хватит маникюриться, и так опоздали (в гости). + Ты не маникюрься, а дело говори. Елистратов 2000.

МУТОНЕ moutonné. *Со структурой мутона*. Суконные ткани .. Пальто Гарибальди 4 р., пальто мутоне – 5 р., пальто пелисье 4. 50, пальто Непир 4. 75, пальто фризе 5 р., пальто негретти 5 р. Ратин 4. 75. Указ. выст. 1865 16.

НЕПРОМОКАЕМКА и, ж. impermeable. У Мары много дел в городе, она облеклась в мою харбинскую непромокаемку <курсив мой. – Н. Е. > и отправилась по всяким учреждениям. О. А. Толстая-Воейкова (1887–1936) Письма 1927 года. // Континент 2003 116 306.

ОБГОРЕВШЕГО ШЁЛКА ЦВЕТ *soie brûlée*. суа брюле. Фуро «цвета обгоревшего шёлка» отделано по подолу широкой полосой сконгса или соболя, и вышито букетиками. Сверху фуро длинный тюник из кружева «окре» (выкрашенное охрой). Парижанка 1909 № 12 22.

ПАЛЬЕВЫЙ ая, ое. *paille* солома. *То же, что палевый*. Видишь почти равное число шляпок.. из лент пальевых.. шляпок *en coquille* из широких белых лент – шляпок жёлтых соломенных *à la Pamela*, и множество других. ММ 1803 (3) 7 64–65. Летний костюм. Материалом для этого костюма может служить пальевый «этамин», его может заменить «ткань конгресс» и всякая другая летняя ткань. Общ. моды 1902 83.

ПАРАПЛЁЙ. *parapluie*. Дождевой зонтик, областн. нем., заимствов. с франц. *parapluie*. И. Желтов О рус. говоре в Риге. // ФЗ 1874 6 18.

ПИСТОНКА и, ж. *piston*. Пистонки (дырочки) для шнуровки ставятся на расстоянии 2 сант. одна от другой (в талии немного ближе друг к другу). ДМ 1914 № 1.

ПОЛУБРЕТЕЛЬКИ ек, мн. Короткий костюм. Модель наша сделана из темносиняго кашемира (*bleu marine*). На длинный казакин нашиваются бархатные полубретельки и маленькая полужилетка, которая гарнирована пуговицами. ИМ 1879 113. Корсаж из шёлковой кожи открытый на бархатном пластроне, с полубретелью из броше, кончающейся патою. ВМ 1888 № 13 145.

РУЖ *rouge à levres*. *эмигр*. Губная помада, *то же, что руж а левр*. Только красящиеся дамы думают, что "руж" чем-то благороднее красной мази. М. Осоргин Слова. // РР 1988 5 63. Лидия Львовна спела под гитару «Отцвели уж давно хризантемы в саду», потом вдруг зарыдала, потом вынула руж, накрасила губы и как пошла, с абажурчиком в руке, русскую откалывать, так прямо у всех сердце заёкало, а уж о стаканах не говорю – как колокольчики дребезжали. 1927. До первого метро. // Дон-Амин. 1994 455.

РЮШИРОВАТЬ *rucher*. *То же, что рюшевать*. Рукава тюлевые, очень пышные и лёгкие, пробраны вдоль рюшированной тафтой того же красной смородины цвета. Мерк. мод 1859 55. Чепчик, убранный рюшированной блондочкой. Гирлянда 1859 № 1.

СОРТИ ДЕ БАЛЬ * *sortie de bal*. 1. *Накидка без рукавов, иногда с очень широкими рукавами, предназначенная для особого нарядного вычурного фасона платья (преимущественно бального), на которое нельзя надеть мантио или накидку обычного покроя, чтобы его не измять.* Кирсанова 1995 258. Для этого наряда Помпадур сделано сорти из белого кашемира, на белой тафте, обшитое лебяжьим пухом. ММ 1863 23.

СЮИВЕ-МУА * *suivez-moi*. *Следуйте за мною.* Вы обвязываете длинные ленты вокруг шеи, концы которых развеваются далеко за вами; эти ленты на языке модисток называются "*suivez-moi*", и вы удивляетесь, что вас преследуют. Вы носите кокарды на юбке, называемые "*protegez-moi*"<протезе-муа окажите покровительство>, и удивляетесь, когда вам желают оказать эту услугу. Дело 1871 7 2 70.

ТАБЛЕТКИ мн. *tablette*. *студ.* *Очки с круглыми стеклами.* Вальтер 2005.

ТАНГОВЫЙ ЦВЕТ *tango* m. *Оранжевый с коричневым оттенком цвет. Название по одноименному танцу.* [Жена:] Мамаша, какой лифчик мне больше к лицу – бордовый или танго? [Теща:] Танговый. СБ 1927 69–70 4.

ТАФТА ПОМПАДУР *taffetas Pompadour*. Светлая тафта Помпадур, также как одноцветное глазе: розовое, голубое, перловое и палевое – употребляются преимущественно для вечерних нарядов. Мода 1852 31. Платье из тафты *Pompadour* сераго цвета. Сандрильона 1859 № 8 - 9.

ТИГРИН а, м. *tigrine*. *Французская из шелка и козьего пуха, или тонкой камвольной шерсти материя.* Вавилов 1856. Материя из шёлку и мягкой шерсти называется *тигрин*; она выткана самым мелким узором из двух цветов. Молва 1834 VIII 218.

ТОННО нескл., ср. *tonneau* m. бочка. 1. В 1916 году появился силуэт "тонно": юбка сохраняя указанную длину (на 15–20 см. выше щиколотки), приобрела вид бочонка. СТИТ 1985 6 20.

ТРУССО Д'АНФАН * *Детское приданое.* Детское белье и крестильные сорочки, *trousseaux d'enfants*, получены только что в огромнейшем выборе и по умеренным ценам. ВМГП 1858 1502.

ФАМ А ЛА МОД * *femme à la mode*. Галантная, светская женщина, объект для подражания. Ее <жену Квитко-Основьяненко> постоянно можно было застать за чтением легитимистского журнала: "La mode", хотя вовсе не была "femme à la mode". ОЗ 1855 12 2 108. Никого особенно не желала встретить на бале, но знала, что убью несколько часов среди весёлой светской молодежи, и название "femme à la mode" льстило моему самолюбию. Ольга N*** Восп. на даче. // РВ 1874 7 389.

ФИФА ы, ж. *fi-fi прост.* Модница с претензиями. – Вырядилась, как фифа какая. А. Кабаков Последний герой. // Знамя 1995 9 11. Белу шаль наденешь и идёшь – кака фифа! Блинова 2003.

ХАМЕЛЕОНЫ *caméléon*. Колготки-хамелеон и колготки-хамелеоны, колготок-хамелеонов. Говорят, на «чёрном» рынке появились колготки-хамелеоны, приобретающие окраску в зависимости от цвета платья. Правда 24. 8. // СМ-89.

ЧИЖИКОВЫЙ ЦВЕТ *serin серен** Самые модные, новые цвета атласов, употребляемые для шляпок, суть: *ноготковый* (*souci*) и *чижиковый* (*serin*). С тем и другим цветом ленты бывают черные. МТ 1830 35 Моды.

ШАНЕЛЬКИ. Снова актуальны шанельки – классические босоножки с закрытым носком и череспяточным ремешком, придуманные ещё в середине прошлого века легендарной Коко. Не менее стильно смотрятся босоножки с ремешком-браслетом, застегивающимся в области лодыжки. Ателье 2006 № 6 53.

ЯПОНША и, ж. *éponge. прост.* В 50-е годы в моде были платья из эпонжа, который простодушное население <Забайкалья> именovalo «японшей». Клетчатая «японша» имела на вид шероховатую и губчатую поверхность, хотя сама ткань была мягкой, считалась «шерстяной», но производили ее из хлопчатобумажной, полушёлковой или вискозной ткани. Варфолом. 2009 42.

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ РАСТЕНИЙ¹

Составитель **Нина Маркова**

РУССКИЙ	АНГЛИЙСКИЙ	ЛАТИНСКИЙ
Мм		
маакия амурская	Amur maackia	Maackia amurensis
магалебка (кучина, черё- муха-антипка)	mahaleb cherry, Saint- Lucy cherry	Padus mahaleb L. (Rosaceae)
магнолия	magnolia	Magnolia L. (Magnoliaceae)
магнолия крупноцветко- вая	evergreen magnolia, southern big-flower mag- nolia	Magnolia grandiflora
магнолия обратнойце- видная	inversely heart-shaped silver magnolia, white- leaf Japanese magnolia	Magnolia obovata
мадронья (земляничное дерево)	madrona, madrone, madrono	Arbutus menziesii
маис (кукуруза обыкно- венная)	corn, flint corn, Indian corn, maize	Zea mays L. (Gramineae)
майник	maianthemum	Maianthemum Web. (Liliaceae)
майник двулистный	bifoliate bead-ruby, two- leaved bead-ruby	Majanthemum bifolium
майоран (душица)	marjoram	Origanum majorana L. (Majorana Mill.) (Labiatae)
майоран садовый	sweet marjoram	Majorana hortensis (Origanum majorana)
мак	poppy	Papaver L. (Papaveraceae)
мак амурский	Amur poppy	Papaver amurense N. Busch) Tolm.
мак декоративный (мак садовый)	shirley	Papaver rhoeas L. (Papaveraceae)
мак опийный	poppy	Papaver somniferum
мак-самосейка	cheese-bowel, corn poppy, field poppy	Papaver rhoeas L. (Papaveraceae)
мак-семя	poppy-seed	Papaver semen

¹ См. начало в журнале «Переводчик» № 9, 2009, СС. 185–206.

мак-снотворный	opium poppy	<i>Papaver somniferum</i>
маклюра (апельсин-оседж)	osage-orange	<i>Maclura pomifera</i> Nutt.(Moraceae)
мако (египетский длин-новолокнистый хлопок)	maco	—
макротомия	prophet-flower	<i>Macrotomia</i> DC. (Boraginaceae)
малахра	wild ochra	<i>Malachra</i> L. (Malvaceae)
малина американская красная	American red raspberry	<i>Rubus strigosus</i>
малина Комарова	Komarov raspberry	<i>Rubus komarovii</i> Nakai
малина корейская	Korean raspberry	<i>Rubus coreanus</i>
малина лесная (малина обыкновенная)	raspberry, European rasp- berry, red raspberry	<i>Rubus idaeus</i> L. (Rosaceae)
малина северо-американская	thimbleberry, black- raspberry	<i>Rubus occidentalis</i> L. (Rosaceae)
мальва (калачики, про-свирник, просвирняк)	mallow	<i>Malva</i> gen.
мальва лесная (просвир-ник лесной)	high mallow, round dock, wild mallow	<i>Malva silvestris</i> L.
мальва придорожная (просвирник пренебре-жённый)	cheese flower	<i>Malva neglecta</i>
мальваструм	false-mallow	<i>Malvastrum</i> A. Gray (Malvaceae)
малькольмия	Malcolm stock	<i>Malcolmia</i> R.Br. (Cruciferae)
мальпигия	Barbados-cherry	<i>Malpighia</i> Plum. (Malpighiaceae)
мамиллярия	nipple-cactus	<i>Mamillaria</i> Haw. (Cactaceae)
мамонтово дерево (вел-лингтония, секвойя ги-гантская)	big-tree, mammoth tree	<i>Sequoia gigantea</i> , <i>Wellingtonia</i>
мамура (поленика)	arctic bramble	<i>Rubus arcticus</i> L. (Rosaceae)
манго (манговое дерево)	mango	<i>Mangifera</i> L. (Anacardiaceae)
мангольд (кормовая свёк-ла, свёкла листовая)	leaf beet, mangold, spin- ach beet, Swiss chard	<i>Beta vulgaris</i> L. var. <i>cicla</i> Moq. (Chenopodiaceae)
мангровое дерево	mangrove	<i>Rhizophora mangle</i>

мангустан	mangosteen	Garcinia mangostana L. (Guttiferae)
мандарин благородный	king orange, mandarine, mandarin orange, tangerine	Citrus nobilis Lour. (Rutaceae)
мандрагора	devil's apple, mandrake, podophyllum	Mandragora L. (Solanaceae). Podophyllum peltatum
мандрагора аптечная (мандрагора лекарственная)	medicinal mandrake	Mandragora autumnalis
мандрагора лекарственная (мандрагора аптечная)	medicinal mandrake	Mandragora autumnalis
манжетка	lady's mantle	Alchemilla L. (Rosaceae)
манжетка обыкновенная	common lady's mantle, lady's mantle	Alchemilla vulgaris
маниок	cassava, manioc, tapioca	Manihot L. (Euphorbiaceae)
маниока	cassava	Iatropa manihot
манник	manna-grass, sweet grass	Glyceria R. Br. (Gramineae)
манцинелла	manchineel	Hippomane mancinella
маралий корень (рапунтикум)	carthamoid rhapontic	Rhaponticum carthamoides
маранта	arrowroot	Maranta Plum. (Zingiberaceae)
маранта вест-индская (маранта тростниковая)	Bermuda arrowroot, West-Indian arrowroot	Maranta arundinacea
маргаритка	dog daisy, English daisy, true daisy	Bellis L. (Compositae)
маргаритка многолетняя	English daisy, European daisy, garden daisy	Bellis perennis
марена	madder	Rubiaceae fam.
марена грузинская	Iberic madder	Rubia iberica
марена красильная	common madder, European madder, madder	Rubia tinctorum L. (Rubiaceae)
марена муньи́ста	munjista madder	Rubia munjista
марена сердцелистная	Indian madder	Rubia cordifolia L.

марзанка	squinancy	Asperula cynanchica L. (Rubiaceae)
марсилея (марсилия)	pepperwort	Marsilea L. (Marsileaceae)
мартиния	unicorn plant	Martynia Houst. (Proboscidea Schmid.) (Pedaliaceae)
маршанция	stone liverwort	Marchantia L. (Marchantiaceae)
марь	allgood, goosefoot, fat-hen	Chenopodium L. (Chenopodiaceae)
марь амброзиевидная (ие- зуитский чай, картезиан- ский чай, марь благовон- ная, марь благоухающая, марь полыннолистная)	Mexican tea, wormseed goosefoot, wormseed tea	Chenopodium ambrosioides
марь белая	frost-blite	Chenopodium album
марь вонючая	stinking goosefoot	Chenopodium vulvaria
марь головчатая (жмин- да)	blite goosefoot, strawberry blite	Chenopodium capitatum (L.) Aschers. (Blitum capitatum L.) (Chenopodiaceae)
марь многосемянная	allseed	Chenopodium polyspermum
марьин чертополох (ост- ро-пёстро, расторопша пятнистая)	holy thistle, milk thistle, Saint-Mary thistle	Carduus marianus (Silybum marianum)
марьянник	cow-wheat	Melampyrum L. (Scrophulariaceae)
марьянник дубравный (иван-да-марья)	blue cow wheat	Melampyrum nemorosum L. (Scrophulariaceae)
маслина (олива)	olive	Olea europaea L. (Oleaceae)
маслина дикая (дикая маслина, лох узколист- ный)	oleaster, Russian olive, silverberry	Elaeagnus angustifolia L. (Elaeagnaceae)
маслина европейская (олива)	common olive	Olea europaea
масличная пальма	oil palm	Elaeis

масляник	annulated boletus, yellow boletus	<i>Boletus luteus</i> Fr. (Boletaceae).
мастиковое дерево	lentisk	<i>Pistacia lentiscus</i>
мате (падуб парагвайский, парагвайский чай, парагвайское чайное дерево)	Paraguay tea, yerba mate	<i>Ilex paraguayensis</i>
матико, перец узколистный	matico, matico pepper, soldier's herb	<i>Piper angustifolium</i>
маточник болотный (остерикум болотный)	bog angelica	<i>Ostericum palustre</i> Hoffm. (Umbelliferae)
мать-и-мачеха	colt's foot, foal-foot	<i>Tussilago farfara</i> L. (Compositae)
мать-и-мачеха обыкновенная (камчужная трава)	common colt's-foot, common bull's-foot	<i>Tussilago farfara</i>
маун (валериана)	valerian	<i>Valeriana</i> L. (Valerianaceae)
маун аптечный (валериана лекарственная)	cat's valerian, common valerian, wild great valerian	<i>Valeriana officinalis</i>
махорка	common tobacco, rustic tobacco	<i>Nicotiana rustica</i> L. (Solanaceae)
мачок жёлтый (глауциум жёлтый)	sea poppy, yellow horn poppy	<i>Glaucium flavum</i> (Glaucium luteum)
маш	green gram, mung bean	<i>Phaseolus aureus</i> Roxb. (Leguminsae)
маш-салат (валериана овощная, рапунцель)	corn-salad	<i>Valerianella olitoria</i>
медвежье ухо (коровяк обыкновенный)	Aaron's rod, barren myrtle, common mullein, faltwort, flannel mullein, great mullein, Jupiter's-staff, shepherd's club, torch bearberry	<i>Verbascum thapsus</i> L. (Scrophulariaceae)
1. медвежье ушко (медвежья ягода, толокнянка)	1. bearberry	1. <i>Arbutus uva-ursi</i> (син. <i>Arctostaphylos uva-ursi</i>). L. (Ericaceae)
2. медвежье ушко (первоцвет, аврикула)	2. bear's ear	2. <i>Primula auricula</i>
медвежья ягода (медвежье ушко, толокнянка)	1. bearberry 2. buckberry	1. <i>Arbutus uva-ursi</i> (Arctostaphylos uva-ursi) L. (Ericaceae) 2. <i>Gaylussacia ursina</i>

медонос (медоносное растение)	nectariferous plant	
медоносный	nectariferous, melliferous	nectarifer, mellifer
медуница (лёгочная трава)	lungwort	Pulmonaria L. (Boraginaceae)
медуница лекарственная	common lungwort, medicinal lungwort	Pulmonaria officinalis
меконописис уэльский	Welsh poppy	Meconopsis cambrica L. (Papaveraceae)
мексиканская пенька	henequen	Agave fourcroydes
мелиант	honey-flower	Melianthus L. (Melianthaceae).
мелисса лекарственная (мелисса лимонная, мята лимонная)	bergamot mint, common balm, garden balm, lemon balm	Melissa officinalis L. (Labiatae)
мелия азедарах (мелия гималайская, мелия иранская)	chinaberry tree, China tree, Indian melia, margosa, Persian lilac, pride-of-India	Melia azedarach (син. Melia japonica)
мелия гималайская (мелия азедарах, мелия иранская)	chinaberry tree, China tree, Indian melia, margosa, Persian lilac, pride-of-India	Melia azedarach (син. Melia japonica)
мелкий турецкий горошек	gram	Cicer arietinum
мелколепестник	fleabane	Erigeron L. (Compositae)
мелколепестник канадский	butterweed, Canadian fleabane, colt's tail, horseweed fleabane, prideweed	1. Conyza canadensis (син. Erigeron canadensis) 2. Erigeron canadensis
мелокактус	melon cactus	Melocactus Link. et Otto (Cactaceae)
мениспермум даурский (луносемянник даурский)	Asiatic moonseed, Dahurian moonseed	Menispermum dahuricum
мертензия	smooth lungwort	Mertensia Roth. (Boraginaceae).
метаплексис японский	Japan metaplexis	Metaplexis japonica
метёлка (форма соцветия)	panicle, tassel	panicula
метличка абиссинская	teff	Eragrostis abyssinica
метлица полевая	corn grass	Apera spica-venti P.B. (Gramineae).

метросидерос	rata tree	Metrosideros Banks. (Myrtaceae).
меум	spignel, baldmoney	Meum Adans. (Umbelliferae).
мечекорень (аир обыкновенный, аир тростниковый, ирный корень)	myrtleflag, sedge cane, sedge rush, sweet-flag	Acorus calamus
меченосница (секуригера)	hatchet-vetch	Securigera coronilla DC. (Leguminosae)
меч-трава	twig-rush	Cladium P.B. (Cyperaceae).
микромерия	micromeria	Micromeria Benth. (Labiatae).
мимоза	mimosa	Mimosa gen.
мимоза стыдливая	humble plant, sensitive plant	Mimosa pudica L. (Leguminosae)
миндаль (орех двойчатка)	almond, philippina	Amygdalus L. (Rosaceae)
миндаль земляной (чуфа, сыть съедобная)	chufa, earth almond, earth flat sedge, rush nut, yellow nut sedge	Cyperus esculentus L. (Cyperaceae)
миндаль обыкновенный (миндаль горький)	bitter almond	Amygdalus amara (Amygdalus communis) L. (Rosaceae)
миндаль сладкий	sweet almond	Amygdalus dulcis
1. мирабель (вишнеслива)	1. cherry plum	1. Prunus cerasifera
2. мирабель	2. mirabelle	2. Prunus insititia var. syriaca)
Мирабилис (ночецвет)	four'-o'-clock, marvel-of-Peru	Mirabilis L. (Nyctaginaceae)
мирикария	German tamarisk	Myricaria Desv. (Tamaricaceae)
миробалановое дерево (терминалия хебула)	chebula terminalia, Indian almond	Terminalia chebula
мироксилон (мироксилон бальзамоносный)	balsam-of-Peru	Myroxylon L. (Leguminosae). Myroxylon balsamum (Myroxylon pereirae)
мирра (миррис)	myrrh, sweet cicely	Myrrhis L. (Umbelliferae)
мировое дерево (бальза-	myrrhis, myrrh tree	Commiphora

мовое дерево, коммифора)		molmol
мирт	myrtle	Myrtus L. (Myrtaceae)
мирт болотный (восковица обыкновенная)	golden withy, sweet gale	Myrica gale L. (Myricaceae)
мискантус (серебряная трава)	eulalia, silver-grass	Miscanthus Anderss. (Gramineae)
мителла	bishop's-cap, mitrewort	Mitella L. (Saxifragaceae)
митчелла	partridge-berry	Mitchella
мицелий (грибница)	mycelium	mycelium
млечник (глаукс)	sea milkwort	Glaux L. (Primulaceae)
млечники	latex tubes, latex vessels	vasa lactifera
многобородник	beard-grass	Polypogon Desf. (Gramineae)
многокоренник обыкновенный	greater duck's-meat, greater duckweed	Spirodela polyrhiza
многоножка	polybody	Polypodium L. (Polypodiaceae)
многоножка обыкновенная (сладкокорень)	common polybody, golden locks, sweet fern, rock brake, wall fern	Polypodium vulgare
многоножка сибирская	Siberian polybody	Polypodium sibiricum Sipliv. (Polypodiaceae)
многоплодник	allseed	Polycarpon Loefl. (Caryophyllaceae)
многорядник	Christmas fern	Polystichum Roth. (Polypodiaceae)
могар	foxtail millet	Setaria italica P.B. (Panicum italicum L.) (Gramineae)
могильник (гармала)	Syrian rue	Peganum harmala L. (Rutaceae)
можжевельник	juniper	Juniperus L. (Cupressaceae)
можжевельник даурский	Dahurian juniper	Juniperus davurica Pall (Cupressaceae)
можжевельник испанский	prickly juniper	Juniperus oxycedrus L.

можжевельник казацкий (можжевельник казачий)	cover-shame, creeping juniper, savin(e) juniper	(Cupressaceae) Juniperus sabina L. (Cupressaceae)
можжевельник китайский	Chinese pyramid juniper, pyramid Chinese juniper	Juniperus chinensis
можжевельник ложноказацкий	pseudo creeping juniper, pseudosavin(e) juniper	Juniperus pseudosabina Fisch. C.F. Mey (Cupressaceae)
можжевельник обыкновенный	common juniper	Juniperus communis L. (Cupressaceae)
можжевельник сибирский	Siberian juniper	Juniperus sibirica Burgsd. (Cupressaceae)
мозговой горох	marrowfat pea, marrow pea	—
моллюго	carpet-weed	Mollugo L. (Mesembryanthemaceae)
мокрая головня	bunt	Tilletiaceae
мокрица (звездчатка полевая, звездчатка средняя)	chickweed, common chickweed, winterweed	Stellaria media Vill. (Alsine media L.) (Caryophyllaceae)
мокрица алзина	alsine	Alsine spp.
мокричник	chickweed	Alsine spp.
молиния	molinia	Molinia Schrank. (Gramineae)
моллюго	carpet-weed	Mollugo L. (Mesembryanthemaceae)
молодило	houseleek	Sempervivum L. (Crassulaceae)
молодило горное	mountain houseleek	Sempervivum montanum
молодило кровельное	hen-and-chickens, Jupiter's beard, roof houseleek	Sempervivum tectorium
молодое деревце (особенно дуб)	spear	—
молокан (латук, салат)	lettuce	Lactuca L. (Compositae)
молочай	spurge, devil's milk, milkweed, wolf's-milk	Euphorbia L. (Euphorbiaceae)
молочай даурский	Dahurian spurge	Euphorbia dahurica Peschkova

молочай Зибольда	Siebold's euphorbia	Euphorbia sieboldiana
молочай Каро	Karoi spurge	Euphorbia karoi Freyn
молочай приземистый (молочай распростёртый)	prostrate spurge	Euphorbia humifusa Willd
молочай смолоносный	gum euphorbia	Euphorbia resinifera
молочай солнцегляд	sun spurge, sun euphorbia	Euphorbia helioscopia L. (Euphorbiaceae)
молочай Фишера	Fischer spurge	Euphorbia fischeriana Steud
молочай чиновидный	caper-spurge, mole plant	Euphorbia lathyris L. (Euphorbiaceae).
момордика	balsam apple	Momordica balsamina L. (Cucurbitaceae)
монарда	horse-mint	Monarda L. (Labiatae)
монарда двойчатая	geminate horsemint, Oswego tea	Monarda didyma L. (Labiatae)
монарда точечная	dotted horsemint	Monarda punctata L. (Labiatae)
монция	blinks, waterblinks	Montia L. (Portulacaceae)
мордовник	globe thistle	Echinops L. (Compositae)
мордовник даурский	setiferous globe thistle	Echinops setifer
мордовник круглоголовый (мордовник шароголовый, мордовник широкоголовый)	common globe thistle, roundheaded globe thistle	Echinops sphaerocephalus L. (Compositae)
моринга	horse-radish tree	Moringa Burm. (Moringaceae)
морковник	pepper-saxifrage	Silene Bernh. (Umbelliferae)
морковь	carrot	Daucus carota L. (Umbelliferae)
морковь дикая (морковь обыкновенная)	carrot, wild carrot	Daucus carota L. (Umbelliferae)
морозник (геллеборус, зимовник)	hellebore, bear's-foot, Christmas rose	Helleborus L. (Ranunculaceae)
морозник кавказский	Caucasian hellebore	Helleborus abchasicus

морозник красноватый	reddish hellebore	(Helleborus caucasicus) Helleborus purpurascens L. (Ranunculaceae)
морозник чёрный	black Christmas rose, black hellebore	Helleborus niger
морошка	baked-apple berry, cloud- berry, salmon berry	Rubus chamaemorus L. (Rosaceae)
морская водоросль	seaweed	Alga
морская капуста (ламина- рия пальчатая, ламинария пальчаторассечённая)	palmatisected sea tangle	Laminaria digitata
морская трава	eel-grass, sea-grass	Zostera marina
морской лук	sea-onion	Urginea maritima Baker (Liliaceae), Scilla maritime (Liliaceae)
морщина (складка)	ruga, wrinkle, crinkle	ruga
мотыльковые растения	papilionaceous plants	Papilionaceae
мох	moss	Muscus
мохнатоголовый	shaggy-headed	villiceps
мохнатоплодный	shaggy-fruited	villicarpus
моховидный	muscoid, moss-like	bryoideus, muscoideus
мох олений (ягель)	reindeer moss, cup moss	Cladonia rangiferina Hoffm. (Cladoniaceae)
мох торфяной (сфагнум)	bog moss, peat moss	Sphagnum (Dill.) Ehrh. (Sphagnaceae)
мочальная тыква (люффа цилиндрическая)	towel-gourd, Suakwa vege- table sponge	Luffa cylindrica
мужской папоротник (щитник)	1. aspidium 2. dead-man's hand	1. Aspidium filix mas. 2. Dryopteris filix-mas
мужской цветок	staminate flower	flos masculus
мускатник (душистый орех, мускатное дерево, мускатный орех)	common nutmeg	Myristica fragrans (Myristica officinalis)
мускатное дерево (души- стый орех, мускатник, мускатный орех)	common nutmeg	Myristica fragrans (Myristica officinalis)

мускусная дыня (дыня канталупка)	musk- melon	Cucumis melo var. cantalupensis
мускусная роза	moss rose	Rosea muscosa
мускусная роза	musk rose	Rosa moschata
мускусная трава (тысячелистник мускусный, цикламеновая трава)	musky yarrow	Achillea moschata (Achillea erba-rotta ssp. Moschata)
мускусница обыкновенная	musk root	Adoxa moschatellina
мускусное дерево	abelmosk	Hibiscus moschatus
мускусное дерево	musk-tree	Marlea spp. et. al.
мустанг (техасский виноград)	mustang grape	Vitis candicans
мутовка	whorl, verticil	verticillus
мутовчатый лист	verticillate leaf	folium verticillatum
мухомор	amanita, fly agaric	Amanita muscaria (Fr.) Quel. (Agaricaceae)
мухомор красный	fly agaric, fly amanita	Amanita muscaria (Agaricaceae)
мучная трава (лебеда садовая)	garden orache, garden orach	Atriplex hortensis
мучнистая кукуруза	flour corn	Zea amylacea
мушмула	medlar	Mespilus L. (Rosaceae)
мушмула японская (локва)	loquat, biwa	Eriobotrya japonica Lindl. (Rosaceae)
мхи (листочекельные)	true mosses	Musci
мшанка	pealwort, pearlwort	Sagina L. (Caryophyllaceae)
мыльная трава (мыльнянка лекарственная)	bouncing Bet, gilliflower soap wort, hedge pink, London prode, mock, old maid's pink, world's wonder	Saponaria officinalis
1. мыльное дерево (сапидус) 2. мыльное дерево	1. soapberry 2. koelreuteria	1. Sapindus gen. 2. Koelreuteria Laxm. (Sapindaceae)
мыльный корень	soap-root	Gypsophila gen.
мыльнянка	soapwort	Saponaria L. (Caryophyllaceae)
мыльнянка лекарственная (мыльная трава)	bouncing Bet, gilliflower soap wort, hedge pink,	Saponaria officinalis

	London prode, mock, old maid's pink, world's wonder	
мытник (вшивица)	lousewort	Pedicularis L. (Scrophulariaceae)
мышатник (термопсис)	thermopsis	Thermopsis
мышехвостник	mouse-tail	Myosurus L. (Ranunculaceae)
мышиное ушко (ястре- бинка волосистая)	felon herb, mouse-ear hawkweed, pilosa hawk- weed	Hieracium pilosella
мышиный горошек	tufted vetch, wild vetch	Vicia cracca
мягкая часть цветочного бутона	spadix	spadix
мягковолосник водный	water chickweed	Malachium aquaticum Fries. (Cerastium aquaticum L.) (Caryophyllaceae)
мякотница	bog orchis	Malaxis Soland. (Orchidaceae)
мясистоплодный	sarcocarpous	sarcocarpus
мята	mint	Mentha L. (Labiatae)
мята болотная	origanum, pennyroyal	Mentha pulegium
мята водная	water mint	Mentha aquatica
мята зелёная (мята коло- совая)	spearmint, common mint, spike-like mint	Mentha spicata
мята колосистая (курча- вая)	spearmint	Mentha spicata
мята лимонная	bergamot mint	Mentha citrata
мята перечная (чёрная)	brandy mint, black mint, peppermint, pepper mint	Mentha piperita
мята полевая	corn meat, field mint	Mentha arvensis
мятлик	meadow-grass	Poa L. (Gramineae)
мятлик луговой	June-grass, Kentucky blue- grass, meadow grass	Poa pratensis L. (Gramineae)
мятлик обыкновенный	fowl-grass	Poa trivialis

Земля Даурская

Лариса Храмова

Глава III. «Поговорим о временах...

(из книги «Тот храм, построенный из бревен...»¹)

Перевод на английский Татьяны Сухановой

Chapter III. «Let's Talk about the Time...»

Chitinsk of the first half of the 18th century was a small settlement with a limited number of residents who were not well-off and could not provide the parish with means of subsistence, although eighteen neighboring villages were part of the parish in 1710. It often happened that tax gatherers returned with no tribute. It was a common thing when priests left their parishes because of their disastrous state or just fled away being unable to put up with hardships of daily life. It was not by chance that a decree issued by His Emperor's Highness ordered the priests to keep to their parishes and not to "go further than 30 versts away from the parishes without a written permit"². In 1725 however archpriest Markiyan Grigoriev (Titov) left his parish for Selenginsk for the unknown reason. It was soon reported to the Nerchinsk Clerical Directory about his departure, but there is no documented information whether he was punished for his misconduct or not.

Still something went wrong in Markiyan Titov's life: following the Order of April 18, 1739 he was "altogether deprived of his priesthood" and they "let him go as a common man". He was forbidden to ever call himself "not only an archpriest, but even a priest". The report to the Nerchinsk consistory about his punishment was made by hierimonach Job, the vicar of the Nerchinsk Uspensky monastery in answer to the Order of Innokenty, Archbishop of Irkutsk and Nerchinsk. This information was sent round the Eparchy and Job informed superior bodies about it.

¹ Лариса Храмова «Тот храм, построенный из бревен...». Чита, издательство «Экспресс», 2012.

² All quotations are borrowed from the documents kept in the State Archive of Zabaikalsky Krai.

However, as it is clear from the documents this stain on the father's biography did not prevent his children from career advancement, which is true of Iohann Markiyanov who in 1738 made a census list and mentioned that his father "was justly punished". Two other Markiyan Titov's sons served with diligence as church priests for a long time – his second son Nikita and the youngest son Yepifan.

Each parish had a small farm which helped it survive, but two years were not alike. For instance, the schedule of residue for 1741 listed 60 roubles and 33 kopecks, church wine, labdanum, wax, honey, fire wood, wheat flour, tea leaves. In 1748 the money remains grew to 169 roubles. Iohann Markiyanov stated in his report for 1749 that the Chita Archangel Church had 18 horses and 93 cows. In 1759 however Nikita Markiyanov reports of a much worse situation: the parish has only one horse and 24 cows. Evidently it was not good time for the Chita church, as the priests reports to the Nerchinsk Clerical Directory this same year about the disastrous state of the parish "There are silver vessels in the church but they are quite decrepit and it is dangerous to administer church rites with them. There are no means to buy new ones, so it is necessary to collect money both to build a new church and to buy new vessels", for this His Emperor's Decree was necessary. The church plate also included books. The Decree issued by His Emperor's Highness ordered to send round printing lists to be studied for further order of the books. The churches paid for these books with their own money. At the same time old books were withdrawn from use and sent to Nerchinsk.

In January 1744 Iliya Ivanov (Kabakov), the priest of Chita Archangel Church got in accordance with his request a shipment of prayer books, he had to distribute some of them among other parishes. The next year a new order for books worth 31 roubles 67 kopecks was made by Iohann Markiyanov (Titov). He replaced Iliya Kabakov who had been transferred to the Nerchinsk Cathedral to serve as an ecclesiarch there. Although this year was marked by wholesale deaths, Iohann Titov was bringing together old prayer books in the nearby churches, in the Chita ostrog there were only two copies of the Octoechos; in the Yeravninsk ostrog there was one copy of "Apostle" which remained in the parish for there were no other books. In 1746 a printed book "Concordance to the Bible" was sent to Chitinsk which cost the parish 2 roubles. The money was sent to Nerchinsk "with the townsman Feodor Beregov". It should be mentioned here that that as a result of the Moscow Printing House activities at that time there began to form a new type of prayer books of the so called "church circle" which enabled appropriate public worship. It

was finally sanctioned by the Empress Catherine II in her Decree of September 11, 1772. Thus the list of books was defined which included: "Apostle", monthly Menology, general Menology "with feasts", Lenten Triodion, Flowery Triodion, Church Discipline, the Psalm Book, Books of Eight Tones, Euchology, the Small Euchologion, the Large Euchologion, Hirmologion, the Canon, the Greater Synaxarion, the Catechism and some other books. It was ordered to send the list to all parishes and then "to inform the Holy Synod how many books the parishes had to obtain to make the church circle of books complete".

There is no information whether there were icons in the Archangel Church at that time, but in February 1745 quite an unusual order reached Chita which was about "printed images of Christ, Mother of God and Saints made on paper from wooden plates which were treated as a result of the violation of holy rules".

Time has proved to be a better judge and now we can buy reproductions of the kind at reasonable prices. Some fifteen years later in May 1761 a new order first came to Nerchinsk and then to Chita Ostrog which concerned "the latter day miracle-worker Dmitry Rostovsky and his miracles which had not been tested by the Holy Synod, the same attitude applied to other saints". This order was issued as a response to the fact that in Moscow and St. Petersburg they started to sell "unskillful wooden plates with the images of new saints", thus it was "strictly forbidden to sell those without prior testing". Icons were brought to remote Siberia from the places where the craft of icon painting was flourishing. Holy images were painted on wooden plates and taken to Siberia by Suzdal "economic" peasants. Their names have been preserved till our time through documents: they were Pavel Yegorov and his son Ivan Pavlov, and also Feodor Petrov and his son Pavel. In Transbaikalia there were skilful icon painters as well: in the village of Shiveya there lived and worked icon painter Yefim Sverkunov, in Kyakhta Petr Yudin was engaged in icon painting.

The new year of 1746 stuck in the memory of Iohann Makiyanov (Titov) for two reasons: one was the matter of state importance, as that year the Great Prince Petr Feodorovich (grandson of Peter the Great) contracted matrimony with the Great Princess Yekaterina Alekseevna (future Empress Catherine II). For this occasion as it was ordered "in Chitinsk in Nikolayevskaya Church a thanksgiving service was held with all-day bell ringing". Iohann Titov reported about the church service to Nerchinsk the next day. Another event concerned him in person, in December 1746 I. Titov was administered the oath and joined priesthood.

The ceremony took place in Doroninsk Church with the priest Martinian Malkov's participation. Special attire was provided for the ceremony which was later taken back to Nerchinsk Clerical Directory. For many years Iohann Titov served in Chitinsk Archangel Church protecting it against possible harm and taking care of its congregation. Thus in 1748 he repeatedly reported to Nerchinsk Directory that "those who were sent for life to work in silver mines were a constant threat for the well-being of the ostrog". He worried about the possibility of an arson or plunder of the church.

What made things worse was the fact that the house where the priest lived was at some distance from the church and thus the latter often remained unattended. There is no information in the archive documents as to how this problem was resolved.

*(Larissa Khramova "That Cathedral Made of Logs..."
Chita "Express Publishing House", 2012)*

Ирина Баринова

«Чашечку кофе, пожалуйста...»

„Ein Tässchen Kaffee, bitte!“

Wie man in Tschita „bürgerliche“ Lokale gründete
und wieder auflöste.¹

Перевод на немецкий Ирины Бобровой

Heute ist es in Tschita ohne besondere Probleme möglich, wenn man Geld hat, in einem gemütlichen Kaffeehaus zu sitzen. Aber die Tschitaer der älteren Generation erinnern sich daran, dass man zur Sowjetzeit im so genannten „Cafe“ aus irgendeinem Grund öfter Wodka einschenkte als Getränk, das damals als Kaffee angeboten wurde.

Als erster „Businessmann“ versuchte der Telejournalist, Übersetzer und Sinologe Wladimir Kusnezov in Tschita ein echtes Kaffeehaus wieder zu beleben. Ende 1980-er Jahre, als beim Untergang der Sowjetunionsgeschichte private Geschäfte erlaubt wurden, eröffnete

¹ <http://zabmedia.ru/?page=articles&text=3462>

er im Erdgeschoss des Wohnhauses an der Ecke der Leningradschaja- und Tschkalov-Straße ein großartiges Kaffeehaus „Zebra“. Da kochte man Kaffee in den Kaffeekännchen auf dem heißen Sand. Zudem wurden wahlweise belegte Brötchen und Kuchen angeboten. Aber Kriminelle und Bürokraten machten alles dafür, dass dieses schöne von der städtischen Jugend schnell angenommene Kaffeehaus nicht mehr lange funktionieren durfte. Das Kaffeehaus wurde geschlossen und seine Besitzer verließen unsere Stadt für immer. Es sollten noch zwanzig Jahre vergehen, bis Tschita sich selbst als das vorrevolutionäre nachzuholen begann. „Nachholen“ von jenem, wie es Anfang des XX Jahrhunderts mal war.

Etwas zur Geschichte

Wo konnte man in dem vorrevolutionären, kaufmännischen und goldgewinnenden Tschita nicht nur lecker essen und Kaffee trinken und sich dabei amüsieren. Aufgrund der Bebauung des Stadtzentrums mit Steinmietshäusern wurden neue Restaurants, Cafés, Schänken, Schnellimbisse und Speiseräume mit rasanter Geschwindigkeit eröffnet. Es gab so genannte „Küchenmeistertische“ – billige Restaurants, die für kein reiches Publikum bestimmt waren. Abgesehen von der Nationalität der Besitzer boten sie ihren Kunden verschiedene nationale Spezialitäten, zum Beispiel georgische und kaukasische, polnische und ungarische Gerichte.

Anfang des ersten Weltkrieges, d.h. nur nach zehn Jahren nach der Eröffnung des Restaurants „Moskau“ (später „Jar“) funktionierten in unserer Stadt, einander abwechselnd, über 50 große „Restaurationen“: „Zvezda“, „Aquarium“, „Nowyi Jar“, „Samson“, „Berlin“, „Wenezija“, „London“, „Liwadija“...

Was hat man da gegessen und wie teuer?

Wie z.B. die Zeitung „Zabaikalskaja Nowj“ schrieb, bot man im „Nowyi Jar“ am 20. Januar 1913 zum Mittagessen eine reiche Auswahl von Gerichten an (wobei jedes 25 Kopeken kostete): polnische Kohlsuppe, Suppe Andalusien, Consomme, Pfannkuchen, Coquille aus Fisch, Lenok minier, Ragout aus Hammelfleisch, Wiener Schnitzel, Kalbfleisch mit Sauerkraut, Pilze in Sahne, „faule“ Käsetaschen,

Vanilleeis und Brei-Auflauf“. Übrigens, eine Tasse Kaffee, ein Glas Tee, Samowar mit kochendem Wasser und Brot wurden kostenlos angeboten. Allerdings ließ man in so ein Restaurant nicht jeden Interessenten rein.

Eineinhalb Jahre später, d.h. z.B. am 19. Juli 1914 (kurz vor dem Eintritt Russlands in den 1. Weltkrieg) bot man im Restaurant „Samson“ immer noch für dieselben 25 Kopeken zur Auswahl „grüne Kohlsuppe, Suppe Brenouse, Filet Nika, Bohnen georgischer Art, Brühe mit Pfannkuchen, Störfisch gegrillt, Pilaw mit Kaurma, Sahneeis, Auflauf, Kompott aus frischen Früchten“.

Zum Kaffee sollten Pralinen angeboten werden. Der Preis für hundert Gramm Pralinen entsprach 10 Kopeken, der Kuchen mit Creme kostete 6 Kopeken und Schokoladenbär oder Väterchen Frost kosteten für die Eltern von 10 bis 50 Kopeken je nach Maß des essbaren Spielzeuges.

Zu einer Besonderheit wurde das „kaukasische Mittagessen“ angeboten. – Aber das ist ein besonderes Thema. Nachgespült hat man das alles mit dem Wodka „Smirnowskaja“, Kognak „Schustowski“, Bier „Tschitaer“, „amerikanischen Kühlungsgetränken verschiedener Namen“. Und Weine wurden mit Eisenbahn nicht nur aus Moskau, Jalta, und der Moldau geliefert, sondern auch aus Deutschland, Frankreich und Ungarn. Das Mittagessen kostete für zwei Kunden des Restaurants von eins bis zwei Rubel, Abendessen – teurer. Der Preis hing davon ab, ob es ein Orchester, Tänzerinnen oder Sänger gab.

Satt machen konnten man alle aber unterhalten – das war auch kein besonderes Problem. So warb das Restaurant „Aquarium“ (auch Theater-Varieté) im Juni 1914 die Kunden mit einem Slogan: „Ein großartiges, niedagewesenes Programm:

„Neues Debüt“ von dem bekannten Chansonnier dem Schöpfer guter Stimmung, Herrn Asarov.“

Und ein Jahr davor, im Januar 1913 bot „Nowyj Jar“: „Heute und täglich werden große Monster-Divertissements von wieder eingeladenen hauptstädtischer Truppe unter der Leitung von P. J. Abramowitsch...

Überall ein kolossaler Erfolg, unnachahmliches Duett, Neuerer K. und S. Wendelews, Liebling vom Publikum Nachahmer Lafusiki, klassisches Tanzduett von der Schönen De Sorel, eine bekannte Künstlerin von Zigeunerromanzen Mademoiselle Karenina, die un-

nachahmliche russische Schauspielerin Mademoiselle Slawina, ein Künstler von russischen Alltagsliedern Herr Krasnov, Chansonnier der Art Maxim Gorkis, Herr Stepanov...“

Wie Historiker gezählt haben, gab es 1919 in Tschita fünf Restaurants der I. Klasse, zwölf der II. Klasse, Gaststätten, Schänken, Kaffeehäuser (recht ordentlich) der III. Klasse – 36, Gaststätten und Schnellimbisse der IV. Klasse – 14. Und schließlich Tabagies, und die Teestuben, Gaststätten, Schänken, und Schnellimbisse der V. Klasse – 30. Insgesamt funktionierten in der Stadt 97 Einrichtungen (hauptsächlich im zentralen Teil).

Das alles war in der Laufnähe und für einen angemessenen Preis. Man verpflegte schnell, hielt die Einrichtungen in Sauberkeit. In kleineren Lokalen, die meistens in Kellern und Halbkellern lagen, gab es keine großartigen Programme. Das Publikum war dort einfacher, obwohl das Essen nicht schlecht war. Und für diejenigen, bei denen es mit dem Geld knapp war, existierte eine sogenannte „Bauchdienerreihe“, wo man einen Imbiss für ein Paar Kopeken einnehmen konnte.

Und wieder zum Kaffee

Eines der schönsten Gebäude Tschitas war das Hotel „Daurskoje Podworje“. Zur Sowjetzeit versuchte man es abzubauen, aber es gelang nicht – vor 1917 hatte man fest gebaut. Danach gestaltete man das Haus um, bis man es nicht mehr wiedererkennen konnte. Unverständlichkeit, somit „errichtete“ man eines der unsympatischsten Gebäude im Zentrum des heutigen Tschitas. Heutzutage heißt das Hotel „Daurija“.

1907 etablierten sich bei „Daurskoje Podworje“ zwei erste städtische Kaffeehäuser. Genrich Petrowitsch Sarembo lud in einfach genanntes „Kaffeehaus Sarembo“ ein und Iwan Georgijewitsch Ignatjew – ins Kaffeehaus „Wenskaja“. In der Stadt gab es ein Kaffeehaus „Samson“ (dort auch ein gleichnamiges Restaurant) im Haus der Kaufleute Sasowskis (heutzutage ist es das Gebäude des Tschitaer Instituts der Baikaler staatlichen Universität für Wirtschaft und Recht). Dazu kam das Kaffeehaus „Genf“ im Samsonowitschs Haus in der Amurskaja Straße.

Seit 1907 begann das Kaffeehaus „Peterburger“ von Gontscharov die Besucher im Lopatin-Haus (an der Ecke der

Anochin-Straße und Butin-Straße) zu empfangen. (Heutzutage befindet sich dort der Fonds für eine Krankenversicherung). 1918 wurde das Cafe „Molotschnyj sojuz“ im Drewnowski-Haus eröffnet. (Jetzt – Buchhandlung und andere Geschäfte an der Ecke der Amurskaja-Straße und Polina Osipenko-Straße.) Die Preise in den Kaffeehäusern waren wesentlich niedriger als in den Restaurants und da konnten sowohl einfache Beamten als auch Gäste der Stadt aus den Kosakensiedlungen gemütlich sitzen.

Es ist interessant, dass Kaffeehäuser während der Revolution und der DWR funktionierten. Eines von denen besuchte 1920 der junge Bolschewik, ein Ungare Endre Schik, später wurde er ein großer Staatsmann in der Ungarischen Volksrepublik. 1969 wurden in der Sowjetunion seine Memoiren „Bewährungsjahre“ veröffentlicht, wo er sich erinnert, wie er in der Hauptstadt der DWR das Kaffeehaus „Wenskaja“ besucht hatte. Dieses Kaffeehaus besaß einer von seinen Landsleuten, der ehemalige österreichisch-ungarischer Gefangene. Im Jahre 2010 herausgegebenen achten Band „Gedenken-Bücher der Opfer der politischen Repressionen im östlichen Transbaikalien“ wurde zusammen mit zwei interessanten Personen – das waren zwei Ungare: ein 40-jähriger Iosiph Iosiphowitsch Kaldi-Wallach und 38-jähriger Rudolf Stepanowitsch Kaldi-Norbert (Taler) – auch ein Datum entdeckt, als in Tschita Kaffeehäuser abgeschafft worden waren. Die beiden Ungaren waren in offiziellen Papieren als „Besitzer der Kaffeehäuser“ genannt. Man verhaftete sie an einem Tag – am 13. Januar 1928 und verurteilte sie für drei Jahre. Ihr weiteres Schicksal ist unbekannt, aber die Militärsstaatsanwaltschaft des Transbaikalischen Militärbezirkes rehabilitierte die beiden auch an einem Tag – am 1. Dezember 1997. Gleichzeitig mit ihrer Verhaftung wurden auch die Kaffeehäuser geschlossen.

Da folgt die Zeit des Abschiedes von der NÖP, so wurden private Restaurants, Schänken und Konditoreien geschlossen. Also, seit den 1920-er bis zu heutigen Tagen gab es keine echten Kaffeehäuser in Tschita. Aber Gott sei Dank, das ist schon Geschichte, die man bei einem Tässchen Kaffee in einer „bürgerlichen“ Einrichtung der Hauptstadt der Region Transbaikalien besprechen konnte.

Иван Белокрылов

Иван Александрович Белокрылов¹ – современный русский поэт, переводчик, публицист, родом из солнечного Забайкалья (1963 год, пос. Акатуй). С апреля 1982 по май 1984 проходил службу в армии (ЗабВО, Монголия). После увольнения работал плотником в посёлке Смолино, учился в Московском геологоразведочном институте (МГРИ), работал техником, дворником в детском саду, плотником в Свято-Даниловом монастыре.

С 1986 по 1990 год был участником литературной студии МГРИ, которой руководил Леонид Володарский. В 1990 году поступил в Литературный институт им. Горького при Союзе писателей СССР – на заочное отделение в творческий семинар, которым руководил поэт Николай Старшинов. Окончил институт в 1995 году. Первые стихи опубликованы в газете «Разведчик недр» – печатном издании Московского геологоразведочного института.

В 1996 году Иван Белокрылов принят в Союз писателей Москвы. В 1996 и 2000 годах в составе делегации русских поэтов принимал участие в Международном фестивале «Стружские вечера поэзии». Вместе с поэтами Леонидом Володарским и Ириной Ковалёвой основал Независимую писательскую ассоциацию «Лютня Ориолы». Члены ассоциации, стоящие на позициях светореализма, каждую последнюю субботу месяца (с октября по май) проводят в малом зале московского Центрального дома литераторов (ЦДЛ) литературно-философские вечера из цикла «Лютня Ориолы представляет...».

В 2001 году вступил в Союз переводчиков России и в том же году был награждён премией журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А», а также Большой премией Международного литературного фонда им. Милана Фюшта Венгерской Академии Наук с вручением памятной медали и диплома. Премия имени

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki>

Милана Фюшта присуждена за поэтические переводы литературных памятников венгерской литературы.

В 2002 году Иван Белокрылов вошёл в состав жюри Московского открытого конкурса детско-юношеского литературного творчества «Волшебное слово», по итогам которого совместно с Ириной Ковалёвой организует ежегодные фестивали детско-юношеского творчества «Дети третьего тысячелетия», а с 2010 года вместе с ней же ведёт литературную гостиную «На перекрёстках миров», действующую при клубе писателей ЦДЛ.

Стихи, переводы и критические статьи публиковались в журналах «Литературная учёба», «Юность», «Истоки», «Работница», «Кольцо А», «Родомысл», «Дельфис», «Мир перевода», «Столпотворение», «Акме», «Переводчик», «Здоровье» (цикл детских стихов), в альманахах «Литературные знакомства», «Тёплый стан», «Площадь Свободы», «Орфей», а также в «Литературной газете», «Литературной России», «Вечернем клубе», «Москвичке», австро-венгерской газете «Российский курьер» и др.

Переводы стихов Ивана Белокрылова опубликованы в словацкой «Литературной газете» (2005), китайском литературном журнале «Фей Тянь» (№ 2, 1997), а также в македонских литературных изданиях.

Иван Белокрылов – поэт-переводчик с английского, венгерского, македонского, хорватского, сербского, мальтийского, русинского, итальянского языков. Живёт и работает в Москве.

Предлагаем читателям подборку стихотворений Ивана Белокрылова из поэтических сборников «Солнечное сплетение» (2002) и «Вотчина» (2013).

Когда я родился, сирени цвели,
В политике кончилось лето,
И в море Карибском везли корабли
На остров Свободы ракеты.

И странные вести: война, не война, –
Привёз кто-то из Дарасуна,
И с дядьками спорил отец допоздна
О сущности Мао Дзэдуна.

Бутылку распили, поди, не одну
За то, что родился наследник,
Но вновь заводил разговор про войну
Какой-то хмельной собеседник.

Никто не сказал: «Вот родился поэт...».
Поздравили маму с солдатом...
Но я им прощаю за давностью лет
Такое принятие даты.

Родина

Я с мамой однажды завёл разговор:
«Откуда, скажи, на ладонях узор?
Морщинки зачем, ведь не дедушка я?»
Вздыхнув, улыбнулась мне мама моя:
«Рисунок ладонный у каждого свой,
С рожденья впечатан самою судьбой.
Недаром гадалки за руку берут,
Глядят, да частенько, гадаючи – врут!
Но здесь твоя жизнь – до последнего дня...»
Я ахнул: «А что же тогда у меня?!»
«Ты видишь, как реки пустились в бега:
Вот это – в Байкал потекла Селенга,
Вот – Шилка с Аргунью рождают Амур,
Струится Иля, а вот здесь – Газимур...»
...И было мне восемь без малого лет,
Когда вдруг постранствовать выпал билет,
Багульник шепнул: «Без меня не тоскуй...»,
И с горечью в спину вздохнул Акатуй.
Я пальчики сжал у судьбы на краю,
И Родину спрятал в ладошку свою...

Со мной на вокзале, в вагоне, в пути
Пытались порой разговор завести:
«Что прячешь в руке? Там, поди, пяточок?

Ракушка? Комар? Рыболовный крючок?
Постой, угадаю: засохший цветок!»
Никто никогда догадаться не мог!
И, правда, возможно ль поверить вот так,
Что всё Забайкалье я спрятал в кулак:
Здесь Сретенск и Нерчинск, Могоча, Чита –
Знакомые сердцу родные места.
И где бы я ни был, зимой иль весной,
А Родина вот она – вместе со мной!

Украина

Дни суматошны, горьки и наивны.
Письма родителей почта хранит.
В каждом червонце мерещатся гривны
Русских страстей и хохлацких обид.

Где она, Русь? Где престол Ярослава?
В Киеве или в московской глуши?
Где она прячется, горькая слава
Вечно туманной славянской души?..

Если живое разрублено слепо,
Разве сошьёшь так, как было вчера?
...За перепуганной тенью Мазепы
Гонится бешеный призрак Петра...

Навряд геральдика наскучит.
Из верных линий трав, деревьев;
Из связи молнии и тучи,
Их светотень преодолев;
Из зеркала воды, из тины;
Из сросшихся с землёй домов,
Из их резьбы, из их лепнины
Кариатид, атлантов, львов;
Из сорванного ветром ставня;

Из звуков песни горловых;
Из радуги ручья недавней,
Стен монастырских вековых
Сложить свой мир, не видя края,
Но, трогая рукой простор
И геометрии не зная
Ни с расстоянья, ни в упор,
Вдруг замереть, как в миг прощенья,
Единым взмахом всё объять,
И в эллипсоиде вращения
Содеянное наблюдать!

Кувшинки молчаливые в пруду.
Струится мимо блеющее стадо.
Я загляделся на свою звезду,
Что светит из колодезной прохлады.

Мир не меняется, и я всё так же нем,
Как ждущие больших дождей овраги,
Но между тем, меж самых страшных тем,
Я доверяюсь изредка бумаге.

Когда уже молчать не вмоготу,
Я принуждаем всем земным движеньем
Отображать людскую наготу
Карандаша стремительным вторженьем...

Всегда и всюду выяснять одно:
Что прячется за отражённым светом?
...Кувшинки, уходящие на дно.
Звезда, которой места в небе нету.

К О Н К У Р С Ы !

К О Н К У Р С Ы !

К О Н К У Р С Ы !!!

**Итоги XIX межрегионального конкурса молодых
поэтов-переводчиков 2014 года**

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

28 марта на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета по инициативе Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России состоялся традиционный конкурс молодых поэтов-переводчиков Забайкалья и других регионов России.

Призеры: *(с английского)* Екатерина Коржова, Мария Шадрина, Виктория Лиханова, Вероника Сабинская, Дмитрий Шешуков, Татьяна Кочерюк, Андрей Янченко, Юлия Петелина, Елена Саранина, Ирина Харитонова, Андрей Кучерявенко; *(с немецкого)* Лилия Краус, Анастасия Жеребцова; *(с китайского)* Вероника Сабинская, Мария Шадрина, Анастасия Халимова, Екатерина Захарова; *(с русского на английский)* Татьяна Суханова, Екатерина Коржова, Андрей Небольсин; *(с русского на немецкий)* Анастасия Жеребцова.

С английского

Стихи неизвестных поэтов

These I can Promise

I cannot promise you a life of sunshine;
I cannot promise riches, wealth, or gold;
I cannot promise you an easy pathway
That leads away from change or growing old.

But I can promise all my heart's devotion;
A smile to chase away your tears of sorrow;
A love that's ever true and ever growing;
A hand to hold in yours through each tomorrow.

Перевод Марии Шадриной

Это я могу обещать

Не обещаю роскошь и богатство,
Не обещаю жизни без забот,
Не обещаю лёгкую дорогу,
Что старость и невзгоды обойдет.

Но обещаю всего сердца верность,
Улыбку, что развеет скорби тень,
Любовь, что будет истинной и вечной,
И руку, что проводит в новый день!

Перевод Виктории Лихановой

Обещание

Сулить не в силах жизни, полной света;
Сулить не в силах сказочных богатств;
Сулить не в силах вечного рассвета,
Что от холодных сумерек бы спас.

Но сердце верное сулить тебе могу я;
Улыбку, чтоб печаль твою прогнать;
Любовь на веки – чистую, большую;
И руку, чтоб твою всю жизнь держать.

Перевод Татьяны Кочерюк

Не обещаю изобилия солнечного света,
Богатства с золотом я не могу пообещать,
Не обещаю жизни лёгкой и безбедной,
Которую не будет старость омрачать.

Но я могу пообещать всю верность сердца,
Улыбку, что прогонит прочь печаль,
Любовь, что с каждым днём ещё сильнее,
И рука об руку – идти совместно вдаль.

From This Day Forward

From this day forward,
You shall not walk alone.
My heart will be your shelter,
And my arms will be your home.

Перевод Елены Сараниной

Впредь с этого самого дня,
Одиноким не будет твой путь.
Моё сердце укроет тебя,
И как дома в объятьях будь.

Перевод Татьяны Кочерюк

Начиная с этого дня
Ты не будешь в одиночестве прежнем.
Мое сердце – приют для тебя,
Мои руки – твой дом безмятежный.

Перевод Андрея Кучерявенко

С этого дня и впредь –
Не одна ты и не скитаешься.
Моё сердце – к покою дверь.
Мои руки – твое пристанище.

Перевод Дмитрия Шешукова

The Optimist

The optimist fell ten stories,
At each window bar
He shouted to his friends:
“All right so far”.

Оптимист

Оптимист летел десяток этажей
И в каждом пролете окна
Успокаивал он друзей –
Все нормально со мной пока!

Перевод Юлии Петелиной

Оптимист

Оптимист летел с высоты,
Крича в каждое окно:
«Эй, друзья, всё это шутки!
До паденья далеко!»

Оптимист

Падал оптимист с небоскреба
И кричал он в каждое окно:
«Не волнуйтесь, друзья, ради Бога,
До земли мне ещё далеко!»

Перевод Татьяны Кочерюк

A Maxim Revised

Ladies, to this advise give heed –
In controlling men:
If at first you don't succeed
Why, cry, cry again.

Аксиома

Дамы, к вашему вниманию совет –
В управлении мужчиной не стесняйтесь,
Если вам не удастся преуспеть,
Своего слезами добивайтесь.

Перевод Дмитрия Шешукова

Дамы, внимайте совету,
Мужчин себе покоряя.
Коль поначалу не имеете успеха,
Поплачьте, цель слезами достигая.

**Edwin Arlington Robinson
(1869 – 1935)**

A Happy Man

When these graven lines you see,
Traveller, do not pity me;
Though I be among the dead,
Let no mournful word be said.

Children that I leave behind,
And their children, all were kind;
Near to them and to my wife,
I was happy all my life.

My three sons I married right,
And their sons I rocked at night;
Death nor sorrow never brought
Cause for one unhappy thought.

Now, and with no need of tears,
Here they leave me, full of years, –
Leave me to my quiet rest
In the region of the blest.

Перевод Виктории Лихановой

Счастливый

Видишь строки эти в камне –
Путник, жалость не нужна мне;
Хоть средь мёртвых я теперь,
Скорбь здесь лишняя, поверь.

Моим детям, моим внукам –
Было всем добро порукой;

Перевод Ирины Харитоновой

Дамы, совет мой примите,
Мужчинами чтоб управлять.
Если у вас не сложилось,
Вам нужно лишь плакать начать.

Перевод Екатерины Коржовой

Счастливый Человек

На плите слова прочти,
Путник, только не грусти;
Пусть я канул в мир иной,
Скорбный ропот успокой.

Я своих детей любил,
Их детей добру учил;
Им служа, служа жене,
Видел счастье в каждом дне.

Я женил трёх сыновей,
Я баюкал их детей;
Не могли печаль и смерть
Это счастье одолеть.

А теперь, не нужно слёз,
Я все слёзы перерос, –
Предоставь меня тиши
И бессмертию души.

Перевод Марии Шадриной

Счастливый человек

У могилы у моей,
Путник, слёз своих не лей;
Я оставил этот свет,
Но нужды в печали нет.

Выросли мои сыны
Праведны, добры, честны,

Рядом с ними и с женой
В счастье прожил век я свой.

С ними и с женой своей
До конца прожил я дней.

Справно трёх сынов сосватал,
Их сынов качал в кроватках;
Смерть и беды приходили –
Счастье наше не сломили.

Сыновей своих женил,
Внуков нянчил я, растил.
Мысль о скорби в трудный час
Не касалась в жизни нас.

Дети, плакать нет причин –
Будет здесь старик один
И найдёт покой и кров
В лучшем мире из миров.

Много, много прожил я...
Здесь оставили меня,
Проводив в последний путь,
В царстве Божьем отдохнуть.

Перевод Андрея Янченко

Счастливец

Когда прочтешь на мраморе слова,
О, путник, не жалея меня.
Хотя сейчас я в царстве мёртвых –
Не нужно грустных слов и скорби.

Не знал добрее я людей,
Чем своих внуков, сыновей.
И подле них с моей женой,
Был счастлив и нашёл покой.

Женил удачно сыновей,
С заботой нянчил их детей,
Печаль в свой дом я не впускал
И грустных мыслей не искал.

Но и теперь не нужно слёз,
Пусть всех оставить мне пришлось, –
Пришёл черёд мне отдохнуть,
В саду божественном вздремнуть.

Перевод Вероники Сабинской

Счастливый человек

Эти строки прочтешь на могильной плите,
И тогда, странник, ты не грусти обо мне;

Я средь мёртвых отныне и во веки веков,
Но не надобно скорбных и жалостных слов.

Ведь от тех, что остались жить после меня,
От детей и от внуков знал я много добра;
Рядом с ними и подле любимой жены
Все дни жизни моей были счастья полны.

Я достойно женил трёх своих сыновей,
Довелось мне баюкать уже их детей;
И о смерти своей не печалился я,
Мысль о ней никогда не страшила меня.

И теперь нет нужды слёзы лить обо мне,
Здесь отжившее тело предали земле,
Чтобы мне подарить вечный отдых в тиши,
Край блаженства для этой счастливой души.

Сара Тисдейл (1884 – 1933)

Перевод Дмитрия Шешукова

My heart is heavy with many a song
Like ripe fruit bearing down the tree,
But I can never give you one –
My songs do not belong to me.

Отяжелело сердце от стихов,
Так от плодов изнемогает сад.
Но ни одно отдать я не могу, –
Не мне они принадлежат.

Yet in the evening, in the dusk
When moths go to and fro,
In the gray hour if the fruit has fallen,
Take it, no one will know.

Когда же вечер в сумерках придёт
И мотыльки в саду начнут порхать,
Коль в темноте плод с ветки упадёт,
Возьми – никто не будет знать.

The Wine

I cannot die, who drank delight
From the cup of the crescent moon,
And hungrily as men eat bread,
Loved the scented nights of June.

The rest may die – but is there not
Some shining strange escape for me
Who sought in Beauty the bright wine
Of immortality?

Перевод Виктории Лихановой

Вино

Бессмертен будет, кто вкушал
Из лунной чаши радость,
С голодной жадностью вдыхал
Июньской ночи сладость.

Умрут другие – разве нет
В сиянье странном для меня
Спасения – не в Красоте ль
Пила вино Бессмертия?

Перевод Марии Шадриной

Вино

Бессмертен тот, кто радость пил
Из чаши месяца молодого,
Кто с ярой жадностью любил
Июня аромат ночного.

Пусть всё умрёт – но разве нет
Пути спасенья для меня,
Всегда искавшей в Красоте
Вино Бессмертия?

Забайкальская поэзия. Владимир Сажин

Сажин Владимир Иннокентьевич родился в 1939 году на Верх-тане рудника Тарбальджей, что в верховьях Онона. Окончил сельскохозяйственный институт, работал в колхозе, затем главным инженером Управления сельского хозяйства Кыринского района. Автор книг: «Кичиги» (1986), книги очерков «Земля моя Кыринская» (1988), «Солнце на жатву» (1989), «Месяц-густарь» (1991), «У кудрявого куста» (1996). Член Союза писателей РФ.

С русского на английский

Перевод Екатерины Коржовой

По деревне белый пух
Тополей;
Вечерами нежит слух
Соловей.

Под горой гремит река
По камням,
Рвут зарницы облака
По ночам.

Да бренчит по крышам дождь,
Как не лень!?
Ярок, светел и хорош
Каждый день!

All the village fluffs with white
Poplar's veil;
Dulcet is on eventide
Nightingale.

Mountain river keeps its loud
Rocky flights,
Summer-lightnings cleave through cloud
On the nights.

Rain on roofs is fleet of foot,
Sloth away!
Life is lucid, light and good
Every day!

Перевод Татьяны Сухановой

Поцеловало солнце ключик,
Как мать целует малыша,
Он в целом мире самый лучший.
Я любовался не дыша

На ключик. Как он улыбался,
Бурлил, пуская пузыри,
Играл на камушках, смеялся.
А в небе плыли журавли.

The sun has kissed a little brook,
The way a child is kissed by mother,
It is a great sight, have a look.
It took my breath away. I'd rather

Keep watching it. The way it smiled,
And bubbled, kept fussing,
Played on the pebbles, laughed.
While in the sky some cranes were passing.

С русского на немецкий

Перевод Анастасии Жеребцовой

Die Sonne so die Quelle küsste,
Wie Mutter küsst ihr liebes Kind,
Das ist das schönste, was ich wusste.
Und jetzt mein Atem schon gewinnt.

Die Quelle. Sie hat schönes Lächeln,
Sie brodeln nun und Blasen schlägt,
Sie hat für Steine Wasserdeckel.
Der Kranichzug im Himmel fliegt.

С русского на английский

Перевод Татьяны Сухановой

Чёткая графика тына,
Снежное поле за ним.
Милая сердцу картина,
Горький отеческий дым.

Clear-cut graphics of paling,
Snow-field stretching at hand,
Beautiful picture unveiling,
Bittersweet smoke of my land.

Перевод Екатерины Коржовой

За рекой, одетые в туманы,
Отбродили тёплые дожди.

Yon, beyond the river veiled with hazes
There've roved away the tepid rains.

Осень для меня – сквозная рана,
Сердце не вмещается в груди.

Autumn is for me as sharp as razors,
Heart is too persistent for my veins.

Неужели песни перепеты,
Жизни всей исписаны листы?
Бабье сверхотчаянное лето
На пригорок бросило цветы.

Can the roundelays be overchanted,
Rolls of all the life be crowned with seal?
Reckless Indian summer took for granted
Hurling faded flowers on the hill.

Не спеши, пролётистое время,
Задержи последних журавлей;
Конь оседлан. Быстро ногу в стремя!
И галопом на простор полей.

Don't press on, fleet summertime of living,
Pray, keep back the flying cranes, don't miss;
Courser's saddled. Stirrup's ever willing!
And I gallop to the spanless leas.

Перевод Татьяны Сухановой

Wrapped in fogs across the river,
Summer rains have ceased their pace.
Autumn is a wound for ever,
Heart's too big to fit its place.

Have I sung all songs already,
Have I filled in destined scroll?
Indian summer, daredevil
Threw some flowers on the knoll.

Don't you hurry, fleeting time,
Keep the cranes from their late flight;
The horse is straddled, spur him on,
Let's gallop far with all our might.

С русского на немецкий

Перевод Анастасии Жеребцовой

An dem Fluss im Nebel so gekleidet
Warme Regen wandern schon nicht mehr.
Und der Herbst hat mich ins Herz verwundet,
Keinen Platz dafür die Brust hat leer.

Sind doch alle Lieder schon gesungen,
Alle Lebensblätter sind gefüllt?
In Verzweiflung Sommer ist gelungen
Sind die Blumen auf den Hügel kühl.

Eile nicht der rasche Sommerflügel
Halt die letzten Kraniche dabei;
Pferd gesattelt. Füße in dem Bügel!
Im Galopp sind weite Felder frei.

Журавли

Невесомы, словно все без плоти,
Грациозны, радостны, легки,
Журавли танцуют на болоте...
Наплывают от большой реки

Белые-пребелые туманы,
Заливая всё, как есть, окрест.
Журавли танцуют, неустанны,
Под болотный шумовой оркестр.

Длинные стремительные ноги,
Руки-крылья плавны и нежны.
Журавли танцуют, словно боги,
На весёлом празднике весны.

Бесконечны в кисее тумана
Па-де-де, гавот и падекатр.
Не лесная дальняя поляна,
А Москва. Балет. Большой театр.

Невесомы в беге и подлете
(Редкие мгновения лови),
Журавли танцуют на болоте
Танец солнца, верности, любви.

С русского на английский

Перевод Андрея Небольсина

Cranes

Airy as if they're all bodiless,
Graceful, joyful, slim,
The cranes are dancing on the morass...
They are coming from the large stream.

The fogs are whitey
Filling everything around.

The cranes are dancing they're fidgety,
To the morass sound.

Their legs are swift and thin
Smooth and delicate're hand-wings.
Each crane is dancing like a king
At merry celebration of the spring.

Endless in muslin brume
Pasde deux, pas de quatre and gavotte.
It's not a forest brim,
Moscow city. Bolshoi theater. Ballet.

In running and flying they're weightless
(Catch these rare moments),
The cranes are dancing on the morass
The dance of love and faithfulness.

С русского на немецкий

Перевод Анастасии Жеребцовой

Kraniche

Schwerelos, als ob sie ohne Körper,
Wundervoll und froh und graziös,
Und am Sumpf ich sehe Kranichvölker...
Kommen sie von einem großen Fluss.

Weiß-weiße Nebel leise fliegen
Schweben sie und liegen überall.
Kraniche so unermüdlich biegen
Diesen Sumpf-Geräuschorchestersaal.

Und sie haben schöne lange Tatzen
Hände-Flügel sind so delikat
Kräne können wie die Götter tanzen,
Auf einem Frühlingsfeiertag.

Und bedeckt unendlich in dem Nebel
Pa de de, Gavotte, Padekatr
Es ist nicht im Wald, doch alles edel
Es ist Moskau. Ballett. Das Großtheater.

Schwerelos im Fliegen und im Stehen
Seltene Momente sind nicht ganz
Und am Sumpf die Kranichflügel wehen
Schönen Treue-, Liebe-, Sonnentanz.

Перевод Анастасии Жеребцовой

Маленькая ложечка варенья,
Ягодок четыре или пять,
А сумела летнее цветенье
Всех полянок солнечных собрать.

Nur ein kleiner Löffel Marmelade
Nicht so viele Beeren sind da inn',
Doch sie hat die schöne Sommerblüte
Allen Lichtungen gesammelt lecker drin

С немецкого

Георг Тракль (1887 – 1914)

Перевод Лилии Краус

Перевод Анастасии Жеребцовой

Озарённая осень

Уходящая осень

Так год свой завершает круг:
В садах плодами и вином златым.
И дивный лес молчит вокруг –
Уединенья побратим.

С величием уходит этот год
Златым вином и фруктами в садах.
Лесов молчит прекрасный свод,
Как спутник в одиноких снах.

Сказал крестьянин: «Хорошо.
Вечерний звон, на долгой ноте
Дай радость бодрую ещё»...
И птиц прощальный крик в полёте.

Крестьянин пашню уберет,
И осени вечерний звон глубокий
Бодрящим эхом проплывет,
Отправив птиц в их путь далекий.

Негромкая пора любви.
В челне вниз по реки теченью
Картинок череда в тиши –
Потом исчезнут все виденья.

Любви прекрасная пора.
Челнок вниз по реке стремится
И ряд пейзажей до утра –
В покое и молчанье длится.

Генрих Гейне (1797 – 1856)

Перевод Лилии Краус

Перевод Анастасии Жеребцовой

Из «Книги песен»

Из «Книги песен»

Когда увижу я твой взгляд,
Боль, сожаленье отлетят.

Поймав лишь взгляд твоих очей,
Вдруг исчезает серость дней;

К устам, целуя, прикоснусь,
И вмиг здоровым становлюсь.

Подарят поцелуй уста
И хворь излечат навсегда.

Когда к груди твоей прильну –
В блаженстве неба утону...
А скажешь: я люблю тебя!
То должен горько плакать я.

Грудь твоей слегка коснусь,
И в мир желаний окунусь;
А шепчешь: я люблю тебя!
От горьких слёз страдаю я.

Фридрих Геббель (1813 – 1863)

Перевод Анастасии Жеребцовой

Я и ты

Мечтая друг о друге,
Очнулись ото сна.
Ведь жили, чтобы влюбиться
И вместе быть дотемна.

Ты – чудо моих мечтаний,
Я твой долгожданный принц.
Погибнем мы от страданий,
Не видя любимых лиц.

На лилии нежно дрожали
Две капли, как слёзы, чисты,
Стекая в одну, уплывали
В бокал бездонной мечты.

С китайского

Бэй Дао (род. в 1949 г.)

Перевод Вероники Сабинской

Улыбки. Снежинки. Звезды

Всё в стремительном вихре кружится,
Лишь улыбка твоя тиха и нежна.

С красной розы улыбки этой
Песню зимнюю я сорвал.

Ах, снежинки, иссиня-синие,
Что вы молвите тихим шепотом?

Перевод Анастасии Халимовой

Роза. Снег. Звезды

Всё вокруг кружится и мелькает,
И уносит прочь от суеты.

Роза, что с улыбкой расцветает,
Сохранит на лепестках песню зимы.

О, мерцающие хлопья снега,
Что же вы пытаетесь сказать?

Мне ответьте:
Звёзды навеки останутся звёздами?

Вы ответьте, неужели люди вечно
Звезды будут звездами считать?

Перевод Екатерины Захаровой

Улыбка. Снежинка. Звезда

Всё стремительно кружится,
Только ты улыбаешься тихо.

С улыбки из красных роз
Я сорвал зимнюю песнь.

Ах, снежинки, снежинки,
О чём говорят они тихо?

Ответьте мне:
Звёзды вечно будут звёздами?

Ху Ши (1891 – 1962)

Перевод Анастасии Халимовой

Стихи и сны

Все – обычные явления,
Все – нам образы привычные,
Вдруг вольются в сновидения,
Став узорами ритмичными.

Все – слова, простые, вечные.
Все – эмоции не новые,
Вдруг поэтом будут встречены,
Став строкою стихотворною.

Полюбив лишь – ты любовь познаешь.
Опьянев лишь – вкус поймешь вина.
Ты стихов моих не сочиняешь,
Как и твоего мне не увидеть сна.

Перевод Марии Шадриной

Сон и стих

Всего лишь обыденный опыт
И образ, довольно обычный,
Ворвавшись в наш сон среди ночи,
В чудесный сплетутся узор.

Всего лишь обычные чувства,
Всего лишь обычные строки,
Ворвавшись в сознание поэта,
Волшебнo сплетутся в стихи.

Не пивший вина не познает,
И чувств не поймет не любивший,
Так стих мой создать ты не сможешь,
Как я не увижу твой сон.

Бянь Чжилинь (1910 – 2000)

Перевод Анастасии Халимовой

Дождь и я

«С тех пор, как ушёл ты, здесь дождь идёт днями».
«С тех пор, как пришёл ты, всё время льёт дождь».
Я рад быть в ответе за дождь пред друзьями
Друг третий не пишет. Отправить ли зонт?

За зелень полей моя грусть улетает?
В порядке ли люди? Сохранны ли птицы?
Я выставлю чашу во двор и узнаю,
Сколько дождя за ночь может налиться.

Чжун Динвэнь (1914 – 2012)

Перевод Вероники Сабинской

Оставленное послание

Любовь неувядающую позвольте оставить миру,
А ненависть неизбывную – с собой унести в могилу.

Что жизнь моя – только облако, пронесшееся над морем,
Что чувства мои – струя ветерка над пышным цветочным полем.

Пусть руки в молитве деревом до самого неба тянутся,
А очи, что слёз исполнены, пусть звёздами с неба кажутся.

Мой дом, моя добрая матушка, ах, как же я сильно устал!
Меня вы примите в объятия, чтоб в них я покой отыскал.

Перевод Марии Шадриной

Послание

Бессмертная любовь моя пусть остается миру.
Мой гнев на родине пусть обретет покой.

Моя судьба подобна облакам, плывущим к морю,
А чувства – ветер, что колышет тростники.

Пусть станут мои руки деревом, что рвётся к небу,
Глаза пусть, ставши звездами, взирают с высоты.

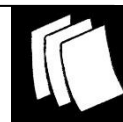
О, матушка! О, Родина! Примите в свое лоно!
Уставшему, позвольте мне покой найти.

Фан Линчжу (1897 – 1976)

Перевод Марии Шадриной

Любовь, только в камень она превратила меня.
И больше отныне ты мне не дари
Лилейную нежность
И жар благовоний,
И слёзы могучей реки.

Взгляни, там телёнок пасётся на дальних холмах,
Взирая спокойно на суетный свет.
О нет, он не глуп,
Он всего лишь безмолвен,
Блюдёт он молчанья обет.

Весь мир – театр, или 450 лет со дня рождения Уильяма Шекспира

2014 год ознаменован событиями разного масштаба, но одно из самых значительных в области культуры – это, безусловно, празднование в апреле 450-летия со дня рождения Уильяма Шекспира¹.

Мероприятия, посвящённые этой знаменательной дате, проходят в разных странах: так, например, с 21 по 27 апреля в Париже проводилась конференция, посвящённая английскому барду, программа которой очень впечатляет. В самой Англии юбилейные празднования продлятся целых три года, с 2014 по 2016: 2014 год – 450 лет со дня рождения, а 2016 год – 400 лет со дня смерти великого драматурга. В течение этих трёх лет и Королевский Шекспировский театр в Стратфорде-на-Эйвоне, и театр Глобус в Лондоне, наряду с другими британскими театрами, готовят грандиозные мероприятия.

Помимо этого, насыщенная программа подготовлена и для школьников. Например, неделя с 17 по 24 марта – это так называемая Первая неделя Шекспира, прошла в начальных школах по всей Великобритании. Цель этой недели – познакомить более трёх миллионов британских детей с культурным наследием, оставленным Шекспиром. Помимо школьных уроков, посвящённых барду, дети получили специальный «паспорт Шекспира», по которому они смогут посещать шекспировские мероприятия в музеях, галереях, театрах и библиотеках своих городов. Более подробную информацию об этом можно найти на сайте www.stratfordvision.com.

Кроме того, Шекспировский школьный фестиваль, который проходит под покровительством актеров Джуди Денч и Кевина Спейси, получит в этом году от Министерства образования 140 000 фунтов для того, чтобы увеличить число школ-участниц фестиваля. Таким образом, в этом году на фестивале ожидается участие примерно 50 000 школьников. Также, около 125 тысяч фунтов было выделено на то, чтобы учителя средних государственных школ Великобритании были обеспечены 60-часовыми ресурсами по преподаванию таких произведений Шекспира, как «Макбет», «Ромео и Джульетта» и «Сон в летнюю ночь». Впечатляет, не правда ли?

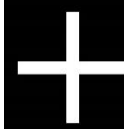
¹<http://www.britania-spb.ru/for-students/1045-shakespeare>. Дата обращения 25.04.2014.

Что касается Санкт-Петербурга, то в рамках празднования 450-летия пройдёт Шекспировский театральный фестиваль, в течение которого в кинотеатре «Аврора» и нескольких других кинотеатрах (полный список здесь: <http://www.theatrehd.ru/ru/cinemas?city=2>) будут показаны видеозаписи спектаклей, поставленных по пьесам великого драматурга. Эти спектакли представлены одними из самых известных театров Великобритании, таких как «Глобус» (программа "*Globe on Screen*"), Королевский национальный театр (программа "*National Theatre Live*") и Королевская Шекспировская компания (программа "*Live from Stratford-upon-Avon*"). Зрителей ожидает «Много шума из ничего», «Ричард II», «Гамлет» и «Кориолан» (их расписание можно найти вот здесь: <http://www.avroga.spb.ru/film/0/1378/>). Фестиваль пользуется большой популярностью, поэтому билеты стоит покупать заранее, и стоит отметить, что спектакли идут на языке оригинала с русскими субтитрами. Не пропустите это событие, оно действительно того стоит.

А чтобы подготовиться к походу на фестиваль, всегда можно перечитать или познакомиться с произведением выдающегося драматурга, которое можно найти в магазине «Британия».

Ставить Шекспира, безусловно, любят и у нас, в России. Самые необычные современные постановки – это «Шекспир-лаборатория», идущая в Санкт-Петербурге на сцене Большого театра кукол, а также «Сон в летнюю ночь» и «Гамлет», идущие в Москве на сцене Гоголь-центра.

Гуля Насырова

Марина Цветаева

Идёшь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!
Прочти, – слепоты куриной
И маков набрав букет, –
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.
Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя,
И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!
Сорви себе стебель дикий
И ягоду – ему вслед.
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.
Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.
Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!

Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с её насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой mine,
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

К вам всем – что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! –
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне прямая неизбежность –
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Ещё меня любите
За то, что я умру.

Сведения об авторах

Александровский Сергей Анатольевич (Харьков, Украина)

Окончил факультет иностранных языков Харьковского госуниверситета. С 1982-го по 1989-й год работал на том же факультете внештатным преподавателем испанского и английского языков. Поэт-переводчик. Переводы с английского: Джон Мильтон. Возвращённый Рай (2001) (в 2006 г. перевод опубликован Российской Академией Наук в серии «Литературные памятники»); Джеффри Чосер. Книга о королеве. Птичий парламент (2004); Александр Монтомери. Вишня и Тёрн. Сонеты (2007); Джон Китс. Малые поэмы (2012); Из шотландской поэзии XVI–XIX вв. (2012). Перевод с португальского – Фернандо Пессоа (1989); перевод с испанского – Хулиан дель Касаль. Хосе Марти. Среди сумерек и теней. Избранные стихотворения. (2011). Переводные стихи также опубликованы в антологиях: «Шедевры любовной лирики. Зарубежная поэзия. Серия: Мировая классика» (2005), «Строфы века», «Строфы века-2», «Век перевода» (тт. 1–3), «Семь веков английской поэзии» (тт. 1–3. (2007). В 2007 году вышла в свет книга «Факсимиле. Стихотворения и переводы». Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Балдоржиев Цырен-Ханда (Виктор Балдоржиев) (с. Новая Заря, Заб. край)

Учился в Благовещенском госпедуниверситете и на историко-филологическом факультете Читинского госпединститута им. Н. Г. Чернышевского. Известный забайкальский русскоязычный писатель, журналист, член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР с 1982 г., член Совета Всебурятского Центра Развития Культуры. В 2005–2009 гг. возглавлял Читинскую писательскую организацию. Кавалер медали А. С. Пушкина (2008). Работал трактористом, чабаном, пастухом, стригалём. Автор романов «Разные люди» (1991), «Последние войны волков» (2004); стихотворного сборника «Каторга» (1992) и др. Поэт-переводчик с бурятского и монгольского языков. Изданы книги авторизованных переводов с бурятского языка: «Свет родимых вершин» (1996), «Алханай – Шамбала моей души» (1999), Рассказы (1999), «Звезда над степью» (2000), «Между Алханаем и Ямато» (2002). Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Белокрылов Иван Александрович (Москва)

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Поэт-переводчик, журналист. Служил в армии. Работал геологом, плотником, дворником, редактором. Автор сборников стихов и переводов «Солнечное сплетение» (2002), «Вотчина» (2013). Участник международного фестиваля «Стружские вечера поэзии» (Македония, 1996, 2000). Лауреат Большой пре-

мии литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук (2001). Член Союза писателей, Союза переводчиков России и независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы». Стихи и философские миниатюры переведены на македонский, китайский и словацкий языки. Среди переводов – стихи македонских, сербских, хорватских, венгерских, английских, итальянских, китайских, русинских и мальтийских поэтов.

Белокрылова Дарья Ивановна (Москва)

Окончила Литературный институт имени Горького, член Союза переводчиков России, лауреат конкурсов «Новые имена Москвы», «Новые имена России», «Волшебное слово» и др. Стихи и переводы публиковались в журналах «Литературные знакомства», «Столпотворение», «Переводчик», русско-итальянском альманахе «Радуга» и др.

Боброва Ирина Анатольевна (Чита)

Окончила университет им. Гумбольдта в Берлине (Германия) и аспирантуру по германской филологии при ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кандидат философских наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Работает заместителем директора университетского предприятия ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Является одним из авторов учебного пособия для студентов немецкого отделения педагогических университетов «Мой край – Забайкалье» (2009). Действительный член Союза переводчиков России. Имеет публикации в разделах «Земля Даурская» и «Лексикография» журнала «Переводчик».

Брилева Валентина Родионовна (Чита)

Работает в городской библиотеке им. М. М. и Е. П. Нарышкиных. Автор поэтического сборника «Любовь» (2000). Переводит английскую классическую поэзию. Автор четырёх персональных фотовыставок: «Жизнь – диво в искристых красках...» (2007), «...Радость, прежде всего, пробуждать» (2008), «Жизни земное отражение» (2009), «Чувствам предаться несуетным...» (2013).

Вальсери Томмазо (Италия)

Окончил магистратуру на факультете иностранных языков и литератур Генуэзского университета. Стажировался в Литературном институте им. Горького в Москве. Поэт, переводчик. Среди его работ – сравнительный анализ текстовых соответствий русского и английского вариантов романа «Лолита» Владимира Набокова, а также перевод на итальянский язык глав из книги «У самого синего моря» Натальи Осис.

Васильев Владимир Ефимович (Санкт-Петербург) (1930 – 2014)

Окончил переводческий факультет (французское отделение) Первого Ленинградского государственного педагогического института иностранных языков. Поэт-переводчик. С 1955 до пенсионного возраста – сотрудник Библиотеки Академии наук СССР (ныне Российской академии). В 1975 году при-

нят в Союз писателей СССР, в 1992 – в Союз писателей Санкт-Петербурга, в 2007 – в союз Мастеров литературного перевода, в 2008 – в Союз российских писателей. Основные публикации: Испанская классическая (иллюстратор Михаил Шемякин), Французская классическая и Английская классическая эпиграмма (последняя вместе с переводами С. Маршака), выпущенные московским издательством «Художественная литература» соответственно в 1970, 1979, 1987 гг; двуязычная Антология французской эпиграммы = *Anthologie de l'épigramme française*. (М., 2006). Является также составителем, автором вступительных статей и активным переводчиком четырёхтомной антологии «Всемирная эпиграмма» (СПб., 1998); двухтомника: Лафонтен, Жан де. Полн. собр. басен в XII кн. Илл. Гюстава Доре. (СПб., 2009) и кн.: Французская басня в переводах русских поэтов = *Fables françaises traduites par les poètes russes*. (М., 2009). За «Всемирную эпиграмму» отмечен Царскосельской премией; книга премирована также Ассоциацией книгоиздателей России – АСКИ – как лучшее издание года в номинации «За вклад в укрепление взаимопонимания между народами» (по определению Московского отделения ЮНЕСКО). За «Антологию французской эпиграммы» получил премию им. М. Н. Ваксмахера, присуждаемую французским посольством в Москве переводчику книги. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Винонен Роберт Иванович (Хельсинки, Финляндия)

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Поэт-переводчик. Кандидат филологических наук, доцент. Работал в различных издательствах, много лет заведовал кафедрой художественного перевода в Литературном институте. Автор более двух десятков поэтических книг, критики, переводов. Среди последних – книга литературных эссе «Похождения Слова» (Москва). Член Союза писателей России. Действительный член Финно-угорской Академии наук (Санкт-Петербург).

Воропаев Николай Николаевич (Москва)

Окончил китайско-английское отделение Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук. Научный сотрудник отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания Российской академии наук, переводчик, член Союза переводчиков России, член Национальной лиги переводчиков. Научные интересы – методика преподавания китайского языка, переводоведение, лингвокультурология, психолингвистика. Автор учебных пособий и словарей (в соавторстве с Ма Тяньюй): Современный русско-китайский словарь (2012); Китайский язык. Три книги в одной. Грамматика, разговорник, словарь (2013); Китайский язык (2013); По-китайски обо всём. 88 научно-популярных текстов-миниатюр на занятиях по китайскому языку (2013); Китайский язык за один месяц. Самоучитель разговорного языка. Начальный уровень (2014). Персональный сайт: www.vokitai.ru

Епишкин Николай Иванович (Чита)

Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии. Составитель Исторического словаря галлицизмов русского языка (Москва, 2010).

Жеребцова Екатерина Владимировна (Чита)

Окончила бакалавриат и магистратуру филологического факультета Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Является аспиранткой ЗабГУ, специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья». В настоящее время работает в Управлении по связям с общественностью и СМИ университета.

Зельдович Геннадий Моисеевич (Варшава, Польша)

Доктор филологических наук, профессор Варшавского университета. Родился в Харькове, где жил до 1999 года. В настоящее время живёт и работает в Польше. Переводчик поэзии с английского, польского, испанского, португальского и французского языков. Главные публикации: Б. Лесьмян. Зелёный жбан. Избранные стихи в переводе Геннадия Зельдовича, с предисловием Андрея Богуславского (Торунь, 2004); Последняя каравелла. Антология поэтических переводов (Москва, 2006).

Квятковская Майя Залмановна (Санкт-Петербург)

Окончила 2-й Ленинградский Государственный педагогический институт иностранных языков (ЛГПИИЯ), по специальности «французский язык». Переводчик стихов и прозы, в основном, с романских языков. Работала над такими поэтами, как Теофиль де Вио, Расин, Лафонтен, Готье, Бодлер, Верлен, Лафорг, Арто (Франция); Камозэнс и Пессоа (Португалия); Лопе де Вега, Сервантес, Гонгора, Кеведо, Валье-Инклан, Мачадо (Испания), Эдгар По (США), Свифт, Россетти (Англия), Сенеа (Куба), Гонсалес Мартинес (Мексика), Дарио (Никарагуа) и др. Член Союза Российских писателей и СП Санкт-Петербурга. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Ковашкина Наталья Викторовна (Исландия)

Окончила государственный университет Исландии, переводчик-фрилансер, выполняет устные и письменные переводы по заказам организаций с исландского и английского на русский, с русского – на исландский (государственный университет Исландии, Исландский комитет по правам человека, Министерство благосостояния Исландии) и др. В 2009 году работала в мультикультурном центре (центр адаптации иммигрантов). В настоящее время обучается в магистратуре государственного университета Исландии на отделении переводоведения, а также работает ассистентом заведующего в Центре иностранных языков при этом же университете. Литературный псевдоним – Наталья Демидова.

Коржова Екатерина Максимовна (Чита)

Окончила с отличием бакалавриат и магистратуру на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Поэт-переводчик с английского, немецкого и русского языков. Многократный победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков. Автор поэтического сборника «Трепет застенчивой души». Работает учителем английского языка в средней школе.

Макаров Борис Константинович (с. Акша, Заб. край)

Известный забайкальский поэт-переводчик, журналист, заслуженный работник культуры РФ. Окончил историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. В 1972 г. стал членом Союза журналистов СССР, в 1978 г. – членом Союза писателей. Опубликованы книги стихов поэта: «Начало начал» (1975), «Возвращаются птицы» (1978), «ЦВЕТНЫЕ коромысла» (1983), «Узы» (1987), «На изломе времён» (2001). Более тридцати лет занимается переводом бурятской поэзии. В 2001 году вышли в свет три стихотворных сборника переводов с бурятского: «С родников начинаются реки большие...», «Вечный свет» и «Волшебные зеркала». В 2008 году появились ещё два сборника переводов с бурятского – «Степные берёзы» и «Когда поёт кукушка». В 2009 году к 70-летию со дня рождения поэта было опубликовано юбилейное 2-х томное издание «Стихи и поэмы» (Москва: Изд-во «Русь»). Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Маркелова Ольга Александровна (Москва)

Окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук, специальность: скандинавская литература. Литературовед, с юных лет пишет собственные стихи и прозу. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (Пушкино, 2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора). Автор стихов и малой прозы в московских журналах «Юность», «Литературные незнакомцы», «Наша улица», альманахе «Складчина», «Остров», «Вышгород» (Таллинн), «Tímarit Máls og menningu» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова).

Маркова Нина Алексеевна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является постоянным автором раздела «Лексико-

графия», составитель Русско-английско-латинского словаря флоры и фауны в помощь переводчику.

Панкратова Элеонора Леонидовна (Москва)

Окончила МГУ, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России. Представитель России в международной комиссии FIT по литературному переводу. Почётный член Гамсуновского общества. Член международной ассоциации скандинавистов IASS. Автор статей, посвящённых норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбьёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсмунена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История Психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», в норвежской печати (Афтенпостен Проза Forfatteren) и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии.

Переяслов Николай Владимирович (Москва)

Окончил заочно Литературный институт имени А. М. Горького. Поэт, критик, прозаик, журналист. Работал шахтёром, геологом, инструктором туризма, завхозом в геологической партии, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России, секретарём Правления Союза писателей России, помощником мэра Москвы и на других работах. Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов и Международной Ассоциации писателей и публицистов. Действительный член Петровской Академии наук и искусств. Печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Грузии, Армении, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, Германии, Болгарии, США, Китая и других стран. Автор более 20 книг стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Участник Первой Международной поэтической конференции в Каире, Конгресса народов России в Якутске, Выездного пленума Союза писателей России в Чечне, Дней литературы в Ереване, Белгороде, Липецке, Ашхабаде, Харькове, Гурзуфе, Якутске и других городах. Лауреат Большой литературной премии России (2006), победитель конкурса Совета муфтиев России «Пророк Мухаммад – милость для миров – 2010» и других наград.

Сагратян Ашот Аристакович (Москва)

Окончил русское отделение филологического факультета университета им. Молотова, затем Литинститут им. А. М. Горького. Учился в аспирантуре Института мировой литературы. Писатель, поэт, художник. Воспитатель переводческих кадров: с 1969 по 1995 гг. руководил творческим семинаром в Литературном институте им. А. М. Горького, читал лекции по теории перевода и

психологии творчества, в том числе и на Высших литературных курсах. С 1968 года журналист-международник. Перевёл около 30 книг. Пишет сказки. За уникальные разработки в области этнопедагогики в 1998 г. был избран членом Академии педагогических и социальных наук, а в 1999 г. – действительным членом АПСН. По его письму в Политбюро в 1988 г. в Москве была открыта первая национальная воскресная школа. А. Сагратян – участник международных симпозиумов. В 1999 г. был удостоен Золотой пушкинской медали. Автор книги «Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом» (2001), посвящённой 1700-летию принятия христианства государственной религией Армении. В 2009 году награждён медалью В. Я. Брюсова за более чем полувековой вклад в науку о переводе и пропаганду шедевров армянской литературы на русском языке. В 2010 году выпустил поэтический сборник, посвящённый 65-летию Великой Победы. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). Автор поэтических переложений шекспировских трагедий «Гамлет. Принц душевной смуты» и «Джульетта» (2013).

Сапёлкин Андрей Александрович (Владивосток)

Филолог-лингвист. Кандидат исторических наук. Заведующий кафедрой иностранных языков Государственной Дальневосточной Академии искусств в г. Владивостоке. Переводит с итальянского, английского, немецкого, французского и польского языков. В настоящее время работает над докторской диссертацией по филологии. Работа посвящена поэтическому творчеству итальянского поэта (и композитора) Арриго Бойто. Автор перевода на русский язык основных произведений Бойто, а также стихов некоторых других скапильятов. В 2011 году в Германии в издательстве LAP LAMBERT вышла монография «Поэтическое творчество Арриго Бойто. Дуализм личности».

Скопина Анастасия Викторовна (Чита)

Окончила бакалавриат и магистратуру филологического факультета Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Является аспиранткой ЗабГУ, специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья». В настоящее время работает учителем английского языка в средней школе.

Славороссова Евгения Алексеевна (Москва)

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает литературным редактором журнала «ЧИП – детям» (приложение к журналу «Чудеса и приключения»). Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант от-

крытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

Соколова Елена Васильевна (Самара)

Окончила Горьковский институт иностранных языков им. Н. А. Добролюбова и аспирантуру при Самарском государственном университете. Кандидат филологических наук, доцент. Работает в Самарском государственном педагогическом университете. В 1987 году окончила курсы немецкого языка при Йенском университете в Германии. С 1990 года – член московской комиссии по изучению наследия Гёте и культуры его времени при Российской Академии Наук. Имеет много публикаций литературоведческого характера. Член Союза переводчиков России. Автор перевода с немецкого романа в 5 книгах Людвиг Тика (2002), рассказов Йозефа Рота и других произведений.

Стельмак Ольга Викторовна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в Москве. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Поэт-переводчик, действительный член Союза переводчиков России, председатель Забайкальского регионального отделения СПР, главный редактор научно-художественного журнала «Переводчик», директор университетского предприятия ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Опубликованы словари в помощь переводчику: Англо-русский словарь стихотворных терминов, Англо-русский словарь цветонаименований, Англо-русский словарь поэтизмов (2002); учебные пособия для студентов «Britain Is Never Distant», «Business English». Книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...» (1998, 2-е изд. 2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень ...» (2000), «Волшебный мир любимых грёз» (2003), «Мой зачарованный мираж...» (2006); «Сладкой грусти наслажденье...» (интернет-издание на сайте «Стихи.ру», 2012). Опубликованы стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники» (2012), «Российские поэты» (2012), Сборник стихов (2012), Любовная лирика (2013). Дипломант поэтического конкурса «Поэт 2012 года».

Суханова Татьяна Ивановна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в Ленинграде. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России. Переводит стихи забайкальских поэтов с русского на английский язык, переводит также буклеты, фотоальбомы, озвучивает видеофильмы о Забайкалье на английском языке, выполняет письменные переводы различной тематики. Участник программы фонда «Оксфорд – Россия» по преподаванию совре-

менной британской художественной литературы в вузах. Координатор работы кафедры с американской некоммерческой организацией «Сибирские мосты». Редактор и постоянный автор раздела «Земля Даурская», член редколлегии журнала «Переводчик».

Фарниева Эльвира Казбековна
(ст. Архонская, Республика Северная Осетия-Алания)

Окончила филологический факультет Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова. Филолог, несколько лет преподавала в школе. В настоящее время работает в Центре профилактики социального сиротства и развития семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Моя семья». Пишет в различных жанрах – фэнтези, приключения, юмор. Начала переводить сравнительно недавно. Первый перевод рассказа К. Маккарти «Глядя на Сьюзан» был опубликован в журнале «Новая Юность», № 5 за 2012 г. Готовится к выходу сборник «Новые писатели–2013» по итогам 12 Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья с переводом рассказа Элинора Портер «Юпитер Энн». Участник Школы Перевода В. Баканова.

Фельдман Евгений Давыдович (Омск)

Окончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Стаж творческой деятельности более 40 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Перевёл более половины стихотворных произведений Китса, две трети из творческого наследия Бёрнса, треть всего поэтического наследия Киплинга. Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов Артура Конан Дойля «Песни действия». Основные публикации: переводы в 3-хтомной антологии «Семь веков английской поэзии» (М., 2007), Джон Китс «Эндимион» (Харьков, 2008), Роберт Бёрнс «Былые времена» (Харьков, 2009, Омск, 2012). В 2010 году в переводе Е. Фельдмана издательство «Фолио» (Киев) выпустило в свет сборник стихотворений Редьярда Киплинга «Кабульский брод». В 2012 году в издательствах Москвы и Санкт-Петербурга опубликованы книги: Р. Бёрнс «Джон Ячменное зерно» (стихотворения, поэмы, песни, баллады); Р. Киплинг «Бремя белых» (часть 2 в пер. автора); Блэкмор Р. Д. «Лорна Дун» (роман); Брэддон М. Э. «Тайна леди Одли» (роман); О. Уайльд. «Сфинкс» (стихотворения и поэмы). Лауреат Бунинской премии 2010 года в номинации «Поэтический перевод». Награждён Всероссийской общественной организацией Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России» Почётным знаком отличия «Трудовая доблесть. Россия» (апрель 2013 г). В ноябре 2013 г. стал лауреатом Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Литературные переводы».

Шадрина Мария Анатольевна (Чита)

Студентка 4 курса китайского отделения факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Ее поэтические произведения издавались в сборниках «Поэт года 2011» и «Поэт года. Дебют», 2013. Принимала участие во II Воронежском конкурсе переводчиков, заняла 2 место в номинации «Перевод поэтического текста с английского языка на русский» (2013). Участвовала в XVIII региональном и XIX межрегиональном конкурсах молодых поэтов-переводчиков в Чите, награждена дипломами за лучшие переводы с английского, русского и китайского языков (2013, 2014).

ПЕРЕВОДЧИК

Выпуск 14

Главный редактор О. В. Стельмак
Печатается с оригинал-макета авторов

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 040275 от 04.03.97.

Подписано в печать 16.06.2014. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Способ печати оперативный. Усл.печ.л. 15,5. Уч.-изд.л. 16,6.
Заказ № 15014. Тираж 300 экз.

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30.

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России
Контактный телефон 8-(302)2-26-86-55
E-mail stelmak@pochtamt.ru